

АНТОН КЛЕТТИН
ПРЕСТУПИВЦІЙ
ГРАНЬ

Annotation

Простой парень из нашего мира неведомым образом попадает в мир иной. И еще один. И еще. Приключения? Странные звери? Неведомые враги? Чудеса? Все это будет, нужно лишь принять предложение странного юноши, являющегося ему во снах.

Пролог + Глава 1

Всполохи разожженного посреди шатра костра оживляли глубокие, им же созданные, тени. Заставляли плясать, корчить рожи, насмехаться. Но, молодого шамана это нисколько не беспокоило, даже наоборот — очень радовало. Он знал от старших, более опытных, шаманов, что если тени начинают плясать, то значит все хорошо. Все правильно. Значит, он все сделал верно и вскоре его зов будет услышан.

Отложив специальную трубку, сквозь которую он некоторое время вдыхал дым особого сбора трав и грибов, молодой шаман с трудом поднялся на ноги. Он чувствовал себя дряхлым стариком, хотя ему еще не было и шестнадцати оборотов. И это тоже было правильно. Как говорил его пожилой наставник — мудрость приходит только с возрастом. Поэтому те, кто еще слишком молод и использовали специальный сбор, дабы на некоторое время преисполниться необходимой для ритуала мудрости. Но, никому еще не удавалось обмануть духов, поэтому, вместе с мудростью приходила и стариковская немощь.

Молодой шаман, превозмогая дрожь в коленях, медленно начал двигаться в особом, никогда ранее у него не получавшемся, танце. Однако, на этот раз, кажется, он делал все как нужно. Он понял это по тому, что с каждым шагом вокруг костра, с каждым ударом по бубну, обтянутому кожей его младшего брата, с каждым новым движением теней на стенках шатра, ему становилось все легче. Казалось, еще чуть — чуть, и он воспарит над всем смертным миром. И это тоже было правильно.

Он все делал правильно, поэтому, молодой шаман, не выходя из транса и ни на секунду не прекращая своего танца, затянул речитатив заклинания для призыва тех, кто ушел за грань. Это было очень опасно и наставник ему строго — настрого запретил пытаться совершить данный ритуал. Но, молодой шаман был молод, а молодость самоуверенна и непослушна во всех мирах. Не был исключением и этот.

Тени плясали на стенках шатра, тени плясали на лице молодого шамана. Он был настолько увлечен ритуалом, что не заметил, как одна из них, слишком темная по сравнению со своими товарками, замерла и, казалось, наблюдает за ним. Не заметил он и того, что эта тень стала расти, изменяться, с каждой секундой, все больше походя на человеческий силуэт. А вот то, что тень бросилась на него, молодой шаман, все — таки заметил и, в последний момент, дико закричал. Однако, было уже поздно, тень обхватила его своим подобием рук, обволокла, и, казалось, втянулась в его тело. Молодой шаман некоторое время постоял неподвижно, после чего упал на спину, бубен выпал у него из рук и, прокатившись по полу шатра, упал в костер, где занялся пламенем. К запаху трав добавился запах горелой человеческой кожи. Однако, молодой шаман всего этого не замечал. Он лежал на полу, а его тело сотрясали ужасные корчи. Впрочем, спустя несколько минут все прекратилось.

Шли часы, костер прогорел, дым, висевший под потолком рассеялся, тени прекратили свой танец и ушли. А молодой шаман все лежал на полу шатра. И лишь часто — часто вздымающаяся грудь показывала, что он еще жив.

Глава 1

Тимофей Лисин, а для друзей — просто «Тима», проснулся от того, что у него жутко болела спина. Такое с ним иногда случалось, особенно в походах, в которые он очень любил ходить со своими приятелями. Бывало так, что вроде почищешь стоянку от лишних камней,

поставишь палатку, расстелишь каремат и тебе даже удобно. А утром просыпаешься с болями в спине или заднице, в зависимости от того, какой именно части тела не повезло на этот раз.

Но, в этот раз, был явно не тот случай. Тима еще не настолько сошел с ума, чтобы в середине декабря ходить в походы. Да и было у него некое смутное чувство «неправильности». Оно часто возникает когда понимаешь, что забыл что — то, но не помнишь что именно. Попытки вспомнить ни к чему не привели, только голова разболелась. Как будто ему больной спины не хватало. Последняя мысль натолкнула Тиму на то, что и спине — то, по хорошему, болеть нет никаких причин.

Молодой человек открыл глаза и с недоумением уставился на полотняный потолок, нависающий над ним. Некоторое время он так и пялился на непонятное явление, однако сонное оупение все же, потихоньку, начало его отпускать и Тима совершенно четко осознал, что потолок этот ему незнаком. Но информации для того, чтобы сделать хоть какие — то выводы, было очень мало. Поэтому Тима поднял голову и осмотрелся. Далось ему это простое действие, надо сказать, с огромным трудом.

Осмотревшись, Тима решил, что сходит с ума. Он находился в каком — то, судя по полотняным стенам и потолку, шатре. Внутри было достаточно светло, поэтому ему удалось разглядеть обстановку места своего ночлега. Хотя, если начистоту, то разглядывать было особо — то и нечего — какие — то тряпки у дальней стенки, да потухший костер, обложенный по кругу камнями, посредине — вот и вся обстановка.

От обдумывания того где он и как тут оказался — Тиму отвлек банальный утренний зов организма. Причем настолько сильный и внезапный, что даже резко вскочив на ноги, он не обратил особого внимания ни на боль в спине, ни на общую слабость организма. Самым большим испытанием для него сейчас стало найти выход из шатра, что оказалось далеко не самой простой задачей. Это чертово строение было каким — то... одинаковым внутри. Однако, побегав по шатру некоторое время, он все же справился. И, чертыхаясь и матерясь, выбрался, наконец, из западни. После чего, не обращая внимания на окружающую обстановку, ломанулся в ближайшие кусты. Казалось бы, вот оно, счастье. Но нет. Проклятая судьба подготовила ему другую напасть. То, во что была одета его нижняя часть, никоим образом, не напоминало привычные ему джинсы, а следовательно и «молнии» на причитающемся ей месте, быть не могло. Зато, имелись какие — то кожаные шнурки, причем завязанные в такие мощные узлы, что любой матрос обзавидуется. Не долго думая, Тима просто — на просто стянул с себя это каторжное приспособление, лишь слегка похожее на штаны, и с чистой душой сделал свое грязное дело.

Когда же он пытался натянуть это подобие штанов обратно, то сделал для себя три интересных открытия. Первым был тот факт, что нижнего белья на нем не было совсем. Вторым то, что его кожа почему — то потемнела и стала достаточно смуглой, как будто он долго — долго валялся на пляже под палящим солнцем. Третье же отличие было очень неприличным, но крайне волнующим. Дело в том, что его мужское достоинство значительно отличалось от того, чем он обладал ранее. Сейчас, когда мочевого пузырь не давил на мозги, Тима это четко видел. И, надо сказать, последняя новость знатно его обеспокоила. Пытаясь натянуть штаны обратно, он интенсивно размышлял над сложившейся ситуацией и строил догадки о том что же с ним произошло. Мыслей было много, но все, как одна, глупые и бестолковые.

Так и не придя ни к каким конкретным выводам, однако решив, что нет смысла и

дальше торчать в кустах, Тима из них сразу — же вышел.

— Охреть... — тихо протянул он, не обратив внимания на то, как тяжело его языку и губам далась такая простая фраза.

Тиму можно было понять и простить ему подобную грубость — вид с того места, где он сейчас находился, был действительно завораживающим. Молодой человек стоял почти на самом краю очень высокого отвесного обрыва. Внизу, до самого горизонта, простирался зеленый лесной ковер, рассеченный на две неравных половины широкой лентой реки нежно — бирюзового цвета.

Он мог, наверное, еще долго стоять и пялиться, как дурак, на все это природное великолепие. Но долго наслаждаться видами ему не дали. Из созерцательного состояния его вывел душераздирающий вопль, раздавшийся откуда — то слева. И было в этом крике столько боли, что Тиму аж до костей пробрало. Он подскочил на месте и повернулся в сторону, откуда исходил звук, однако никого, кто мог бы так кричать не заметил. Ведь не могла же так орать вон та, средних размеров, серо — зеленая птичка, уютно расположившаяся на небольшом деревце, находившимся метрах в пяти — шести от Тимы?

Практика показала, что еще как могла! Эта тварь, лишь слегка чем — то похожая на обычную речную чайку, которых жило так много рядом с его любимым парком, вдруг повернула голову в сторону рассматривающего ее парня. После чего ее очень необычный, сразу чем — то привлечший внимание Тимы, клюв раскрылся подобно цветку с четырьмя лепестками. И молодой человек услышал тот самый, так испугавший его, вопль.

— С — с—сука! — едва ли не громче, чем эта мерзкая пичуга, заорал Тима и не придумал ничего умнее, чем подхватить небольшой, валяющийся тут же, у него под ногам камень и запустить его в крикунью. К его удивлению, бросок оказался очень точным и заткнувшаяся на середине крика тварь как — то странно булькнула и совершив абсолютно неэстетичный пируэт, свалилась замертво.

Тима долго не решался подойти ближе и внимательнее рассмотреть крикливую птичку, однако все же совладал со своей нерешительностью. Вблизи все оказалось не так страшно — птица валялась на земле задрав лапы кверху. Она не пыталась ни двигаться, ни орать.

— Похоже сдохла, — тихо констатировал новоявленный борец с нечистью. Дабы получше рассмотреть свой трофей ему пришлось вытащить птичку из густой травы, в которой она лежала на более открытое пространство. Однако, руками это трогать, он все же побрезговал, воспользовавшись средних размеров суковатой палкой, найденной неподалеку.

Ничего особо примечательного в своем трофее Тима не увидел, если конечно не принимать во внимание странный клюв. А так — птица как птица. А вот клюв — да, это было нечто. Крупный, едва ли не в четверть тела птахи, массивный и жуткий. Он состоял из четырех «лепестков», усеянных изнутри длинным рядом изогнутых внутрь и, на первый взгляд, очень острых зубов. Эти лепестки, могли раскрываться, подобно цветку. В закрытом же состоянии — выглядели практически неотличимо от обычного клюва, присущего нормальным птицам. Впрочем, одним клювом странности все же не ограничились. Знатно покопавшись у этой твари в пасти, Тима заметил еще одну странность — полное отсутствие языка. Видимо монстр питался подобно пеликанам — полностью заглатывая свою добычу. Правда, молодой человек не знал, есть ли языки у самих пеликанов. Впрочем, в его положении, это было не столь важно.

Утолив свое орнитологическое любопытство и еще раз подивившись своему точному броску, Тима вернул странную тварь обратно под дерево, после чего уселся недалеко от края

обрыва и задумался. Ни окружающая его природа, ни, тем более, эта жуткая представительница фауны, никоим образом не напоминала то, к чему он привык. Если птичку еще можно было списать на ужасы Чернобыля, хоть и с трудом (как ни крути, но эта станция находилась в нескольких тысячах километров от его родного города), то растительный мир окончательно ставил его в тупик. Ну не могло быть в средней полосе таких деревьев. Не могло. Высокие, с густой и очень крупной листвой, они вообще не походили ни на что, известное Тиме. А в деревьях он, худо — бедно, но разбирался.

Да и река еще эта. Даже на фотографиях в интернете он не видел настолько насыщенного лазурного цвета у воды. А тут, казалось, кто — то вылил в реку целую кучу краски — настолько нереальный оттенок был у нее.

Тима посмотрел себе на руки. Это были не его руки, уж что — что, а это он мог сказать точно. Слишком длинные пальцы, слишком смуглая кожа, слишком изящные кисти. Можно было бы даже подумать, что они принадлежат женщине. Однако недавний поход в кусты и наличие в штанах всего необходимого мужчине полностью опровергло эту идею.

Собственно, именно мысль о походе в кусты и вернула его к действительности. Да он отвлекся сначала на чудесный вид, а потом на мерзкую крикунью, однако теперь пообещал себе быть последовательным. Решив пока не забивать себе голову посторонними мыслями и решать проблемы по мере поступления — Тима поднялся на ноги и направился к шатру. Снаружи, кстати, тот был ничем не примечательным — просто большая палатка серо — коричневого цвета с небольшими отверстиями в крыше.

Внутри шатра было по — прежнему сумрачно и пахло какими — то травами. Теперь, после того как побывал на свежем воздухе, Тима это хорошо чувствовал.

Осмотр не занял много времени. Интерес представляла лишь куча тряпок, находившаяся у одной из стенок. В ней он нашел некое подобие дорожного мешка, причем даже с лямками, чтобы удобнее носить было. В самом — же рюкзаке нашелся кусок плохо пропеченного, похожего на глину хлеба, шмат вяленого мяса, фляга с водой, сделанная, судя по всему, из какого — то овоща вроде тыквы и, средних размеров, кожаная сумка, занимавшая добрую треть всего объема. От сумки очень сильно пахло травами. Открыв ее, Тима увидел с десятков небольших мешочков. Что в них находится сейчас, из — за скудности освещения, было не рассмотреть. Поэтому, он решил удовлетворить свое любопытство позднее и продолжил осмотр. Впрочем, ничего интересного, кроме отреза шерстяной ткани и какой — то странной тряпки с дыркой посередине, Тима больше не нашел. Внимательно присмотревшись к последней, Тима понял, что это нечто, вроде пончо, только очень длинного и не очень хорошо пошитого.

Закончив осмотр шатра и не найдя более ничего интересного, он вышел под яркий солнечный свет и развязал один из мешочков. Там оказались какие — то странные хлопья, чем — то похожие на сухофрукты. Внимательнее присмотревшись к «хлопьям», Тима увидел характерный рисунок. Рисунок, который обычно встречается на мухоморах.

Остальные мешочки были забиты похожим содержимым. Там были сушеные грибы, травы, соль, ягоды и нечто, очень похожее на козьи какашки. Последний же выбивался из общей картины, так как содержал в себе два камня — один темно — коричневый, а второй — белесо — серый и нечто, сильно напоминающее ветошь. Покрутив каменюки в руках и решив, что раз их сюда положили, то значит они зачем — то нужны, молодой человек вернул их на место. Закончив с осмотром Тима уселся на траву недалеко от входа и задумался над тем что делать дальше и как быть с хозяином всего этого добра, когда тот вернется.

А еще его волновал тот факт, что он практически не помнит не только того, как он тут оказался, но и вообще событий предыдущих дней. Последним осмысленным его воспоминанием было то, как он стоит на сцене в одном из актовых залов своей альма — матер и в очередной раз просматривает свой будущий монолог. А дальше — как отрезало, а все попытки хоть что —нибудь вспомнить провоцировали новые приступы головной боли.

Тима был далеко не глупым парнем и четко осознавал, что не бывает так, чтобы люди, вдруг, внезапно оказывались черт знает где. Нет, конечно, всякие случаются жизненные обстоятельства: примет человек лишку, встретит удалую компанию да и в чужом городе проснется, ну или перейдет дорогу уважаемым людям, а те его в лес. Но вот так, чтобы природа настолько сильно отличалась — нет, такого не бывает. Да и тварь эта крикливая, ничуть не похожа была на нормальную птицу. Он, конечно, слышал, что в лесах Амазонии есть крикуны и более громкие, но в том, что они косят под «Чужого» из одноименного фильма, сильно сомневался. Да и попадание в Амазонию выглядит крайне нереалистично. Вряд — ли кто — то был стал запариваться со студентом — недоучкой и переправлять его за тысячи километров. Но, с другой стороны, местные леса совсем не походили на те, в которых он не раз бывал в походах. А вот насколько они соответствуют тем, что растут по берегам самой большой реки на Земле — не знал. Как — то не было у него ранее интереса к этому вопросу. Слышал только, что там джунгли есть, а что такое эти самые «джунгли» — представлял себе слабо.

Тима вздрогнул. Мысль, долго маячившая где — то на окраине его сознания, вдруг полностью сформировалась и причиной тому были его последние рассуждения.

— Попадание... В Амазонию, — задумчиво протянул он, а затем захихикал. Мысль была бредовой по своей сути, но другого внятного объяснения тому как он оказался черт знает где, да еще и одетый в черт знает что он родить не смог.

— Итак, допустим, я действительно попаданец, — начал он рассуждать вслух, — и попал я куда — то, если судить по тому во, что я одет — в средневековье. Как оригинально, — снова захихикал он. — Раз попаданец, да еще в средневековье, — продолжил он, отсмеявшись, — то это никак не может быть реальностью, из чего следует, что у меня галлюцинации, или то, что я герой какой — то книги, а следовательно — мне полагаются плюшки. Эй, автор, я надеюсь ты не мудак, и снабдишь меня хотя бы десятком эльфийских принцесс, — он снова хихикнул, — если все так и я не сошел с ума — подай мне какой —нибудь знак. — Тима некоторое время сидел молча, оглядываясь по сторонам. — Ну и иди тогда в задницу, автор, — сказал он, ничего не дождавшись. — А ты, читатель, если ты конечно есть, — он снова хихикнул, — прекращай эту муть читать. Все равно я, как главный герой, скучен, уж поверь мне. Даже не спецназовец. Да и автор мне достался явно не самый лучший. Ну сам подумай — писать про попаданцев, он, блин, меня бы еще в литрпг отправил. В общем — я тебя предупредил.

Закончив свой монолог Тима еще некоторое время просто молча наблюдал на открывающимися перед ним пейзажами, размышляя о превратностях судьбы и своем душевном состоянии.

— Вот и что за чушь я сейчас нес? — наконец спросил он непонятно у кого. — Книжный герой, мля. Думать надо что делать дальше и как из этой тропической задницы выбираться. — Он помолчал еще некоторое время, а затем продолжил: — да и разговаривать самому с собой — дурной признак, а я еще не так долго одинок, чтобы у меня начала протекать крыша.

Конечно же он был прав, однако, если бы он был до конца честен сам с собой, то признал бы, что не одиночество было главной причиной такой разговорчивости. Тима был чертовски испуган, но боялся признаться в этом даже самому себе. Оказаться одному, неизвестно где, да еще со значительными провалами в памяти — такое испытание под силу далеко не каждому. Поэтому он храбрился и пытался глупыми шутками отгородиться от своих страхов и чувства одиночества, которое ненавязчиво, потихоньку, начало к нему подкрадываться.

Засиживаться долго Тима не стал, даже несмотря на чудесный вид. Необходимо было двигаться вперед и это он осознавал четко. Слышал когда — то, что самое главное для потерявшихся в дикой природе — это найти открытое место, дать о себе знать каким — нибудь примечательным образом, а если нет возможности, то без крайней необходимости не менять свою дислокацию. И это было логично, однако сейчас Тима очень сильно сомневался, что его вообще кто — то ищет, по крайней мере тут. Представив то, как обеспокоены сейчас его родители, как они обзванивают полицию и морги, надеясь и боясь одновременно, принял решение, что сидеть на заднице и ждать потенциальных спасателей он не будет. И тут возникали два вопроса — куда идти и стоит ли экспроприировать чужое добро.

Зная древнюю латинскую мудрость, что нужно спешить не спеша — решил перво — наперво осмотреться, для чего и взобрался на вершину холма, рядом с которым и был разбит шатер. Холм оказался не холмом, а склоном плато, столь большого, что стена деревьев на его дальнем конце, была размером едва — ли в половину Тиминого мизинца. Плато было если и не идеально ровным, то очень близко к тому. Оно все поросло травой. Густая, сочная, изумрудно — зеленая трава, покрывающая всю его поверхность. Она скрадывала все неровности, создавая эффект водной глади. Особенно сильным это ощущение становилось с приходом ветерка, весело играющего с высокими стебельками. В эти моменты гладь превращалась в бушующий изумрудно — зеленый океан. Это зрелище было очень завораживающим и даже немного пугающим. Однако полностью покориться иллюзии не давали небольшие деревца и кустарники, то тут, то там торчащие из сплошного зеленого моря. Именно они не давали окончательно забыть, что перед Тимой была не всепоглощающая водная стихия, а обычный, хоть и очень красивый травяной ковер.

Теперь, после разведки, перед ним было три варианта: двигаться вдоль обрыва, держа его по левую руку, делать то же самое, но держать тот по правую руку или оставить пропасть за спиной и идти к виднеющимся вдали деревьям. Немного подумав, Тима выбрал четвертый вариант — промежуточный между вторым и третьим. Он решил оставить деревья по левую руку, а обрыв по правую и идти по диагонали. Что именно побудило его выбрать именно такой маршрут не знал даже он сам, однако справедливо рассудил, что в его ситуации выбор, в принципе, не имеет вообще никакого значения, а следовательно можно идти туда, куда лежит душа.

Вернувшись назад, начал собираться в дорогу. Впрочем, сборы оказались на удивление долгими. Проблемой, внезапно, оказался сам шатер. Элементарная, на первый взгляд, конструкция оказалась ему, дитю двадцать первого века, не по зубам. Нет, конечно же общий принцип он понял, и даже успешно шатер разобрал, однако обратно собрать — вряд — ли смог бы. Это стало понятно сразу же, как он попытался ради тренировки, это сделать. Вроде бы дело совсем не хитрое, однако, результат, мягко говоря, обескураживал. А раз так, то Тима принял стоическое решение не смешить местных зверей и дальше двигаться без

шатра. Тем более, что некое подобие одеяла у него имелось, а на улице было достаточно тепло. Авань не замерзнет.

Он уже собирался, было, начать свой путь, как вдруг его осенили две, без сомнения, гениальные идеи. Первая состояла в том, что он живой человек и ему надо будет что — то кушать, а недалеко от него валяется тушка убиенной крикуньи. Подойдя поближе и подняв тушку с земли — внимательно осмотрел ее, пытаясь понять ядовита ли эта птаха. Он не знал существуют ли вообще ядовитые птицы, но от твари с такой пастью можно было ожидать чего угодно. Не заметив никаких явных признаков ядовитости — вроде странных потеков прозрачной жидкости, змеиных клыков, скорпионьего хвоста и прочего подобного, перенес тушку поближе к остаткам шатра. После чего взялся за реализацию второй идеи, которая была основана на когда — то слышанном им факте, что мол ночевать на земле в джунглях — верная смерть. Насколько опасны местные джунгли он не знал, однако скорпионы, бывало, залезали к нему в палатку даже в родных лесах. Решил данную проблему он просто — отрезал значительный кусок от шатра, сложил вдвое, а к концам привязал по две веревки. В итоге у него получился замечательный, а самое главное — очень легкий и удобный в переноске гамак. Правда, заняло создание такой полезной вещи у него никак не меньше трех часов. Оказалось, что недостаточно иметь о чем — либо представление, нужно еще, чтобы и руки росли из нужного места. Сложнее всего оказалось с обрезкой ткани. Ни ножа, ни чего — то на него похожего у Тимы не было, поэтому пришлось искать заменитель. За него сошел слоистый камень, чем — то отдаленно похожий на слюду. Камень, если им хорошенько шарахнуть о что — то твердое, неплохо ломался, а сколы у него были достаточно острыми.

Уже когда все вещи были собраны и сложены в рюкзак и Тима готов был двинуться в путь, молодой человек, вдруг, заметил какую штуковину, валяющуюся недалеко от кострища и ранее им незамеченную. Он нагнулся, поднял ее и внимательно рассмотрел. Штуковина была сделана из глины и больше всего напоминала обычную курительную трубку. Тима засунул мизинец в чашу, наполненную пеплом, поворошил там и понюхал. Запах был странным, однако не сказать что неприятным. Решив, что запас карман не тянет — засунул трубку в рюкзак, затем накинул плохонькие веревочные лямки себе на плечи, взял тряпицу с убитой им птицей, еще раз полюбовался чудесным видом, открывающимся с края обрыва. После чего, повернувшись к тому спиной, решительно зашагал в выбранном ранее направлении.

Идти по этой чудесной траве, да под теплым, ласковым солнцем, приятно оказалось лишь первые несколько часов. А потом красоты как — то приелись, а теплое и ласковое солнышко начало знатно припекать. Однако, жара была не самой большой проблемой молодого человека. Тима, как — то раньше не обращал внимания на то во что он одет и обут, если не считать, конечно, того эпизода с походом в кустики, но там его больше занимали другие проблемы, а потом как — то забылось. К тому же — одежда была настолько привычной для его тела, что он даже и думать забыл о ней. А вот обувь подкачала. Очень отдаленно похожая на некий гибрид вьетнамков и сандалий, она явно была не предназначена для подобного передвижения. Трава забивалась в пространство между ногой и деревянной подошвой, ее стебли цеплялись за веревки, которыми обувь крепилась к ноге. И если Тима не хотел, чтобы его ноги были испачканы неприятной кашцей, в которую перемалывало траву между его ногой и подошвой, то ему приходилось останавливаться каждые несколько минут и вытаскивать весь этот гербарий. А процедурой это было крайне утомительной, так как несовершенная конструкция доставшейся ему обуви, не позволяла снимать оную быстро. В конце — концов, Тима плюнул и просто — напроосто снял этот шедевр местной моды, убрав его в рюкзак, и дальше уже пошел босиком. И как же здорово оказалось шлепать босыми ногами по мягкой травке. Он даже на время позабыл про палящее солнце.

Спустя еще несколько часов, Тима начал ощущать пока легкий, но все же голод, поэтому устроил привал у очередного небольшого деревца и уже было решил пообедать доставшимися ему от неизвестного благодетеля припасами, однако вовремя вспомнил о своем первом в жизни охотничьем трофее. Как ни крути, но вяленое мясо и хлеб были продуктами долгого хранения, а вот то, что на такой жаре тушка птички не сдохнет к завтрашнему утру — сильно сомневался.

Если быть до конца откровенным — ему очень не хотелось пробовать на вкус мясо этого мутанта, но бедным выбирать не приходится, жрать то все — равно нужно. Он же не робот какой. Да и не зря же он пол дня подрабатывал катафалком для птички.

К сожалению, Тима не был профессиональным выживальщиком, да и никогда особо не интересовался подобными вещами. Однако, жизнь в постиндустриальном обществе накладывала на любого человека свой отпечаток. Современные люди пропускали через себя такие объемы информации, какие среднестатистический житель века XVIII не мог получить и за всю свою жизнь. Конечно, подавляющее ее большинство терялось и забывалось, однако что — то все — таки задерживалось. Именно поэтому, а еще благодаря своему походному опыту, Тима имел некоторое представление о своих дальнейших действиях.

Перво — наперво он нашел подходящее место, уселся поудобнее, облокотившись спиной о дерево и начал постигать науку ощипывания перьев. А она оказалась ой какой непростой. Казалось бы, что тут сложного? Знай себе дергай перышки, да выкидывай. Но, мертвая крикунья, казалось, держала каждое всеми своими силами, не давая их спокойно выдергивать. Что послужило тому причиной — изначальное строение тела или уже начавшееся трупное окоченение, или просто все птицы по такие собственники, Тима не знал, однако упорно, по одному, отвоевывал у злобной и жадной твари ее одежду.

Когда же приноровился, то процесс оказался крайне медитативным и Тима, незаметно даже для самого себя, вернулся мыслями к ситуации в которой оказался. А подумать тут

было явно о чем. Как ни крути, но оказаться в незнакомом месте, возможно даже, в чужом мире — незаурядная вещь. И Тиму беспокоила его собственная реакция на произошедшее. Не будучи врачом, а тем более психиатром, он тем не менее очень сильно сомневался, что настолько спокойное поведение с его стороны нормально. Ему бы трястись от ужаса перед неизведанным, опасаться незнакомой местности, тосковать о том что было, в конце то концов. Но нет. Он был спокоен и уверен в правильности своих поступков и принимаемых решений. И вот такая, ничем не обоснованная, самоуверенность больше всего и настораживала. Но что было делать? Специально разводить в себе чувство паники? Глупо. Остаться на месте? Бессмысленно. Особенно, если он действительно попаданец и оказался в другом мире. Так куда же он держит путь то? Вот на какой вопрос стоило ответить в первую очередь.

Перво — наперво нужно найти убежище, — решил он после недолгих раздумий. Имея надежное укрытие можно будет подумать о том что делать дальше. Быть последовательным и осторожным, именно такую установку он себе дал на ближайшее время. Не было никакого смысла сейчас расплываться на более масштабные цели, вроде изготовления баллистических ракет из стволов местных сосен. Или чем там еще попаданцы обычно занимаются? Кстати о попаданцах, Тима слегка усмехнулся. Ему тут пришла в голову забавная мысль о том, что если уж не все, то подавляющее большинство попаданцев оказывались любителями фэнтези в целом, и книг про попаданцев в частности. Не могло быть так, что это как — то взаимосвязано? Может какой — нибудь злобный демон использует подобные книги, для своих темных дел, навечно запирая души сотен ни в чем не повинных людей в подобного рода низкосортной беллетристике? Или может этот демон просто ненавидит группу «Ария»? Этого Тима не знал, но вот то, что книги про попаданцев, женское любовное фэнтези и в особенности — литрпг, придуманы лично Сатаной — даже не сомневался. И ему очень сильно хотелось верить, что он просто был украден какими — нибудь бандитами и увезен на другой конец света. Или в то, что его сбил паровоз и он сейчас находится в коме. Все было лучше, чем оказаться попаданцем, особенно книжным, особенно в руках неопытного автора.

Внезапно Тима осознал, что задумчиво вертит в руках абсолютно лысую птичью тушку. Сколько он с ней возился — не знал, однако, бросив взгляд на солнце, понял, что никак не меньше часа. Вполне хороший результат для новичка. Отложив птицу в сторону и привалившись спиной к стволу дерева, Тима задумчиво посмотрел на небольшую горку перьев. Нужно было решить оставить ли их тут или забрать с собой. Перья, как ни крути, вещь в хозяйстве полезная, однако места в его импровизированном рюкзаке оставалось не так уж и много.

Так ничего и не решив — поднялся на ноги и взял в руки трупик птицы, повертел ее так и эдак, примеряясь к тому с чего бы начать. Нет, он конечно не был дураком и с общими принципами потрошения тушек был знаком. Но было несколько существенных проблем, главная из которых — отсутствие хорошего режущего инструмента. Однако время шло, а сделать нужно было еще очень много, поэтому он с тяжелым вздохом всадил острый край, уже послужившего ему ранее, камня в брюхо птахе. Брызнула кровь. Естественно, по закону подлости, большая ее часть попала ему на лицо.

— С — с—с — ука! — громко выругался Тима. Он же где — то читал, что нужно сначала кровь сливать, чтобы мясо дольше хранилось и не было мерзким на вкус. Да даже если бы и не читал — мог ведь и сам догадаться, ведь учил же биологию в школе —

мысленно укорил он себя. Однако, сейчас было явно не время для самобичевания — нужно было быстрее решать что делать дальше. Немного подумав и решив, что ни купаться в крови, как это уже случилось, ни оставлять уже ощипанную тушку местным хищникам, он не хочет, — Тима решил все — таки попробовать слить кровь с тушки и сделать все по — возможности правильно.

Протерев лицо от листьями представителя флоры, под которым отдыхал, начинающий охотник подготовил веревку из тех, что когда — то крепили шатер. Затем отошел к соседнему деревцу, под которым и планировал устроить кровопускание. Надежно привязав веревку к птичьим лапам, он все тем — же осколком камня начал отпиливать тушке голову. Процесс шел ни шатко, ни валко, да и пилить не особо острым камне висящую тушку оказалось тем еще испытанием, однако в конце — концов, молодой человек справился со своей грязной работой. Радовало одно — он лишь слегка запачкал руки. Правда, эта радость быстро ушла и появилось опасение, что это не просто так. Слишком уж мало крови натекло. Однако, решив, что не следует бросать начатое на пол — пути, Тима все же подвесил тушку на одну из веток и внимательно начал наблюдать за тем как кровь неохотно, с некой ленцией, но все же начала покидать мертвое тело. Правда не только из шеи, но и из отверстия, проделанного Тимой ранее. Но, так наверное даже было лучше. Больше отверстий, быстрее выйдет? По крайней мере ему на это хотелось надеяться.

Оставив птицу в одиночестве медленно истекать кровью, Тима решил заняться сооружением костра. И вот с этим была большая проблема. Ни спичек, ни зажигалки у него не было, а огонь разжечь нужно обязательно. Есть сырым мясо он не собирался, а бросать не хотел. Особенно после того сколько усилий уже потратил на свою добычу. Да и, как ни крути, но костер нужен был, хотя бы для обогрева, ведь черт его знает какие температуры тут бывают по ночам.

Тима был достаточно эрудированным парнем, поэтому про добычу огня при помощи трения, естественно, слышал. Однако, насколько это занятие окажется трудоемким и неблагоприятным даже не представлял. Он битый час тер сухой палочкой о другую, надеясь на то, что та начнет тлеть. И можно будет поджечь, средних размеров, кучку дров, что ему все же удалось найти где — то за час блуждания вокруг места стоянки. Вообще, с дровами тут был явный недостаток. Пришлось даже одно, не слишком то и сухое, дерево сломать, дабы имелся хоть какой — то запас.

И вот, прошло никак не меньше часа с того момента, как он начал изображать из себя очень неэффективную дрель, а прогресса все не было. Может палочки были не те, или дерево сырое, а может зря он каждый раз лез пальцами в образовавшуюся небольшую воронку, дабы проверить — не тлеет ли? Тима точно не знал, но вот то, что у него ничего не получается — было очевидно.

— Да в жопу это все! — Наконец не выдержав, вскочил он на ноги, отбросил в сторону палочку, которой пытался разжечь костер и изо — всех сил пнул сложенные дрова. Те разлетелись в разные стороны, а Тима схватился за ушибленную конечность и повалился на землю.

— Сука! Ну вот почему я? Вот что я сделал такого, что меня надо было в такую задницу засовывать? — начал он жаловаться непонятно кому, — вот какого черта, на моем месте не оказался какой — нибудь спецназовец? Или какой — нибудь демон, с детства занимающийся магией? Я ничего ведь не умею! Я просто актер, причем даже недоучившийся! У меня даже диплома еще нет! Так почему я? Все попаданцы, как

попаданцы, с плюшками какими — то. Один вообще с тачкой попал, а у меня даже сраной зажигали нет! Найду ту падлу, что меня сюда засунула — придушу. — Пообещал он, падая на спину и вытягиваясь во весь рост.

Некоторое время он лежал, тупо уставившись в безбрежное синее небо. Зрелище было столь умиротворяющим, что он стал постепенно успокаиваться. Когда к нему вернулась способность адекватно думать, Тима поразился несвойственному ему срыву. Видимо, все же его зацепило, а эффект только сейчас проявился. Зато он хоть убедился, что является живым человеком, а не чьим — то неумелым вымыслом.

Полностью успокоившись, Тима решил перетряхнуть сумку с травами и грибами, надеясь найти там что — нибудь легко воспламеняющееся. Когда доставал мешочки, один из них показался каким — то странным, чуть более тяжелым, что ли. Развязав его, он увидел там уже знакомые два камня и ветошь. Собрался было завязать мешочек и спрятать, но тут до жирафа дошло.

— Кретин... — Простонал он, хватаясь за голову, — орать про отсутствие плюшек и прошляпить банальное огниво! Я, наверное, самый тупой попаданец из всех!

С огнивом дело пошло веселее. Он дольше собирал разбросанные во время истерики дрова, чем разводил костер. Теперь же, когда в огороженном камешками кострище плясали язычки веселого пламени, можно было, наконец — то, заняться готовкой.

Впрочем, для начала, он должен был все же выпотрошить и разделать свой охотничий трофей. Тима не знал как быстро должна вытекать кровь у птиц подобного размера, однако надеялся, что времени, потраченного на розжиг костра, хватило.

Вблизи тушка выглядела крайне непрезентабельно. Розоватая, ранее, шкурка приобрела сейчас, сине — желтый оттенок и выглядела крайне нездорово. Впечатление, также, портили уже затвердевшие, темно — коричневые, потоки крови, залившие всю грудь птахи. Желание все бросить и перекусить трофейными запасами вернулось с новой силой. Однако, Тима собрал всю волю в кулак и, сняв тушку с дерева, начал расширять уже проделанное ранее отверстие в брюшине. Дело было трудоемким, грязным и крайне вонючим. Он старательно сдерживал рвотные позывы. Не стал давать волю своему желудку даже тогда, когда начал вытаскивать внутренности птахи. Но вот, найденное у нее в потрохах яйцо, попаданца все же доконало.

Как бы то ни было, однако, Тима все же закончил с неприятной для него работой. Оглядевшись по сторонам, он увидел что натворил и его даже слегка передернуло. Небольшое пространство под деревом сейчас больше всего напоминало сцену из фильма ужасов. Земля и трава были залиты кровью и рвотными массами, усеяны внутренними органами, валяющимися то тут, то там. А у корней, в луже крови, валялась небольшая птичья голова со страшным клювом, пустыми глазами смотрящая, казалось, в самую душу своего убийцы.

Он с трудом отвел взгляд от дел рук своих и побрел к костру, где сейчас вместо веселого огонька, поблескивали, все еще слабо видимые в свете закатного солнца, алые рубины углей. Нужно было до заката успеть привести себя в порядок, пожарить хоть часть птицы и отойти подальше от места экзекуции. После чего — устраиваться на ночлег.

Тима очень жалел, что не разделал птичку заранее и был неаккуратен. Понимал, что именно ночью большинство хищников выходит на охоту. И очень не хотел бы добавить уже

свои внутренности к тем, что лежали неподалеку.

Жарить всю тушку не было ни времени, ни желания. Да и необходимое оборудование, вроде вертела, у него отсутствовало. Поэтому, решил начать с ног. С отрезанием которых, тоже, пришлось попотеть.

В конце концов, отвоевав у тушки ее задние конечности, задумался над тем, стоит ли использовать те травы, что находились в трофейных мешках в качестве специй, или стоит побережться. Выбрал второй вариант. Если, уж там были мухоморы, то и травы могли быть не менее веселыми. А замутненное сознание — явно не то, что ему сейчас нужно. Хотел, было, даже спалить все к чертям в костре, но решил попридержать. Мало — ли, а вдруг пригодится? Сам наркоманом не был, и даже почти не пил, считая, что употреблять нужно в первую очередь ради вкуса, а не для того, чтобы уйти от реальности, однако к наркотикам, как таковым, относился терпимо, признавая их полезность в некоторых случаях.

Как оказалось — готовить на костре, не имея для этого решетки или шампуров — дело крайне неблагодарное, долгое и утомительное. Первое время — не раз ронял то одну, то другую ногу в костер. В конце концов, ему это надоело и он догадался увеличить количество прутиков, на которые были насажены окорочка. Так оказалось намного удобнее и дело пошло веселее.

Когда мясо, по прикидкам Тимы, было готово — солнце уже скрылось за горизонтом и наступили вечерние сумерки. Понимая, что если останется тут, то место для ночевки придется искать в темноте, решил ужин перенести на более позднее время, хотя желудок, раззадоренный запахом жареного мяса, настойчиво требовал еды. Но, молодой человек стоически проигнорировал намеки своего пищеварительного органа и, насколько мог, быстро собрался. Закидав землей уже почти погасший костер, он двинулся вперед на поиски удобного и менее грязного места для ночлега.

Спустя, примерно, минут тридцать быстрой ходьбы, Тима увидел чуть правее от намеченного маршрута небольшое скопление деревьев. Решив, что лучше места для ночевки ему сейчас вряд — ли найти, двинулся к цели. Деревья оказались немного дальше, чем он рассчитывал, поэтому подошел он к ним уже в глубоких сумерках. Однако, не поленился и, насколько мог в текущих условиях, тщательно осмотрел местность где ему предстояло провести ночь. Ничего подозрительного, к счастью, не нашел. Поэтому, со спокойной душой, он достал из своего импровизированного рюкзака самодельный гамак и начал крепить его к двум, удачно расположенным деревьям. Матросом Тима не был, поэтому хитрых узлов не знал, вот и пришлось провозиться до самой темноты и спальное место опробовать уже тогда, когда на небе всю сияли звезды.

Именно они и стали неопровержимым доказательством того, что молодого человека занесло куда — то в совсем другой, чужой для него мир. Тима лежал в гамаке, достойно выдержавшем испытание тушкой попаданца, смотрел в просветы в кронах деревьев и не видел ни одной знакомой звезды. И хоть он и не был завзятым курильщиком, однако сейчас бы не отказался выкурить сигаретку — другую. Успокоиться. Прав был, все — таки этот легендарный исполнитель. Однако чего не было — того не было и придется справляться своими силами.

Да и так ли все страшно на самом деле? Он жив и, вроде бы, здоров. У него целы руки и ноги. Есть голова на плечах и некоторые, знания, могущие оказаться очень полезными для этого мира. Авось не пропадет. Да и морально он уже был готов к новостям о том, что стал попаданцем. Краем сознания понимал, что просто так люди не переносятся из страны с

умеренным климатом куда — то в тропики.

Из задумчивого состояния новоявленного попаданца вывел желудок, сильным урчанием напомнивший о том, что его все же следовало бы наполнить. Вздохнув, Тима все — таки слез с гамака и наощупь нашел жаренные птичьи ноги. Жрать хотелось неистово, поэтому он не стал, как хотел изначально, проверять мясо на ядовитость, понадеявшись на «авось» и на свое попаданческое везение. Должен же быть и у него свой рояль. Пусть и такой крохотный, как не сдохнуть от ядовитого мяса в первые часы попаданчества.

Мясо у птицы оказалось жестким и невкусным. Однако, нищими выбирать не приходится, поэтому Тима слопал обе ноги в один присест, и даже отсутствие специй, ему ничуть не помешало.

Приятная тяжесть в животе вкупе с перенесенным стрессом сделали свое дело — Тиму потянуло в сон. Он промочил горло из доставшейся ему в наследство от неизвестного благодетеля, фляги, спрятал птичьи косточки в рюкзак, а сам рюкзак положил себе в ноги. После чего завалился в гамак и практически мгновенно уснул.

Снился ему какой — то смуглый молодой парень, одетый точно в такую же одежду, в которую был одет он сам. Парень стоял и смотрел на Тиму, но ничего не говорил. И было столько силы и власти в этом взгляде, что попаданцу хотелось подойти к парню, стать перед ним на колени, а после выполнять все его приказы.

Тима изо — всех сил старался не сделать ни шага навстречу незнакомцу. Он почему — то знал, что если уступить, то это будет его самой большой ошибкой в жизни, поэтому держался.

Время во сне — переменчиво и непостоянно, поэтому сколько они так стояли, смотря друг — другу в глаза, попаданец не знал. Однако, чувствовал, что ему становится все сложнее сопротивляться.

Жуткий крик вырвал его из дремы как раз тогда, когда он уже был готов сделать шаг навстречу этому странному парню.

Тима поднял голову и осмотрелся. Как оказалось, он проспал почти до самого утра. На востоке уже заалело. Хотя солнце все — еще не спешило подниматься над горизонтом.

— Приснитися же такое, — тихо, себе под нос, пробубнил попаданец, пытаясь выбраться из гамака, но тут снова раздался жуткий крик и Тима от неожиданности, упал обратно.

— Вот же падла! А ну пошла отсюда! — Закричал он на очередную птицу со странным клювом, которая сейчас сидела на соседнем дереве. Та, к его удивлению, послушалась и свалила, видимо испугавшись громкого крика или, что вероятнее — не захотев иметь никаких дел с таким грубияном. Сам же попаданец, продолжил попытки выбраться из своего спального места. Впрочем, в этот раз, ничто Тиме не помешало и спустя несколько секунду он уже стоял на своих двоих.

Отойдя в сторонку и справив естественные потребности, он вернулся к гамаку и теперь, ежась под порывами утреннего ветерка, размышлял над своими дальнейшими действиями. По хорошему — ему нужно было позавтракать, однако жарить птичью тушку не хотелось. Видимо ее мясо все — таки оказалось ядовитым, ведь не зря же Тиме всю ночь снилось вся эта муть. Но и тратить долгохранящийся НЗ в виде вяленого мяса, хотелось не больше. А искать что — то новое для пропитания — терять кучу времени. Ведь охотник из него — так себе.

В конце — концов, решив, что странные сны — не самое плохое, что с ним могло случиться, выбрал все же зажарить остатки крикуньи, тем более срок годности у тушки уже

явно подходил к концу.

Новый костер разводить не стал, рассудив, что быстрее и проще будет вернуться к старому, чем заново собирать и таскать дрова.

Он, насколько мог, быстро распутал узлы и сложил отлично зарекомендовавший себя гамак, собрал остальные вещи и двинулся в обратный путь. Найти старое кострище оказалось не самой простой задачей. Пришлось немного поплутать в его поисках, однако он справился.

Небольшое пространство под деревом, на котором он потрошил тушку, выглядело точно таким — же, как он его оставил. Не было похоже, чтобы хоть какие — нибудь животные ночью заинтересовались внутренностями крикуньи.

— Что — ж, наверное это и к лучшему, — тихо проговорил Тима, рассматривая последствия дел рук своих.

Розжиг костра много времени не занял. А пока угли прогорали — попаданец занимался разделкой остатков туши на более мелкие и удобные для жарки куски. Пожарить решил все и сразу, дабы хранилось подольше. И в условиях отсутствия нормального инструмента — свою работу он закончил аккуратно к моменту готовности углей.

Пока обжаривал мясо, ему в голову пришла интересная мысль. И заключалась она в том, что он дурак. Причем, дурак круглый и набитый. Сейчас, по прошествии суток, он понял какую глупость сделал, выбрав путь через плато. Травяное море его заворожило, ага. А ведь мог сообразить, что на плато ему будет гораздо тяжелее найти себе пропитание и воду, чем рядом с рекой, до которой, между прочим, было рукой подать. И это не говоря уже о том, что в лесу и дров больше. Вон — он вчера битый час собирал дрова для костра, планируя, что их хватит на всю ночь, а что в итоге — сжег все за два подхода. И это хорошо еще, что ночи тут теплые.

— В общем, если и существует самый тупой попаданец, то это ты, Тима, — с грустью обратился он сам к себе, подводя итог своим размышлениям и принимая решение возвращаться обратно к обрыву и искать спуск к реке.

Обратно он шел уже особо не разглядывая, так захватившие его в первое время, пейзажи. Не то чтобы они ему уже успели приесться, нет. Скорее, все дело было в его злости на самого себя из — за неправильно принятого решения. И это хорошо еще, что он вовремя догадался отыграть все назад. А если бы он не захотел возвращаться к вчерашнему кострищу и дожаривать тушку крикуньи? Как быстро бы до него дошло? Скорее всего тогда, когда закончилась вода в трофейной фляжке. А в ней было еще на пару суток экономного потребления. И что бы он тогда делал? Впрочем, известно что. А вообще, было бы забавно, если бы он не нашел в той стороне, куда изначально двигался, ни одного родника. Получилась бы самая короткая история про попаданца. Он даже название для нее придумал — «Как тупой попаданец от жажды сдох».

Подобные мысли занимали его все то время, которое он потратил на дорогу к обрыву. Когда же добрался до него, то настолько залюбовался открывающимися видами, что даже перестал заниматься самоедством. Впрочем, долго любоваться, все же не стал. Непонятно было, еще, сколько времени понадобится для того, чтобы найти удобный и безопасный спуск.

Мимоходом взглянув на солнце, сейчас едва — едва перевалившее через середину небосвода, Тима краем сознания отметил, что вероятнее всего в этом мире он появился вчера уже во второй половине дня. Это знание не давало ему ничего ценного, кроме

небольшого удовлетворения, что на своих побегушках туда и обратно, он потерял не так уж и много времени.

А вот поиски спуска затянулись, причем основательно. Лишь к вечеру, уже в глубоких сумерках, ему удалось найти нечто, отдаленно напоминающее тропку. И вот он лежал на краю обрыва и свесив голову рассматривал возможный путь вниз и размышлял о том насколько велики его шансы свалиться и сломать себе шею при спуске.

Впрочем, сейчас, когда солнце уже давно спустилось за горизонт, разглядеть что — либо было практически нереально. Поняв это, Тима поднялся на ноги и двинулся вглубь плато, подыскивая себе удобное для ночлега место.

К счастью, далеко идти не пришлось и вскоре он уже привязывал свой гамак к двум деревцам в рощице, как две капли воды похожей на ту, в которой он ночевал накануне.

Огня разжигать не стал, решив, что не имеет смысла, а мясо он может съесть и холодным. Да и сомневался, если честно, что на костре можно нормально разогреть еду при отсутствии какой бы то ни было посуды.

Тима так и не понял что было тому причиной — то, что он сильно проголодался или еще что, но даже холодное и жесткое, птичье мясо было не столь отвратительным на вкус как до этого. Поэтому, он умял даже чуть больше, чем собирался изначально. После чего, довольный, завалился спать, успев краем сознания подметить как — же мало, все — таки, человеку нужно для счастья.

Ночью Тиме вновь приснился тот самый молодой парнишка. Он все так же стоял и смотрел ему в глаза и молча требовал подчинения.

«Кто ты? Какого хрена тебе нужно», — хотел спросить попаданец, однако не смог произнести ни слова.

Молчал и его визави. И все смотрел и смотрел на Тиму. И взгляд был все такой — же требовательный. И продолжалось это все, казалось, вечность.

В этот раз, из странного сна, в котором ему было все сложнее удержаться и не покориться незнакомому парню, Тиму вырвал луч солнца, едва — едва показавшегося над горизонтом.

— Приснится же такое, — пробурчал он себе под нос, вылезая из гамака, — нет уж, пора завязывать с поеданием этой птички. Какое — то мясо у нее уж очень стремное.

Он говорил эти слова, однако понимал, что врет сам себе. Не могло никакое мясо провоцировать подобные видения. Тем более — настолько одинаковые видения. Ведь парень был точно тем же, что и во вчерашнем сне, Тима был в этом уверен на сто процентов. А следовательно — не все так просто, как кажется на первый взгляд и мясо местного хищного попугая тут совершенно не причем.

Однако, он решил пока оставить решение данного вопроса и обдумать все позже, когда наконец — то спустится с обрыва и найдет какое — нибудь уютное и безопасное местечко.

Спуститься, кстати, удалось на удивление просто. Даже рюкзак не понадобилось снимать. Это в сумерках, найденная им тропка казалась очень крутой и опасной. Однако, при свете дня, все оказалось не так уж и страшно.

Поэтому, позавтракав остатками крикуньи, Тима неспешно собрался и уже минут через двадцать стоял внизу, задумчивая рассматривая, на первый взгляд, практически отвесную стену обрыва, по которой только что спустился.

Самое интересное заключалось в том, что если не знать, что тут есть путь наверх, то никогда не догадаешься что он тут есть. Впрочем, надолго Тима тут не задержался, ведь

впереди его ждала неблизкая дорога.

Местность снизу значительно отличалась от того, что Тима видел наверху. Он никогда не был в джунглях, поэтому не мог точно сказать — они ли это, однако разнообразной растительности тут хватало. Хотя, пробиваться при помощи мачете, которого у него, к сожалению, не было, необходимость пока вроде бы отсутствовала.

Перво — наперво он решил двигаться к реке, дабы пополнить там запас воды и иметь в дальнейшем хоть какой — то неизменный ориентир в этом растительном царстве.

Сверху расстояние до реки казалось совсем крошечным. Но, в действительности, путь к ней оказался достаточно долгим. Никак не менее сорока минут он двигался на ее шум, продираясь сквозь кусты и обходя деревья. А когда, наконец, выбрался на ее берег, то был слегка разочарован. Он — то надеялся, что и вблизи речка будет такого — же невероятного бирюзового цвета. Однако вода в ней выглядела настолько обычной, хоть и невероятно прозрачной, что Тима даже слегка расстроился. Однако, приглядевшись так и эдак — все же заметил бирюзовый отлив в речном потоке. Видимо цвет воды зависел от того под каким углом на нее смотреть.

Берег, на котором Тима оказался, был пологим, поэтому, у попаданца не возникло никаких затруднений с тем, чтобы подойти к реке вплотную. Он снял рюкзак, положив его под ближайшее дерево, и, присев на корточки, зачерпнул полную пригоршню прозрачайшей и очень холодной воды. Принюхался. Запах у воды был соответствующий — никакой. По хорошему, конечно, стоило провести все эти тесты на ядовитость, но спуск и утомительный поход сквозь заросли напрочь убил в попаданце всякую осторожность. Не воняет? Значит можно пить! Что Тима, с жадностью, и сделал.

И настолько вкусной показалась она ему, что Тима чуть не застонал от удовольствия. Он зачерпнул еще, а потом еще. И пил бы и дальше, если бы голос разума, внезапно очнувшегося, вовремя не остановил его, намекнув, что простуда сейчас — не то, что ему сейчас нужно.

Мысленно согласившись со своим внутренним голосом, Тима вылил остатки воды из фляги и наполнил ее заново. Затем, снял свои ужасные сандалии и усевшись на берегу, опустил натруженные ноги в прохладный речной поток. Ему было хорошо. Он на некоторое время даже отрешился от реальности, сосредоточившись на своих ощущениях. Однако, все тот — же внутренний голос, что зудел насчет простуды, не успокоился и в этот раз. Поэтому долго засиживаться Тима не стал, решив, что сейчас умоется и будет думать что делать дальше.

Солнце спряталось за облаками и вода приобрела серовато — стальной оттенок, превратившись в некое подобие зеркала. Однако, Тима не обратил на это внимания. Он уже склонился над речкой, планируя набрать пригоршню воды, как вдруг увидел в реке того самого парня, что преследовал его во сне. Парень, судя по вытаращенным глазам, был удивлен не меньше. Тима в испуге отпрянул от реки. Но страх не затмил его разум и попаданец понимал, что этому парню из сновидений неоткуда взяться в реке, а следовательно это просто наваждение, выверт сознание, глюки.

Решив проверить свои мысли, Тима снова вернулся к реке и всмотрелся в ее воды. Парень был на месте. Он точно так же напряженно всматривался прямо в глаза попаданца. И до того, наконец, дошло. Это было его собственное отражение.

— Этого не может быть! — ничего умнее этой заезженной фразы, Тима сейчас выдать был не в состоянии. Впрочем, ему можно было простить подобные банальности. Как ни крути, но не каждый день узнаешь, что носишь чужое лицо. И, если к факту своего попаданчества он уже притерпелся. То вот тот факт, что он оказался в другом теле — стал для него настоящим шоком.

Тима, конечно, видел что и руки у него выглядят немного по другому, да и не только руки, однако ему ни разу не пришла в голову мысль о том, что тело не его. Впрочем в этом было ничего удивительного, человеческое сознание и не такие фокусы выделяет.

И вот стоял он, теперь, и всматривался в свое новое лицо. И стоял бы, наверное, еще долго, если бы из созерцательного состояния его не вывела хрустнувшая неподалеку ветка.

Тима встрепенулся и огляделся по сторонам. Пытаясь понять кто — же именно сломал ветку и не представляет ли он какую — нибудь опасность для него. Однако, больше никаких подозрительных звуков он не услышал. Постояв еще некоторое время настороже, Тима, наконец решил, что тело телом, звуки звуками, но засиживаться на одном месте тоже не стоит. И засобирался в путь.

Идти решил по течению реки, руководствуясь элементарной логикой, что река обязательно куда — нибудь впадает. К тому же, в подобных местах очень любят селиться люди. Вряд — ли некто, перенесший сюда его сознание, еще и чье — то тело с земли прихватил. Да и шатер с мешочками — явно не местными кенгуру изготовлены. Так что план его был прост как табуретка и сейчас состоял всего из двух пунктов:

1. Выжить

2. Найти людей

Что он будет делать дальше и как поступит, попаданец пока не решил, оставив эту проблему на потом. Да и, если честно, слишком уж он был потрясен сложившимися обстоятельствами. Иногда, в нем даже проявлялась некоторая брезгливость от нахождения в чужом теле. Что — то сродни надеванию чужого нижнего белья, причем хорошо так поношенного и требующего тщательной стирки.

Тима как мог гнал от себя эти чувства, уговаривал, что ведет себя глупо и что вряд — ли сможет вернуть свое тело, да и вообще чушь все это. Но, человеческое сознание — коварная штука, и навязчивые мысли снова и снова лезли ему в голову.

Немного отвлечься попаданца заставила некая двусмысленность своего положения, которую он осознал только — что. Если у него нет тела, значит он умер, а если он умер, то ему вроде бы и волноваться ни о чем больше не нужно. Или все — таки нужно и поговорка про «две смерти» в данном случае не сработала? А еще его волновало что стало с его старым телом и не может ли все, сейчас с ним происходящее, быть простой галлюцинацией, вызванной агонией его умирающего мозга?

Дабы проверить это, Тима ущипнул себя за запястье. Боль была вроде бы самой настоящей. Следовательно — он жив. И тут назревает другой вопрос — куда, тогда, подевался прежний владелец доставшейся попаданцу тушки? Попал в старое Тимино тело? Тот почему — то в этом сомневался. Да и сны эти дурацкие. Ой не просто все было с ними, ой как не просто.

И не зря тот парень на Тиму так властно смотрел, пытаясь подчинить себе его волю. Да и травки эти, с мухоморами, доставшиеся попаданцу в наследство... От кого? Уж не от этого ли парнишки? Ведь больше ничьих следов он там не видел. Да и сумка была всего одна.

И тут у него будто щелкнуло в голове: травы, мухоморы, одинокий шатер. Если бы еще

бубен где — нибудь рядом валялся, то Тима с уверенностью бы сказал, что все это толсто намекает на какое — нибудь шаманство.

А что? Чем не версия? Могло ли быть так, что этот парень, будучи шаманом, призвал откуда — то из — за грани душу молодого землянина? Раньше Тима бы только рассмеялся над подобными предположениями, но сейчас, после того как на себе прочувствовал, что смена тел — вещь осуществимая, вполне допускал существование шаманов и то, что они могут призывать души.

Тогда зачем молодой шаман вселил чужой дух в свое тело? Он же не дурак, в самом то деле? Или все дело в том, что он молодой? Молодость всегда идет рука об руку с самоуверенностью. Мог ли он просто — напросто не рассчитать свои силы? Конечно мог. И, если все действительно так, то куда он сам потом делся? Тиме снова вспомнились его сны и та ненависть и сила, что сквозили во взгляде молодого человека. Похоже попаданец теперь знал где именно находится душа бывшего хозяина этого тела — в нем же. Только, теперь на вторых ролях. И это знание, если честно, молодого землянина испугало. Он не хотел умирать. Снова. Но как справиться с сильным, хоть и молодым шаманом — даже не представлял себе.

— Хрен тебе, скотина, а не мое тело, — тихо прошептал он, — сам во всем виноват. Уж не обессудь, но сдыхать я не хочу и служить тебе... Тоже не хочу. Поэтому или сваливай подобру — поздорову сам, или готовься к войне.

Тима не знал услышал ли его слова молодой шаман, понял ли их, главное было в другом — самому попаданцу немного полегчало.

Джунгли это были, или нет, но идти по местному лесу было ничуть не сложнее, чем по тем, в которые Тима не раз ходил в походы еще в той, другой жизни. Разве что, ему не помешали бы его любимые кроссовки. Впрочем, подобное можно было сказать и о многих других вещах из прежнего мира. Хорошо хоть тело, что ему досталось было в неплохой физической форме.

При всей той кажущейся легкости пути, попаданец, однако, не забывал внимательно смотреть себе под ноги, да и по сторонам тоже. Даже в обычном походе по пересеченной местности, даже по знакомым местам, невнимательность может дорого стоить. Что уж говорить о совершенно чужом мире?

К счастью, пока все было спокойно. Речка весело журчала по правую руку от него. И иногда, когда молодой человек подходил к ней почти вплотную, он замечал одну — две, а иногда и больше, достаточно крупных рыбин, серо — стального цвета. Они подплывали к берегу настолько близко, что у попаданца иногда возникало жгучее желание броситься в реку и попытаться словить парочку себе на ужин. Естественно, он этого не делал, четко понимая, что не ему тягаться в ловкости с водными жителями. Но все же принял решение устроить себе сегодня «рыбный день». И у него уже созрел план как это сделать.

Уже во второй половине дня, когда солнце хоть и нехотя, но все — таки стало клониться к закату, Тима решил, что неплохо бы устроить привал и немного отдохнуть. Да и пустой желудок тонко намекал, что и его следовало бы наполнить чем — нибудь съестным и, желательно, вкусным. Понимая, что еду нужно не только добыть, но и приготовить, на что уйдет целая уйма времени, Тима принял решение сразу готовиться к ночлегу.

Поиски удобного места не заняли много времени. Минут через пятнадцать, молодой попаданец наткнулся на уютную, совсем крохотную полянку, закрытую со всех сторон

колючим кустарником. Причем, нашел он ее совершенно случайно — когда отправился в ближайшие кусты, дабы справить малую нужду.

Кто — то скажет, что находясь одному в диком лесу можно делать свои дела прямо там где стоишь, однако, натура воспитанного человека требовала отойти в кусты. И сейчас, эта воспитанность дала свои плоды.

Полянка была настолько хороша как укрытие, что попаданец хотел было даже провести на ней несколько дней, дабы хорошо подготовиться к дальней дороге. Однако, немного подумав, все же отмел этот вариант.

Привязать гамак и развести костер в небольшой, специально выкопанной, ямке было делом техники. Благо, сухого валежника тут хватало с избытком. А вот найти длинную, а самое главное — крепкую и относительно ровную палку, было не такой уж и простой задачей. Он потратил на поиски никак не меньше часа, но все — таки нашел искомое. Палка была даже немного длиннее, чем ему было необходимо, однако по всем остальным параметрам подходила практически идеально.

Попаданец вернулся в свой импровизированный лагерь и подкинул еще немного дров в костерок, после чего взял осколок камня, прихваченный им еще на склоне и начал остругивать один из концов палки, превращая ее в длинный кол. Поначалу Тима хотел сделать нечто вроде кремневого копья, но, поразмыслив, решил что сейчас ему будет недосуг искать нужный камень, обтесывать его, возиться с лианами. Этим он мог заняться и позднее, а сейчас, для рыбалки, ему хватит и простого кола. Заточку и обжиг своего первого в этом мире оружия, попаданец закончил очень быстро и теперь у него оставалось достаточно времени для того, чтобы испытать его в деле.

Однако, охотиться с импровизированной острогой, оказалось не так то и просто. И виной этому была не столько вертлявость самих рыбин, которые почему — то не хотели сегодня становиться ужином для попаданца, в самый последний момент, подло уворачиваясь от его ударов, сколько неуклюжесть начинающего рыболова и несовершенство его орудия.

Но упорство и труд все же взяли верх и Тиме удалось вытащить аж четверых рыбин среднего размера. Он бы, может, и не прочь был еще поохотиться, однако, копыце просто не выдержало подобного обращения и сейчас представляло собой жалкое зрелище и было малопригодно для последующей охоты.

Почему — то потрошить рыбу оказалось гораздо проще, с моральной точки зрения, чем ту крикливую птицу. Тима не испытывал никаких особых эмоций ни тогда, когда перепиливал, все еще живым и активно шевелящимся, рыбинам головы, ни тогда, когда их потрошил. С последним, кстати, все же пришлось помучиться. Рыба была скользкой, а осколку камня далеко по остроте до шеф — поварского ножа.

Занятие было сложным и рутинным, поэтому, мысли попаданца как — то сами — собой сосредоточились на двойственности человеческого мышления. Казалось бы и рыба и птица — обе живые, но эмоции при их убийстве и потрошении — совершенно разные. Птичку жалко, а рыба — ну рыба она и есть рыба. В чем же тут было дело? В том, что человеку проще себя ассоциировать именно с птицей? Но ведь есть же дельфины. Да, конечно, они не рыбы, но издавека очень похожи, и казалось бы, и к ним должно быть соответствующее отношение. Но — нет, почему — то мертвые дельфины на Тиму всегда производили удручающее впечатление и сильно расстраивали.

Да и опять же, если отстраниться немного от джунглей настоящих и взять, как пример, джунгли городские. Допустим, есть условный бомж, неплохой, наверное человек, но

обстоятельства у него так сложились, что ему приходится жить на улице. И есть условный пес. Оба они в трудном положении, оба голодают. Но к кому он испытывал бы больше жалости? Тиме даже не нужно было раздумывать над ответом — к псу, конечно. И даже тот факт, что пес более приспособлен к жизни на улице, чем человек, ничуть бы не поменял его мнения по данному вопросу.

Значит, дело все — таки не в похожести. Ведь, даже если бы возникла гипотетическая надобность убить и расчленив тех самых, условных бомжа и пса, Тима очень сильно сомневался, что и тут расклад будет в пользу бомжа.

Попаданец вдруг осознал, что подобная двойственность мышления проходит красной нитью через всю человеческую историю, через все человеческое мировоззрение. Именно так появляются «их» шпионы и «наши» разведчики, «их» пропагандисты и «наши» независимые и правдивые СМИ, «их» каратели и «наши» освободители. И ведь большинство не замечает подобной двойственности и искренне считает себя хорошими людьми, да и является ими, в большинстве своем. А вот Тима сейчас заметил и для него это стало интересным открытием, почти откровением. И всего — то надо было попасть непонятно куда и два раза заняться разделкой тушек.

Он сильно сомневался, что в этом мире подобная двойственность отсутствует. Как ни крути, но люди — везде люди. Попаданец еще не знал как можно будет использовать свое маленькое открытие, однако был уверен, что лишним оно точно не будет. По крайней мере для него.

За подобными размышлениями Тима даже не заметил как выпотрошил всех рыбин. Дабы не разводить беспорядок рядом с местом своей стоянки и не дышать рыбной вонью, отправил всю требуху обратно в речку, на радость другим рыбкам, ничуть не погнушавшимся сожрать остатки своих товаров. После чего промыл выпотрошенные тушки и задумчиво посмотрел на небо.

Солнца из — за деревьев тут видно не было, однако и дураку было ясно, что вот — вот должно стемнеть. А ему еще нужно очистить рыбу от чешуи. Когда до попаданца дошел весь объем предстоящей работы им завладело уныние. Но есть хотелось уже сейчас, поэтому, подобрав своей верный осколок, он принялся за работу.

Дело шло ни шатко, ни валко, и могло бы затянуться до сумерек, а то и до темноты, если бы, спустя минут пять активного труда, Тиму не озарило. Ну в самом то деле, какой же чушью он тут страдает. Ну зачем ему, имея, сейчас, всего два доступных способа готовки, очищать рыбу от чешуи? Чтобы подгорала кожа? Глупость.

Тима отложил рыбу, которую только что мучил, прошел к речке, дабы промыть в ней свой импровизированный нож, сейчас полностью покрытый небольшими полупрозрачными чешуйками. Присмотревшись к ним — заметил, что форма у них странная — пятиугольная. Впрочем, особого интереса этот факт у него не вызвал. После крикуньи, с ее страшной пастью, рыбка с нетипичной чешуей казалась лишь небольшим, хоть и забавным, курьезом.

Пока смывал чешую — заметил, что на данном участке берег состоит из глинистой почвы. Это открытие его очень сильно порадовало — проблема потенциально подгоревшей рыбы полностью пропала.

Закончив с промывкой своего орудия труда, Тима вернулся за оставшейся у костра рыбой. Процедура обмазки тушек глиной не затянулась и, вскоре, все четыре речных жительницы готовились под слоем раскаленных углей.

У попаданца, по его расчетам, было еще около часа времени до полной готовности

ужина, и это время он решил использовать с умом. Его сильно расстроила ненадежность самодельного копья и сейчас он решил, что более надежное оружие — инструмент, сейчас точно лишним не будет. А значит, ему все же придется уподобиться древним людям с их кремневым оружием. Конечно, изготовление подобного рода вещей, дело далеко не пары часов, однако «дорогу осилит идущий». Так почему бы и не начать с поиска подходящего наконечника? Благо, древко и крепления у попаданца уже имелись.

Проскакивала у него, конечно, мысль использовать свой импровизированный нож, но он ее быстро отбросил. Не отвязывать же каждый раз наконечник от копья, если вдруг понадобится режущий инструмент? Да и альтернативы своему «ножу» Тима пока не замечал. А мысль, было мелькнувшую у него, о том, чтобы вернуться на склон плато и взять там еще один подобный осколок, он отбросил как совершенно дурацкую.

Поиски необходимого камня слегка затянулись, однако все же увенчались успехом. Тима нашел подходящего размера и, практически, нужной формы, кусок кремня уже на обратной дороге к лагерю. Как он пропустил его в первый раз — было непонятно, ведь осматривал он землю, вроде бы внимательно, однако, к счастью, камень все же попался ему на глаза и как нельзя лучше подходил для того, чтобы стать наконечником копья, нужно было лишь слегка подправить форму и заточить, насколько возможно, кромки.

Вернувшись к костру и отложив заготовку в сторону, Тима, вооружившись длинной палкой, разгреб угли и достал из кострища сразу все четыре рыбины, покрытые потрескавшейся обожженной глиной. Сквозь этот импровизированный каркас невозможно было оценить готовность тушки, однако времени прошло уже достаточно, а рыба — это не тот продукт, который нужно очень долго готовить. Поэтому, ничтоже сумняшеся, Тима небольшим камешком разбил глиняный карапакс на рыбине. После чего чуть не захлебнулся слюной — настолько притягательным был аромат готовой рыбы.

Первую рыбину он сожрал (да — да, именно так) даже не заметив. А вот вторую, ел уже не спеша, наслаждаясь каждым кусочком нежнейшего мяса, так и таявшего у него во рту. И все это великолепие обоняния, весь этот оргазм вкусовых рецепторов, были получены вообще без специй. Ах, если бы у него был, хотя бы лимон...

В общем, в себя Тима пришел с полным брюхом и четырьмя рыбьими скелетами, сиротливо лежащими рядом с костром. Такого он, если честно, от себя не ожидал. Ведь, по его расчетам, пойманной рыбы должно было хватить не только на завтрак, но и в дорогу. А еще ему было стыдно перед самим собой за свое внезапное обжорство. Впрочем, ему было простительно — стресс, все дела. Да и поздно уже было стыдиться и каяться. Нужно было, в темпе, поднимать пятую точку и вновь выходить на тропу охоты, дабы утром поесть свежатинки.

Солнце уже опустилось к самому горизонту и на лес опустился сумрак, из — за крон деревьев — более глубокий, чем на равнине. И Тима, пока вновь затачивал свое дреколье и шел к речке, очень сильно боялся, сумрак может ему помешать.

Но его опасениям не суждено было сбыться. В сумерках рыб, было видно даже лучше, чем днем. Они светились изнутри слабеньким, но очень хорошо различимым на фоне темного дна, светом.

Можно было бы назвать рыбалку отличной, если бы не тяжесть в животе, вызванная его обжорством. Но, как бы там ни было, к костру Тима вернулся достаточно быстро и принес с собой пять рыб. Быстро, насколько позволяло отсутствие инструмента и стусившиеся сумерки, разделал их и обмазав глиной, закопал в угли, на этот раз набросав сверху еще и

дров, дабы рыба быстрее приготовилась.

Надо было бы, конечно, заняться копьем, но накопившаяся усталость и неумеренный аппетит отбили всякое желание заниматься чем — либо. Поэтому, все оставшееся время попаданец просто просидел рядом с костром, бездумно вглядываясь в, потихоньку опадающее, пламя и думая сразу обо всем и ни о чем.

Видимо, его все — таки сморило, потому что он вновь увидел того самого паренька, в чье тело вселился. Парень все также стоял и смотрел. Приказывал без слов. А Тима смотрел в ответ и точно также, как и раньше, сопротивлялся изо всех сил.

Сколько они так простояли, попаданец не знал, да и имело ли тут хоть какое — то значение время? Вряд ли. Именно мысль о времени и породила в разуме попаданца цепочку размышлений, которая, в итоге, привела его к пониманию, что он сейчас спит, а там, в костре, у него подгорает рыба. И эта, такая простая и приземленная, мысль напрочь отогнала от него все наваждение.

— Эй, Тумба — Юмба, — не очень уважительно, обратился Тима к молодому шаману, — я конечно понимаю, что захватил твое тело и вообще плохой человек, но знаешь ли, у меня там рыба подгорает. И мне бы не хотелось, чтобы она превратилась в угольки. Я, все — таки, достаточно много сил потратил на ее ловлю. Поэтому, давай — ка кончай пыриться и выпусти меня обратно в реальность. Следующим вечером продолжим.

Парень, казалось, никак не отреагировал на монолог попаданца, однако тот, самым краешком сознания уловил, что нечто изменилось. А затем, ему вдруг стало легче. Намного легче. Казалось, что он нес огромный и тяжелый рюкзак и уже привык к нему настолько, что не чувствовал веса, а потом, на привале, снял.

Разбудил попаданца первый солнечный луч, пробившийся сквозь кроны деревьев. Тима открыл глаза, осмотрелся. Понял, что спал сидя на земле, прислонившись спиной к дереву. Все его тело жутко затекло, поэтому поднимался на ноги он с трудом. А потом, наконец, вспомнил про рыбу, которая всю ночь провела в костре.

— Плакал мой завтрак, — хриплым после сна голосом, расстроено проговорил он.

Впрочем, все оказалось не столь печально, как он боялся. Рыба оказалась не только вполне съедобной, но стала даже вкуснее. Тиме пришлось даже взять всю свою волю в кулак, дабы не повторить свой вчерашний подвиг с уничтожением своих же припасов.

Долго раздумывал над тем брать ли с собой рыбу в глиняной оболочке или расколоть ту и упаковать еду во что — нибудь более легкое, вроде листьев. Первый вариант подразумевал удобство и чуть большую сохранность импровизированных «консерв», а второй — меньший вес поклажи. В конце — концов он остановился на первом варианте, так как боялся, что за время движения рыба превратится в кашу, уж очень нежным оказалось ее мясо.

Определившись с хранением продуктов питания, Тима, уже было, начал собираться в дорогу, но наткнулся взглядом на свою импровизированную острогу и вспомнил, что, вообще — то, хотел из него нормальное копьё сделать. Нет, можно было бы и до следующего привала подождать, но вдруг на дороге он встретит что — нибудь опасное. «Лучше встречать опасность вооруженным, чем нет», — здраво рассудил он, решив задержаться на этой полянке еще на некоторое время.

Самым сложным делом в изготовлении кремневого копья оказалась не заточка наконечника, — с этим он справился без особых проблем, а крепление оного к древку. Именно это занятие у него и съело больше всего времени. Тима изрядно намучился, выдалбливая в древке отверстие под корень наконечника. В качестве стамески и молотка, естественно, использовал камни. Но, судя по тому, что вставленный на свое место наконечник, закрепленный остатками веревок с шатра, сидел как влитой и отсутствовал даже минимальный люфт между ним и древком, то усилия попаданца явно были не напрасными.

Тима взглянул на солнце, сейчас находящееся в зените. Удивился и сильно обрадовался, что так быстро справился с такой непростой задачей. Сейчас нужно пообедать, благо желудок уже слегка напоминал о такой необходимости, и можно двигаться дальше — до вечера он еще может пройти значительное расстояние. Обед не затянулся надолго и уже спустя каких — то двадцать минут Тима был готов двинуться в путь.

Идти, на этот раз, оказалось намного легче — копьё, используемое в качестве посоха, было отличным подспорьем в пути. Правда, и по прямому назначению его тоже пришлось применить. Именно тогда Тима и похвалил себя за предусмотрительность. Конечно эта тварь, похожая на огромного, размером с некрупного ротвейлера, ежа вряд — ли смогла бы его догнать, уж очень неспешно она передвигалась, но упорства ей было не занимать.

Молодой человек, когда заметил ее, даже слегка оторопел, но вовремя сообразил что к чему и сразу же перехватил копьё поудобнее. После чего, сделал пару шагов в обратном направлении, замер, напряженно наблюдая за появившейся у него на пути тварью. На ежа та походила не только спиной, густо поросшей небольшими колючками, но и пыхтением. Тима хорошо помнил случай, когда они своей небольшой компанией сидели вечером на лавочке в одном из дворов, как вдруг, слышали некие inferнальные звуки с неприличным подтекстом. Девчонки, тогда сидевшие с ними, очень перепугались, однако их общий знакомый, Тимин хороший приятель, развеселился и успокоил их, объяснив, что это всего — навсего ежик. В качестве доказательства своих слов, он указал на колючий шарик, как раз перебежавший дорогу неподалеку.

Эта же тварь пыхтела не очень громко, но гораздо более злобно, чем тот, мальш, что когда — то напугал их компанию. Так что в ее намерениях можно было не сомневаться. Тима выбрал момент, дождался, пока пыхтящее чудовище подойдет поближе, и сделав небольшой шаг вперед, ткнул копьём прямо в морду злобной твари. Удар получился на удивление хорошим и копьё вошло глубоко в тело чудовища. То некоторое время побилось в конвульсиях и издохло.

Попаданец выждал минут десять, на случай, если эта тварь окажется живучей, после чего приблизился вплотную к трупу. Вблизи чудище показалось намного более мерзким. А еще он понял, почему то двигалось так медленно. Дело было в том, что у твари не было ног. Вообще. В качестве средства передвижения ей служило ее собственное брюхо, покрытое какими — то странными морщинами. У Тимы мелькнула, было, мысль включить данное существо в свой рацион, однако, небольшие капли прозрачной жидкости, выступившие на кончиках колючек, эту мысль убили в зародыше. Более того — попаданец не поленился подойти к реке и промыть там наконечник копья, благоразумно не прикасаясь к тому руками.

Хорошо еще, что повстречавшийся ему на дороге огромный еж не обладал способностями своего синего родственника из японских игр и комиксов. Но ведь, он явно не один тут живет. А вдруг есть кто — то похуже и побыстрее этого черепахо — ежа? Или его правильнее называть змее — еж? Хотя нет, змеи по другому передвигаются. Тима мысленно обругал себя и решил в будущем быть гораздо более осторожным и внимательнее смотреть по сторонам.

Дальнейший путь прошел без происшествий и больше никто из местной фауны не жаждал сегодня близкого знакомства с попаданцем. Тима нашел неплохую площадку для ночевки. Та была, с одной стороны, прикрыта высоким валуном, а с двух других — низкими деревьями и кустарником. Четвертая сторона оставалась открытой, однако полянка, если можно так назвать почти лишенное травы место, подступала почти вплотную к реке. Та, в свою очередь, итак достаточно широкая, в этом месте разливалась еще сильнее, надежно прикрывая от возможной опасности с другого берега.

Тима очень боялся, что рыба, пролежавшая весь день в рюкзаке, могла испортиться. Эти подозрения подкреплял тот факт, что на улице было достаточно тепло — что — то около двадцати пяти градусов. Однако, все оказалось в порядке. И попаданец, возблагодарив всех богов за то, что ему не нужно будет разводить костер, с удовольствием поужинал все такой — же вкусной рыбкой. После чего завалился спать.

Конечно же он был здесь. Этот молодой шаман. Ведь теперь ни одна ночевка попаданца не обходилась без этого парня. И Тиму это уже начинало порядком раздражать. И это при всем при том, что характер у него, вообще — то, был очень спокойный и терпеливый.

— Ну что тебе от меня опять нужно? — чуть не застонал от досады попаданец, — дай мне поспать спокойно. Я очень сильно устал за этот день. Тварь какую — то встретил. Шипастую. Отдохнуть хотел. А тут снова ты. Отстань, пожалуйста, дай мне хоть раз нормально поспать.

Однако, парень все так же молча смотрел на попаданца. Правда, в этот раз что — то изменилось. Тима больше не видел в его глазах той силы, того приказа подчиниться, что были раньше. На этот раз это был просто взгляд. Казалось, парень что — то пытается разглядеть в своем визави.

— Ну кончай, а? — вновь не выдержал попаданец, — мне уже скучно становится.

Пойми, мне не доставляет никакого удовольствия играть с тобой в гляделки. Будь другом, подскажи как мне проснуться.

Но в ответ — тишина. И все тот — же взгляд, с интересом рассматривающий его.

И тут Тиму накрыло. Еще никогда в жизни он не испытывал подобной ярости. Его сейчас, казалось, разорвет от гнева. И весь этот гнев был направлен всего на одну личность — на молчаливого молодого человека, уже которую ночь подряд не дающего возможности попаданцу нормально выспаться. И Тима не сдержался. Заметил, только, краем глаза, как интерес во взгляде молодого шамана сменился на... страх? Но гнев его был настолько силен, что попаданец предпочел не заметить промелькнувшее в глазах его молчаливого собеседника чувство и не стал сдерживать удар.

— Ах ты падла! — закричал Тима, делая шаг к молодому шаману и хуком справа пробивая тому в челюсть.

Молчаливый Тимин собеседник, как — то странно хрюкнув, кулем упал на пол, но попаданца это не остановило. Тима жестко, даже жестоко, начал избивать ногами лежащего ничком парня. А тот молчал. Не единого звука, больше не срывалось с его губ. Он, даже, не пытался как — нибудь защититься от града ударов, обрушившихся на него. И это еще сильнее Разозлило попаданца. Ярость так и закипела в нем, выросла во всепокрушающее цунами.

Когда Тима пришел в себя и осмотрелся, то пришел в ужас. Место его ночевки выглядело так, будто тут пронесся мощный ураган. Деревья и кусты были размолоты в щепу, а камня, служившего ему такой надежной, казалось даже — несокрушимой, защитой... Камня больше не существовало. Какая — то мощная и дикая сила разбила его на куски. Сам же попаданец, хоть и очнулся, лежа на полу, вроде бы был цел и невредим. По крайней мере — он не чувствовал у себя никаких ранений.

Спустя некоторое время, немного придя в себя, Тима поднялся на ноги и понял, что так и лежал все это время на своем импровизированном гамаке. Это понимание породило цепочку мыслей, а те, в свою очередь, тревогу за свои пожитки. Он оглядел окружающее пространство в поисках своего рюкзака. Не нашел его и мысленно начал уже прощаться со своим нехитрым скарбом, когда, вдруг, вспомнил, что обычно кладет тот себе в ноги, перед тем, как лечь спать. На этот раз искомое нашлось там где надо, да и выглядел рюкзак вполне целым, что очень сильно обрадовало молодого человека. Однако, он не поленился проверить и содержимое. Все лежало на своих местах и оказалось целехоньким.

— Так что же тут случилось то? — задумчиво поинтересовался Тима у окружающего пространства, складывая вытащенные из рюкзака вещи обратно. Но пространство было сегодня не разговорчиво. Поэтому никто не ответил попаданцу.

Он попытался вспомнить что именно было этой ночью. Он прекрасно помнил того парня, настоящего хозяина его тела. Помнил, что его самого что — то очень сильно разозлило, причем настолько, что он не выдержал и пустил в ход кулаки. Такого с ним раньше не бывало. Нет, конечно ему приходилось драться, но чтобы первым на кого — то нападать? Нет, это было совсем не похоже на Тимино обычное поведение.

Ну да ладно, пусть напал, а что дальше то было? И тут попаданца перемякнуло — он совершенно не помнил ничего из того что произошло потом. Вот он бьет морду молодому шаману, а вот — просыпается, или, лучше сказать — приходит в себя, на совершенно разгромленной стоянке. И между этими двумя моментами — пустота. Причем, что

показательно, предыдущие сны он помнил в мельчайших деталях.

— А не убил ли я его, случаем? — вслух задал себе вопрос Тима, так и не придя к понимаю произошедшего. — Хорошо бы. — Внезапно, даже для самого себя, добавил он. Однако, хоть подобные мысли и были нетипичны для молодого человека, но надежда на то, что он теперь оказался полноправным хозяином этого тела, согрела душу и придала новых сил. А значит — хватит засиживаться и гадать что да как.

Тима, насколько мог, быстро собрался, решив отложить завтрак на более позднее время. Ему, почему — то, не хотелось больше оставаться на этой полянке, да и сильнее вникать в произошедшее, если честно, тоже. Он жив, цел, вещи сохранил, а на остальное плевать. Может быть это была и не очень правильная позиция, но попаданцу было уже все равно.

Да и сомневался Тима, если быть до конца честным, что сможет разобраться в произошедшем. По крайней мере — пока. А значит незачем и голову себе забивать. Так он решил. Так он и поступил, выдвинувшись в путь уже через каких — то пять минут, оставив за спиной разоренную непонятым буйством стихии полянку.

Жахнуло, судя по всему, очень знатно. Настолько, что Тима еще добрых пятнадцать минут находил следы разрушений, вызванных непонятым взрывом. И это при том, что шел он достаточно ходко. Однако, то тут, то там, все же встречал свежие выщербины на стволах деревьев, побитую камнями листву, да и сами камни. Их очень легко было узнать — они были гораздо светлее своих собратьев, да и форму имели другую — более угловатую, не успевшую еще сгладиться под напором времени и природных факторов.

— Такая мощь, а на мне — ни царапинки, — задумчиво вертя в руках один из осколков проговорил попаданец вслух, — очень странно, — он «жабкой» швырнул обломок в реку и двинулся дальше, даже не обратив внимание на то, что тот подпрыгнул аж четыре раза, сейчас его больше интересовало каким образом он оказался в эпицентре взрыва и ничуть при этом не пострадал.

Лишь во второй половине дня, когда его желудок, наконец — то начал о себе напоминать не только сосущим чувством голода, которое задумавшийся попаданец даже не замечал, но и подал «голос», до Тимы дошло, что стоит сделать привал и кого — нибудь съесть. Кандидатов на съедение в данном случае было не так уж и много, поэтому он достал свою последнюю рыбину и разбил глиняный каркас, как делал это и раньше. Однако, вместо упоительного запаха печеной рыбы, в нос ему ударила невероятная вонь, настолько сильная, что он не сдержался и его стошнило.

Все — таки срок годности у рыбы оказался не настолько большим, как он надеялся и теперь придется чаще делать перерывы на рыбалку. А это — потеря времени и снижение темпа продвижения. Хотя, если посмотреть с другой стороны, то какая ему была разница с какой скоростью идти? Правильно — никакой, поэтому Тима, отбросил все свои сомнения и отправился на поиски подходящего для стоянки, а если рыбалка затянется, то и ночлега, места.

Однако, на этот раз, поиски затянулись. Казалось, что кто — то специально убрал все удобные и более — менее защищенные места. В конце концов, после часа поисков, Тима решил, что лучшее — враг хорошего и остановился у еще одного большого камня.

Место было, мягко говоря, не очень. Достаточно открытое, слабо защищенное от ветра и возможной непогоды. Но нищим выбирать не приходится. И, если он не хотел провозиться до глубоких сумерек, то нужно было уже сейчас начинать готовить лагерь. Поэтому, попаданец и не рискнул идти дальше, вместо этого занявшись обустройством стоянки.

Ловить рыбу новым копьем оказалось очень удобно. И если раньше, от него, бывало, уходили подранки, то сейчас таких не было вовсе. Он прицеливался, наносил удар и готово — еще одна гостя к его ужину.

В этот раз он жадничать не стал и остановился на трех тушках. Из расчета, что за один прием пищи он будет съедать по одной. Подобная формула питания позволит ему не тратить лишних сил на охоту, не портить продукты и самое главное — каждый вечер кушать свежеприготовленную рыбку, что будет приятным бонусом и пусть и небольшим, но все же светлым, лучиком в его мрачной действительности.

Попаданец уже настолько освоился со своим образом жизни и так наловчился в быту, что ни потрошение, ни обмазка рыбы глиной, больше не занимала много времени. И теперь, пока пища готовилась, ему было просто нечем себя занять.

Тима хотел, было, пойти прогуляться. Но лишь одна мысль о том, что ему нужно будет куда — то идти, вызвала стойкое отторжение. Поэтому, он уселся у одного из деревьев, к которым был привязан гамак, и полез внутрь своего рюкзака, решив еще раз взглянуть на ингредиенты, оставшиеся от молодого шамана.

С нескрываемым удивлением обнаружил на дне рюкзака кусок плохо пропеченного хлеба. Вспомнил, что уже видел его и хотел уже выбросить эту мерзость, однако, что — то остановило его руку и он убрал хлеб обратно в сумку. Мало — ли когда пригодится.

Достал вяленое мясо. Принюхался. Убедился, что оно еще вполне съедобно и тоже вернул свой НЗ на случай голода обратно в сумку. После чего, наконец — то достал мешочек с мешочками.

Открыл один из них, другой, третий — все то же, что и раньше — какие — то травы, грибы и какашки, все как и раньше. Тима вздохнул, понимая, что ничего нового тут не найдет, но все же продолжил открывать мешочек за мешочком, все же на что — то надеясь.

В последнем оказался какой — то серовато — белый порошок. Попаданец очень обрадовался и мысленно обругал себя последними словами. Ведь он уже видел этот мешочек раньше, когда в первый раз рылся в вещах шамана, но совершенно забыл о том, что у него есть соль.

Он уже предвкушал какой пир себе устроит вечером, когда внутренний голос шепнул ему, чтобы он проверил, а действительно ли там находится соль, а не какая — нибудь очередная наркота. Все же соли разными бывают... Тима вновь развязал мешочек с белым порошком и окунул туда палец, после чего поднес ко рту и, подражая героям американских фильмов про полицейских, облизал.

Что ж, подлый внутренний голос оказался прав и не прав одновременно. Это действительно оказалась не соль, однако и ни какого наркотического опьянения, ни сейчас, ни спустя пятнадцать минут, попаданец не почувствовал. На вкус — камень как камень.

Расстроенный крахом своих надежд на изысканный ужин, он с тяжелым вздохом упаковал все как было и стал наблюдать за костром, так как больше ему сейчас заняться было нечем.

Когда уже все было готово и частично съедено, Тима решил, что зря так переживал, ведь даже без соли рыба была, по — прежнему, необычайно вкусной. Так что спать он ложился в отличном настроении. Которое было испорчено сразу же, едва он уснул.

А все потому, что молодой шаман вновь был тут, на своем привычном месте. И выглядел он так же, как и всегда. И ничто не напоминало о вчерашней взбучке, которую тот получил.

— Все — таки не сдох, — горестно констатировал Тима, вглядываясь в лицо парня.

— Нет, не сдох, — улыбнулся он, — мне, знаешь — ли тяжело это сделать, ведь у меня нет тела. А уничтожить дух, коим я сейчас являюсь — дело крайне непростое.

Сказать, что попаданец о...шалел, значит ничего не сказать. Он был поражен до глубины души.

— Т — т—ты разговариваешь? — задал Тима, наверное, самый глупый вопрос, который можно было сейчас задать.

— Как видишь, — вновь улыбнулся парень, — но я понял, что именно ты хотел спросить. Скажем так — я не совсем разговариваю, да и ты тоже. Скорее, это похоже на мышление. Именно поэтому тебе может показаться, что я изъясняюсь на твоём родном языке и строю свою речь так, как привык ты сам. По сути — ты сейчас общаешься сам с собой.

— Понятно, — соврал Тима, — хотя ему было совершенно не понятно, но ведь нужно же как — то среагировать, — а почему раньше молчал? Или это из — за того, что я тебе вчера морду начистил, ты стал таким разговорчивым?

— Нет, не из — за этого, — отрицательно покачал тот головой, — ты сам сделал так, что я смог заговорить.

— Я сделал? — сегодня попаданец явно решил стать рекордсменом по количеству глупых вопросов. — Но как?

— А мне откуда знать? — вопросом на вопрос ответил парень, — у меня нет доступа к твоей памяти. Видимо, использовал какое — то из моих снадобий. Но это сейчас не важно, ты ведь явно другое хочешь у меня спросить, — он вновь улыбнулся.

— А с чего ты вдруг такой добренький стал? Я ведь прекрасно понимаю что ты хотел со мной сделать в первые наши встречи.

— И что же? — с невинным видом спросил молодой шаман.

Тима стушевался было, однако быстро пришел в себя.

— Что — то не очень хорошее, — выкрутился он.

— Ну, в целом, ты прав, конечно, — кивнул его собеседник, — но пойми и ты меня, ведь ты пришел, занял мое тело, отодвинул меня на задний план, естественно я разозлился.

— Ну так, а что изменилось то? Неужели ты не хочешь вернуть свое тело обратно? Или, — попаданец на секунду запнулся, — не можешь? Точно! — внезапно его озарило. — Ты почему — то не можешь вернуться в свое тело и решил договариваться. Ведь я прав, так?

— Прав, — несколько смущенно признался молодой шаман, — души не могут долго находиться без постоянной привязки к телу. Чем дольше душа находится вне своего тела, тем сильнее от него отвыкает, и тем меньше шансов, что она сможет вернуться.

— Ну допустим, — недоверчиво проговорил Тима, — ну а я то тут причем?

— Мне нужна помощь, — слегка изменившимся голосом проговорил молодой шаман, — я не хочу умирать. Мне еще рано за грань.

— Так и я не хочу. Вообще на кой черт ты меня сюда вытащил и где мое тело? — Злость вновь начала накатывать на попаданца.

— Тише — тише, — поднял руки в успокаивающем жесте молодой человек, — не злись. Тебе нельзя сейчас нервничать, а то будет как в прошлый раз. Давай я попытаюсь объяснить, — его голос вновь был спокоен. — Дело в том, — начал он после небольшой паузы, — что я послушался своего наставника, посчитал, что уже достаточно силен для того, чтобы призвать и подчинить себе душу из — за грани. Наставник, видимо догадывался об

этом, он не раз напоминал мне, что это чревато огромными проблемами. Я делал вид, что согласен с ним, что отказался от своей идеи до тех пор, пока не стану опытнее. Но я врал. Меня обуяла гордыня, ведь я был лучшим среди молодых, — он на секунду запнулся, видимо подыскивая нужное слово, — шаманов. Наверное это будет самым близким понятием для тебя, — молодой шаман немного помолчал, собираясь с мыслями, после чего продолжил: — Однажды вечером, когда почти в нашей общине спали, я сбежал и отправился на Плато Мертвых. Именно там было удобнее всего призывать умерших.

— Умерших? — с недоумением спросил попаданец, перебив молодого шамана.

— Умерших. — Подтвердил тот.

— Что за чушь? Как я могу быть мертвым, если дышу и разговариваю?

— А как думаешь ты попал в мое тело? — вопросом на вопрос ответил парень. — Как я бы смог вытащить тебя из — за грани? За грань, ведь, могут ходить или мертвые, или боги. Но я почему — то не вижу в тебе божественного пламени. Так что не сомневайся — там, в своем мире, ты умер.

Тима открыл глаза и еще некоторое время вглядывался в чистый, без единого облачка, кусочек неба, виднеющийся сквозь кроны деревьев. А потом вспомнил что ему снилось. Весь сон, в мельчайших деталях. И те слова, что сказал этот странный парень перед самым его пробуждением. Про то, что он, Тима, мертв. Страх, очень сильный, на самой грани паники, захлестнул попаданца. Хотелось бежать. Не важно куда. Не важно зачем. Хотелось просто бежать и кричать.

И он не выдержал. Поддался этому безрассудному порыву. Позволил ничем немотивированной панике поглотить себя. Попаданец попытался вскочить на ноги, однако запутался ногами в гамаке. Верхняя же часть его тела умудрилась избежать веревочного плена и покинула злополучный предмет мебели. Но физика... Физика в любом мире остается бессердечной сукой. Именно поэтому голову и туловище попаданца потянуло вниз, а запутавшиеся в гамаке ноги придали дополнительное ускорение. Тима, конечно, успел выставить перед собой руки, однако, удар о немилосердно твердую землю, все равно, оказался настолько чувствительным, что вырубил попаданца напрочь.

Через какое время тот пришел в себя сказать было довольно затруднительно, так как солнце все так же скрывалось за кронами деревьев. Но, судя по уже полностью запекшейся крови, покрывающей его голову, провалялся он в отключке довольно долго.

Пока ковылял к речке, дабы умыться и привести себя в порядок, заметил что солнце уже достаточно высоко. Это стало лишним доказательством того, что вырубил его знатно.

Самым большим испытанием для него оказались промывание и ощупывание раны. Это было невероятно больно. Но сделать это было необходимо — как — то не хотелось ему щеголять с дыркой в черепе. Он хоть и покойник, если верить словам ночного гостя, но умирать Тиме все же не хотелось. К счастью, когда он смыл всю кровь и смог трезво оценить нанесенный его маковке ущерб, все оказалось не так страшно — всего — то навсего небольшое рассечение. Крови, конечно, натекло много, однако это, насколько он знал, было нормально при подобных ранах. Конечно, по уму, стоило бы ее зашить, но подобная возможность отсутствовала, поэтому попаданец решил, что до свадьбы заживет.

А вот то, что его слегка подташнивало и у него имелось небольшое головокружение, уже было очень тревожным звоночком. Сотрясение мозга — далеко не шутки. Хотя, многие, почему — то относятся к нему как к чему — то, вроде насморка. Мол само пройдет. Так то оно так. Если лежать в больнице, получать должный уход, то действительно само пройдет. А как ему быть? Он один, непонятно где, у него мало еды и некому о нем позаботиться. Вот будет умора, если сотрясение его все же доконает. Первый в мире попаданец, бесславно умерший не где — нибудь на поле боя, одной рукой держа меч, а другой — прижимая к себе (строго по закону жанра) эльфийскую принцессу, а бесславно скопытившийся от банальнейшего сотрясения мозга, лежа в самодельном гамаке. Позорище.

Впрочем, так просто сдаваться Тима отнюдь не собирался и планировал бороться, если уж не за возможность погибнуть в бою с эльфийкой, то как минимум за свою жизнь, до конца. Со злобным духом молодого шамана, с травмой ли — не важно. Но все это будет позже. Сейчас же ему нужно было хоть немного отлежаться, прийти в себя, подумать. А там видно будет.

Увы, но отдыха, как такового, не получилось. Тима имел натуру деятельную, кипучую.

Про таких, как он, обычно говорят что у них шило в заднице. Нет, он честно валялся в гамаке, пытаясь отрешиться от дурных ощущений, приобретенных от слишком близкого знакомства с земной твердью, однако при этом мозг его работал вовсю.

А думал попаданец о том, что стало причиной его травмы — о своем потенциальном состоянии. Может ли так быть, что он действительно умер? Вообще, если рассуждать логически, то его сознание действительно оказалось в чужом теле. Что тело чужое — тут тоже никаких сомнений. Так что это, если не смерть? Мог бы и раньше догадаться. Ему было столь стыдно за свое поведение, за свою, ничем не оправданную и крайне неуместную панику, что попаданец постарался переключиться на другие мысли. Он попытался вспомнить момент своей смерти, там, на Земле. Но не преуспел. Чем больше он напрягал память — тем сильнее у него начинала болеть голова и темнело в глазах. Но Тима был упорен и своими попытками довел себя до предобморочного состояния. Тут уж пришлось отступить. Самоубийство, путем сильнейшей мигрени, в его планы также не входило.

Немного придя в себя и решив отложить на будущее свои прошлые проблемы, попаданец сменил вектор своих мыслей и вернулся к тому, с чего, собственно и начал мозговой штурм.

Его очень сильно смущало утреннее происшествие. Точнее — его причина. Он не понимал откуда в нем взялся такой иррациональный и сильный страх. Ведь подозревал же он раньше, что умер, даже обдумывал нечто подобное. Но тут вдруг во сне этот странный парень ему сообщает то, о чем он и сам уже догадывался и Тима пугается настолько, что буквально голову себе расшибает. Не было ли в этом какого — нибудь злого умысла? Может шаман колданул на несчастного попаданца что — то эдакое? Могло ли такое быть? Вполне. Правда, этот паренек что — то говорил о помощи и о том, что души отвыкают от тел. Но ведь это всего лишь его слова. Тима не был шаманом и не знал каким правилам подчиняется их ремесло. Мог ли шаман наврать ему, дабы как — то избавиться от конкурента и вернуть себе тело? Да запросто. Попаданец был уверен, что бывший хозяин этого тела пойдет на все ради того, чтобы вновь полноценно жить. Почему? Да потому, что сам бы поступил точно так же. Ведь, вряд ли, жажда жизни у этого аборигена меньше, чем у него самого.

Так что, в итоге, из всего этого следует? То, что молодому шаману доверять нельзя, Тима понимал прекрасно, но можно ли ему верить? Этот вопрос на достаточно долгое время занял мысли попаданца. В конце концов, он решил, что все же можно, но следует быть осторожным и очень, очень внимательным. А раз так, то надо бы еще раз с ним пообщаться.

А как пообщаться с тем, кто приходит к тебе только во снах? Естественно — заснуть. Но сказать — это одно, а вот сделать — совершенно иное. Тима провалялся не меньше часа, прежде чем признал свое поражение. Организм, еще не отошедший от ночного сна и отключки, вызванной ударом оземь, наотрез отказывался отправляться в царство Морфея. Пришлось замещать сон едой. Не то чтобы попаданцу хотелось есть, скорее это была необходимость. Самое плохое для травмированного одиночки — остаться без энергии. А еще — еда была единственным доступным ему сейчас развлечением. К сожалению, из — за постоянной тошноты, и она не смогла принести ему должного удовольствия и последние кусочки рыбы он запихивал в себя уже через силу, лишь бы набить желудок.

Кое — как пообедав, Тима задумался над своими дальнейшими планами. И чем больше он размышлял, тем четче осознавал, что тут оставаться нет никакого смысла. Ему нужно будет еще минимум неделю приходить в себя. Для этого нужно хорошее, надежно защищенное или хорошо скрытое место. Мало ли кто бродит по этим лесам. А его текущая

стоянка хороша лишь для кратковременного пребывания. Следовательно — ему нужно собирать вещи и свою волю и выдвигаться в путь, благо до вечера оставалось еще достаточно времени.

То, что он сделал крупную ошибку, решив поискать другое место для своей долговременной стоянки, Тима понял практически сразу. Когда собирался в дорогу и упаковывал вещи — было еще ничего. Но, вот когда двинулся в путь — сильно пожалел о своем скоропалительном решении. Стоило, наверное, хотя бы переночевать здесь, дабы, хоть немного, прийти в себя. Однако, небольшой отдых вселил в него ложную уверенность в своих силах и, теперь, он расплачивался за свою самонадеянность. Однако, не переставал упорно двигаться вперед. Делал это он на чистом упрямстве.

Хватило Тиминого упрямства, правда, ненадолго. Уже через час он готов был устроить стоянку в любом, хоть сколько — нибудь подходящем, месте. И такое, к его несказанной радости, вскоре нашлось. Не такое хорошее, как хотелось бы, но все же лучше чем то, на котором он провел прошлую ночь. Это был крошечный пятючок земли у подножия четырех деревьев, очень сильно похожих на земные ивы. Их тонкие внешние ветви свисали практически до земли, а листва и низкий кустарник, полностью скрывали его временное убежище от посторонних глаз.

Оставшихся сил Тиме хватило лишь на то, чтобы закрепить гамак на ветвях деревьев и самому завалиться в него. Он даже не стал, как делал обычно на стоянках, копать яму под костер — настолько ему было плохо.

— Значит, я все — таки смог заснуть, — обрадовался попаданец, вновь увидев перед собой молодого шамана, — ну, на чем мы остановились?

Однако, тот не спешил отвечать. Он все так же, как и раньше, стоял и смотрел на попаданца, не произнося не звука.

— Алло, гараж! — вновь обратился Тима к молодому шаману, — ты чего это в молчанку решил поиграть? Я знаю, что ты умеешь разговаривать. Мы уже общались. Забыл?

Но в ответ — тишина и все тот — же взгляд. Глаза в глаза.

— Слушай, это уже начинает раздражать, — признался попаданец, потихоньку начиная закипать, — то ты болтаешь без умолку, просишь меня о помощи, а теперь что? Передумал?

Нет ответа.

— Ну и иди в задницу, тогда! — заявил попаданец, внезапно успокоившись. — Не хочешь общаться — не надо.

Еще какое — то время они смотрели друг — другу в глаза. Было что — то эдакое во взгляде молодого шамана. Тима долго пытался понять что же именно, но никак не мог. А потом до жирафа дошло. Шаман смотрел на попаданца так, как дети смотрят на своих родителей, после того, как битых три часа объясняли им как пользоваться какой — нибудь техникой, а те, вдруг, спрашивают какую — нибудь очевидную банальность. И только сейчас Тима вспомнил слова молодого шамана про то, что попаданец сам что — то сделал для того, чтобы с ним заговорить. А единственное, что он тогда сделал — это попробовал ту странную штуку из запасов шамана, внешне похожую на соль.

— Ладно, признаю, был не прав. Извини что нагрубил, — вновь нарушил тишину попаданец, — но и ты меня пойми. Я все — таки башкой стукнулся, поэтому мне простительно. И не надо так на меня смотреть, сам понимаю, что туплю. Ты мне лучше подскажи как проснуться. Хотя, ты же говорить сейчас не можешь. Ладно, как — нибудь сам разберусь.

Если раньше Тима думал, что заснуть по желанию — это сложно, то теперь точно знал, что проснуться по желанию — еще сложнее. Чего он только не перепробовал, даже щипал себя, но — безрезультатно, сон никак не желал уходить.

— Ладно, — спустя некоторое время сдался попаданец, — видимо придется ждать утра. И нефиг ржать надо — мной, — ему показалось, что он видит смешинки в глазах молодого шамана, — подсказал был лучше, раз такой умный. А раз не можешь, то и стой молча. Хотя, ты, итак, молчишь же. Короче — не беси меня. А то опять что — то взорвется. А оно нам надо?

Проснулся Тима, если судить по кромешной тьме, уже глубокой ночью. Он прислушался к своим ощущениям, пытаясь понять что именно его разбудило в столь неурочный час. Причина оказалась банальной до невозможности — ему надо было, фигурально выражаясь, в кустики. Попаданец, с трудом, выбрался из гамака, переждал навалившееся на него головокружение и, наощупь, двинулся за пределы своей стоянки. Сделав свои дела, точно так же вернулся обратно. Залез в гамак и, уже засыпая, наконец вспомнил свой последний сон и что просыпался он, вообще — то, не только по нужде.

Тихо матерясь, достал свой импровизированный рюкзак, как и всегда, лежащий у него в ногах и начал в нем шарить. Занятие, надо сказать, было довольно непростым — нужно было в кромешной тьме найти один конкретный мешочек среди других, точно таких же. Но Тима справился. Ему повезло, что псевдосоли сильно отличалась по своей текстуре от других запасов шамана и перепутать ее, скажем, с сушеными грибами, было крайне затруднительно.

Оставалась еще проблема с дозировкой, однако, тут попаданец решил ничего не усложнять и поступил также, как и в первый раз — ткнул пальцем в мешочек и слизал то, что к тому прилипло. Вкус, к его сожалению, у псевдосоли так и не изменился — нечто среднее между гравием и песком. И не то чтобы он был заядлым любителем схарчить каменюку — другую перед обедом, но вышеперечисленные субстанции пробовать все же доводилось. Их и, еще, мел. Но на мел тоже было не похоже.

Вернув мешочек на место в рюкзак, а тот вновь положив себе в ноги, Тима устроился поудобнее в гамаке, накрылся отрезом ткани и, почти мгновенно, провалился в сон.

То что он угадал с нужным ингредиентом стало понятно сразу.

— Ну, здравствуй, — улыбнулся ему молодой шаман.

— Да уж, мне это не помешает, — хмуро ответил попаданец.

— Что — то случилось? — казалось молодой шаман слегка встревожился.

— Случилось. Но давай, лучше, вернемся к нашему предыдущему разговору. А то там, в реальности, скоро уже рассвет, а я хотел бы все наши дела закончить как можно скорее.

— Все наши дела... — Задумчиво протянул парень, — ну как знаешь. На чем я там остановился, не напомним?

— На том, что ты нарушил какие — то ваши правила и свалил на какое — то плато мертвяков и призвал меня.

— Не «плато мертвяков», — вдруг построжевшим голосом проговорил молодой шаман, — а Плато Мертвых. Запомни эту разницу, иначе у тебя могут быть серьезные проблемы.

— Куда уж серьезнее, — развеселился Тима, — что может быть хуже смерти?

— Поверь мне, смерть — не самое страшное для живого существа, — теперь голос у собеседника попаданца стал каким — то зловещим и с того мгновенно слетела вся веселость. Они некоторое время смотрели друг — другу в глаза и Тима первым не выдержал

и отвел взгляд.

— Я тебя понял, — не поднимая взора проговорил он.

— Ну вот и хорошо, — голос у молодого шамана вновь был спокоен и деловит, — итак, я нарушил все правила нашей общины, какие только мог. Украл шатер и немного еды и отправился на плато. А там случилось то что случилось и я, лишний раз убедился, что наставник, как всегда, прав.

— Ого, вот это сильная история, подробная, — Тима совершенно не скрывал ехидства в своем тоне, — ну допустим, а я то тут причем?

— Дело в том, что мне нужна твоя помощь.

— То есть, ты притащил мою душу в этот мир, чтобы я тебе помог? — не понял попаданец.

— Нет, — отрицательно покачал головой его собеседник, — притащил я ее потому, что хотел себе личного духа — раба. Но случилось то что случилось и теперь мне нужна твоя помощь.

— Духа — раба, значит, — задумчиво протянул Тима, которого, почему — то, совершенно не взволновала та участь, которую ему готовили, — хорошо что у тебя ничего не получилось. Так и чем я тебе сейчас могу помочь? Давай — ка поподробнее.

— Хорошо. В общем, я хочу, чтобы ты мне помог получить новое тело.

Тима некоторое время молча смотрел на молодого шамана, а потом не выдержал и расхохотался. Впрочем, тот никак не отреагировал на это и просто стоял и молча ждал пока попаданца отпустит.

— У тебя, видимо, совсем крыша поехала? — отсмеявшись спросил Тима. — Помочь тебе. Мне бы самому кто помог. Ты знаешь, что я сейчас валяюсь в гамаке с сотрясением мозга и даже понятия не имею куда меня занесло? А ты говоришь — новое тело. Где я тебе его возьму? Как я его тебе передам? Я же не шаман даже.

— Я научу, — спокойно сказал молодой шаман.

— Каким образом? Мы ведь даже общаться с тобой нормально не можем. Мне приходится жрать осколки каких — то камней, чтобы иметь возможность с тобой разговаривать. Дурацкая затея.

— Ты о толченых аатма с Плато Мертвых? — молодой шаман явно заинтересовался.

— Белое кристаллическое вещество, похожее на соль. Я вначале за нее эту гадость и принял, кстати.

— Да, это они, — задумчиво проговорил он, — но вот только не должны они так действовать. — Он немного помолчал. — А ты, случаем, не забирал аатма с плато? — наконец, после некоторой паузы, поинтересовался он у попаданца.

— А как выглядят то эти твои атмы?

— Не «атмы», а аатма, — поправил его парень. — С виду — как обычный камень, но если расколоть, то становится видно что он состоит из большого количества слоев. — Собеседник попаданца помолчал немного, собираясь с мыслями, — эти камни очень острые на сколе, — наконец добавил он.

— Было дело, — признался попаданец, — я его использую вместо ножа.

— А ты им, случаем, никого не убивал?

— Рыбу.

— Что за рыба? Много убил?

— Рыба как рыба, — пожал он плечами, — серая такая. Крупная достаточно. А убил

шжук что — то около десятка. Головы отрезал. А что?

— А то, что ты идиот, — внезапно развеселился молодой шаман, — использовать бесценный аатма как простой нож. Ну надо же. Но мне теперь все стало ясно.

— Не поделишься? — хмуро поинтересовался попаданец, не оценивший чужого веселья.

— Отчего же не поделиться? — все еще улыбаясь спросил молодой шаман, — камни аатма — это достаточно редкая вещь, которую очень тяжело достать. Их можно найти только на Плато Мертвых или в других подобных местах. Они очень хорошо накапливают силу смерти и могут служить хорошим вместилищем для множества душ. Толченные же аатма отлично подходят для некоторых ритуалов. А ты одним из них, — он вновь захихикал, — рыбу резал. Ой, видел бы это мой наставник. Он бы умер, наверное, от разрыва сердца.

— Не знаю насчет полезности для шаманства, — ответил попаданец, — но бульжников там этих целая куча. Бери — не хочу. Не знаю о какой редкости ты говоришь. Нашел я его, кстати, аккурат рядом с твоим шатром.

— Так то оно так, но для того, чтобы забрать хоть один — нужно провести специальный ритуал с обязательным жертвоприношением. Иначе, местные духи постараются уничтожить наглеца. Плато Мертвых, знаешь ли, не просто так носит свое название.

— Не знаю, — пожал Тима плечами, — я не видел там никаких духов. Вообще никого не видел, кроме странной птицы, с таким страшным клювом, — он попытался руками изобразить как тот клюв выглядел.

— Это — то и удивляет. Мне самому пришлось постараться, чтобы местные духи меня не тронули. А вот почему ты их не заинтересовал? Вот в чем вопрос. Ну да ладно, пока это совершенно не важно. Давай, лучше, поговорим о том как ты сможешь мне помочь.

— Я же уже сказал, — слегка раздраженным голосом ответил попаданец, — как ты собрался меня учить своему шаманству, если мы с тобой даже общаться нормально не можем? И с чего ты вообще решил, что я стану тебе помогать? В чем моя выгода?

— Начну с последнего твоего вопроса, — ничуть не смутился молодой шаман, — выгода твоя в том, что ты станешь шаманом, сможешь повелевать духами, станешь уважаемым человеком. В нашей общине таких как я очень сильно ценили.

— Ага, поэтому ты сбежал, — перебил его попаданец.

— Я сбежал потому, что сделал глупость, хотел откусить больший кусок, чем мог проглотить. За что и поплатился. И давай на этом закончим обсуждение моего поступка.

— Ну, допустим, — пошел на попятную Тима, — я стану шаманом. Что насчет всего остального?

— Насчет того зачем тебе мне помогать — уже решили, — посмотрел его собеседник в глаза попаданцу, — теперь давай о том как я тебя буду учить. Раньше — я хотел делать это во сне. В моих запасах, которые ты, судя по всему, забрал с собой, есть все необходимое для общения с духами. А я сейчас — дух. Но, раз уж ты забрал с собой осколок аатма, то после должного ритуала мы сможем превратить его в артефакт для работы с духами и душами и я смогу переселиться в него. Так наше общение станет в разы проще и я смогу тебя обучать. Кинжал, пожалуй, будет лучшей формой для будущего артефакта.

— Ну допустим, — повторил попаданец, — что мне мешает обмануть тебя, когда мы закончим обучение?

— Клятва, — просто ответил молодой шаман.

— Клятва? — не поверил своим ушам Тима. И это было не удивительно, ведь он был из

мира, в котором клятвы не считались чем — то надежным.

— Да. Только ты не думай, что все так просто. Вот тебе, кстати, первый урок — клятву, данную духу нарушать чревато.

Тима хотел съязвить на эту тему, однако, что — то в голосе молодого шамана на корню убило это желание. Он некоторое время помолчал, обдумывая услышанное.

— Хорошо, — наконец проговорил попаданец, — я согласен.

— Тогда клянись своим настоящим именем, что поможешь моему духу обрести новое тело.

— Тебя то как зовут? — поинтересовался попаданец. — Ну, мне же нужно знать кому приносить клятву, — уточнил он, видя непонимание в глазах молодого шамана.

— Гадаар, — немного помолчав, представился тот.

— Я, Тимофей Лисин, клянусь, что помогу обрести другое вместилище шаману Гадаару, стоящему сейчас передо мной, как только он обучит меня всему, что знает сам.

— Принимается, — после непродолжительного молчания сказал Гадаар.

— Ну, когда начинаем обучение? — улыбнулся Тима, внутренне радуясь, что формулировка его клятвы не вызвала у молодого шамана никаких вопросов.

Солнечный лучик, каким — то образом сумевший пробиться сквозь довольно густые кроны деревьев, упал Тиме на лицо, вырывая того из объятий Морфея. Попаданец открыл глаза и некоторое время, еще не отойдя ото сна, бессмысленно смотрел вверх, любуясь трепещущими на ветру листьями. А потом он все вспомнил. Весь ночной разговор. После чего довольно грубо выругался, досадуя на несвоевременную побудку. Ну что стоило этому лучику разбудить его хотя бы на полчаса позже, когда они с Гадааром уже договорились бы о том как будет проходить обучение? Но нет, теперь придется ждать следующей ночи, а потом еще и утра.

Впрочем, Тима быстро успокоился. Ему некуда было спешить, так что можно будет и подождать. Тем более, что все так удачно получилось с клятвой. Ну не верил попаданец, что кто — то может просто так отказаться от своего собственного тела. Не верил и все тут. И, если Гадаар сказал ему правду про то, что клятву, данную духу, нельзя нарушить, то у него будет возможность для маневра. Да и не обещал он ему, что тело, в которое его вселит, будет обязательно человеческим. Да и про само тело в клятве ни слова не было. Успокоив себя таким образом, Тима решил, что хватит сибаритствовать — пора бы уже вставать.

Пока попаданец лежал в гамаке, то чувствовал себя, если и не отлично, то, по крайней мере, неплохо. Однако, когда выбрался из него, оказалось, что ему еще далеко до выздоровления. Впрочем, было бы удивительно, если было наоборот. Ведь только в книгах и фильмах так бывает, что сегодня героя метелят изо — всех сил, а на следующий день он вновь готов к приключениям. Тима же героем книги не был. А если начистоту — надеялся на это всей душой. Так что к его услугам, по — прежнему, был микс из головной боли и тошноты. Радовало лишь то, что головокружение почти исчезло.

Он сделал все свои утренние дела, отойдя на небольшое расстояние от места стоянки. Попытался, было, умыться, но чуть не свалился в речку из — за внезапно вернувшегося головокружения. Пришлось умываться стоя на карачках. Вернувшись в лагерь, он, борясь с тошнотой, через силу позавтракал оставшейся с вечерней охоты рыбой. Есть не хотелось совершенно, но его организму нужна была энергия, поэтому пришлось превозмогать.

Закончив свой нежеланный завтрак — занялся обустройством своего быта, хотя ему хотелось лишь одного — забраться в такой чудесный и уютный гамак и чтобы никто его не трогал. Но, при жизни в дикой природе, особенно в одиночку, наши желания, как правило, ничего не значат. Поэтому, Тима, невзирая на тошноту и вернувшееся головокружение, вырыл яму для костра, набрал хвороста и валежника, обустроил себе место для разделки рыбы. На все про все у него ушло никак не меньше четырех часов. Это было гораздо больше чем обычно. Но болезнь — есть болезнь.

Закончив с самыми необходимыми делами, он решил передохнуть немного, так как чувствовал, что еще чуть — чуть и свалится там где стоит. Попаданец, буквально из последних сил, доковылял до гамака и забравшись в него, мгновенно уснул.

Тима, впервые за то время, что он находился в этом мире, увидел сон. Ему снилась репетиция в одном из актовых залов его училища. Славик, его сокурсник, выступающий сейчас в роли режиссера их общей постановки, о чем — то спорил с невысоким, щуплым пареньком из их группы, по прозвищу Мямля. Мямля был из тех людей, у которых энергии больше, чем мозгов, а руки растут из задницы. Как он до сих пор умудрялся не вылететь из

театрального, Тима не знал, ведь Мямлей — то его прозвали не напрасно.

О чем был спор и что именно вытворил Юрка, а именно так звали этого паренька в миру, Тима не знал, но судя по тому, что спор проходил у пульта управления, дело было или в кулисах или в осветительных приборах. Впрочем, ему это было совершенно не интересно, он как раз выполнял речевые упражнения, стоя на авансцене и к перебранке не прислушивался.

Отвлекся он от своего занятия лишь тогда, когда градус спора, явно повысился. Послышались выкрики. Тима обернулся, посмотреть что такого вытворил Мямля, раз Славик так разоряется, но не успел. Внезапный удар по голове и темнота...

Тима попытался, было, вскочить на ноги, однако, в гамаке сделать это было крайне проблематично и он чуть не отправился на свидание с землей. Снова. Но, попаданцу все же удалось удержаться. Он, насколько мог аккуратно, выбрался из своего спального места, оказавшегося столь травмоопасным и осмотрелся. Судя по всему, до вечера было еще достаточно много времени, а значит, у него еще было время хорошенько обдумать свой странный сон. Как раз будет чем развлечь себя во время охоты.

Сейчас Тима чувствовал себя, на удивление, неплохо. Видимо, сказался дневной сон. Поэтому, охота прошла для попаданца гораздо легче, чем утренняя подготовка лагеря. Он довольно быстро добыл себе четырех речных жительниц. Не пришлось, даже, особо стараться. Казалось, что те сами плыли к попаданцу, подставляя свои бока под удары.

А вот с убиением и потрошением добычи пришлось повозиться. А дело было в том, что Тима, наслушавшись рассказов Гадаара о том какой ценный камень попаданец унес с плато, решил, что негоже ему использовать его для таких вульгарных целей. Поэтому пришлось выкручиваться. Головы рыбе пилил наконечником копья. Это было неудобно, грязно и медленно. У него аж сердце кровью обливалось, когда он думал каково им самим в этом момент. Кем — кем, но живодером Тима никогда не был. Наоборот, животных он очень любил, особенно собак. И, хотя, перед разными морскими и речными тварями особого пиетета не испытывал, но ему было жалко даже раков, которых его отец периодически привозил с рыбалки. Когда их, еще живых, клали в кастрюлю, в которой им предстояло медленно и мучительно вариться заживо, Тима старался покинуть квартиру под любым благовидным предлогом. И нет, он не был ни «зеленым», ни «веганом». Просто не понимал и не одобрял любую неоправданную жестокость по отношению к животным.

Впрочем, когда дело дошло до потрошения тушек, он понял, что проблемы еще даже не начинались. Копьем это делать было неудобно. Поэтому, Тиме пришлось искать достаточно крупный, подходящий по остроте, кусок кремня. А найти на берегу реки острый камень оказалось той еще задачей и времени эти поиски заняли предостаточно.

Зато, пока искал нужное — заметил на другом берегу небольшое стадо животных, похожих на земных оленей. Они были лишены, сколь бы то ни было заметных, рогов, да и статья явно не вышли. Рассмотреть их поподробнее у попаданца не получилось — расстояние было все же достаточно значительным, да и звери, заметив повышенный к ним интерес, сразу же скрылись в густых зарослях каких — то кустов, коими порос весь противоположный берег. Побродив еще минут десять, Тима все же нашел искомое и двинулся в обратный путь.

Пока добирался до лагеря, вновь почувствовал ухудшение состояния. Пришлось несколько раз устраивать краткосрочные привалы. Во время одного из них он и нашел

странных пористых камней, сильно напоминающих пемзу. находка была крайне полезной. Он знал, что пемза является неплохим абразивом. Ею даже древние греки пользовались, создавая свои бессмертные скульптурные творения. Значит и ему она пригодится. Тем более, что Тиме как раз пришла в голову идея воспользоваться советом Гадаара и превратить свой осколок аатма в, насколько это вообще возможно в текущих условиях, настоящий кинжал. Благо, из — за травмы, у него теперь было достаточно много свободного времени и в дело, если все сложится удачно, находку можно будет пустить в дело уже этим вечером.

Вернувшись в лагерь, Тима быстро выпотрошил рыбу и положил запекаться в костер. Вообще, рыбная диета ему уже слегка поднадоела, поэтому он сделал себе мысленную заметку на досуге поразмышлять над поиском альтернативных продуктов питания. Ну или, на худой конец, поискать хоть какой — нибудь гарнир.

Солнце уже почти добралось до края горизонта и под сенью деревьев было уже достаточно темно, поэтому Тиме пришлось идти к реке. Там было больше света и пока готовился его ужин, у него было немного времени для того, чтобы начать реализовывать свою идею с кинжалом.

Усевшись на большом плоском камне, находящимся у самой воды, он положил рядом с собой осколок камня аатма, два простых и пемзу. Один из простых камней был плоским, со слегка скошенным концом, второй — массивный, удобно лежащий в руке. Их попаданец планировал использовать как стамеску и молоток.

Тиме несказанно повезло — осколок был около двадцати сантиметров длиной и большая его часть напоминала акулий зуб, вертикально разрезанный пополам. Меньшая же, отставала от него под прямым углом и представляла собой неровный нарост пяти — шести сантиметров длиной. Именно за него попаданец обычно и держал камень, когда использовал тот в качестве кухонного инструмента.

Поначалу, Тима хотел сделать что — то вроде классического кинжала, однако тогда пришлось бы помучиться с откалыванием лишних кусков, а за точность, да еще при отсутствии нормального инструмента, он поручиться не мог. Да и вовремя вспомнил мудрость про то, что лучшее — враг хорошего. Поэтому — то и решил не выделываться и просто — напросто довести до ума то, что ему предоставила матушка природа.

Начал он с того, что при помощи вытащенной из костра палочки отметил на камне проблемные, по его мнению, места. После чего, при помощи импровизированных стамески и молотка, начал их выравнивать. Работа была небыстрой, кропотливой и достаточно утомительной. Однако, он с ней, в конце — концов, справился. Заканчивать, правда, пришлось уже почти в полной темноте. Но результатом попаданец был очень доволен.

Оставшиеся после обработки осколки, он хотел было выбросить, но вовремя вспомнил насколько те ценны. Поэтому, просто — напросто завернул их в тряпицу и спрятал в рюкзаке, не решившись класть их к тем, что достались ему в наследство от молодого шамана.

За день, даже несмотря на свой отдых, Тима достаточно сильно устал. Да и сотрясение мозга периодически напоминало о себе. Так что он не стал засиживаться допоздна, отправившись сразу после ужина на боковую, естественно не забыв перед сном закинуться толчеными аатма.

Гадаар, что не удивительно, был тут как тут. Он улыбнулся Тиме и первым поприветствовал его:

— Доброй ночи, Тимофей Лисин.

— Привет, — ответил Тима, — а чего так официально то?

— Ты о чем? — не понял молодой шаман.

— Ну, ты меня назвал по полному имени, — пояснил он.

— Что значит «полное имя»? — поинтересовался, явно заинтригованный, Гадаар. — У тебя что, есть и другое?

— Нет... Не совсем, — попаданец вспомнил о никнеймах, — просто у нас, полным именем считается имя личное, имя отца и имя рода. И, обычно, в простом разговоре, мы не используем полных имен, обходясь только личными.

— Глупость какая, — пренебрежительно заметил молодой шаман, — зачем такие сложности? Ну да ладно. Так как мне тебя называть?

— Зови меня Тима, — ответил попаданец, — меня так все мои приятели звали.

— А — а—а, — понимающе протянул молодой шаман, — я кажется понял о чем ты говорил. Все равно глупость. Ну да ладно. Итак, ты готов начать обучение?

— Думаю да, — как — то нерешительно ответил Тима, которому было одновременно и жуть как интересно и немного страшновато.

— Отлично. Тогда начну я, пожалуй, с того как устроен мир.

— Я это уже знаю, — перебил шамана попаданец.

— Правда? И как же?

— Есть космос — огромное пустое пространство, в нем висят планеты — огромные куски земли и камня и звезды — здоровенные огненные шары, они вращ...

— Все, все, хватит, — сквозь смех попросил его Гадаар, — огненные шары... Ой не могу. Где ты подобной чуши нахватался то?

— У нас все это знают, — немного обиделся за земное образование Тима.

— Все знают? Ну раз все, то да — это точно правда. — Он вновь засмеялся.

— Но люди были в космосе и сами видели и звезды и планету, — не сдавался попаданец.

— А ты сам видел? — поинтересовался молодой шаман, — лично?

— Нет, — немного растеряно ответил Тима.

— Ну так откуда ты можешь знать, что это правда?

Тима хотел, было, объяснить, что практически каждый человек на земле может воспользоваться компьютером и посмотреть фотографии и видео из космоса, однако решил не метать бисер перед необразованным дикарем. Это придется сейчас объяснять что такое видеокамера, как она работает. А оно ему надо? Нет, конечно. Он вообще — то сюда пришел учиться, а не учить.

— Ладно, не важно, пусть будет так, — махнул попаданец рукой, — рассказывай как, по твоему, на самом деле устроен мир.

— Все просто, — молодой шаман явно был доволен тем, что выиграл спор, — мир состоит из трех частей: мира реального, мира духовного и Грани. Мир реальный — это то место, где обитают наши тела. Мир духовный — это то место, где обитают духи и души смертных перед тем, как уйдут за Грань.

— А что находится за гранью? — поинтересовался Тима.

— Никто не знает этого, — улыбнулся Гадаар, — за Грань уходят души смертных и бессмертных, когда приходит их время. Вернуться оттуда практически невозможно.

— Но, ведь я, по твоим же словам, как — то вернулся, — вспомнил слова Гадаара попаданец.

— Это то самое «практически» и есть. Некоторые души, с особыми э — э—э, — он ненадолго задумался, — свойствами, ушедшие за грань недавно, можно вернуть. Но это очень сложно сделать. Для этого нужен сильный и умелый шаман, — он развел руками и грустно усмехнулся, подразумевая, что сам таким явно не является.

— А что со мной было не так? Почему я занял твое тело?

— Если бы я знал... — Грустно протянул Гадаар, — я все сделал правильно, ведь твоя душа вернулась и вернулась целой и невредимой. Может быть, ты просто сильнее меня. Я не знаю как так получилось. Ну да ладно, — одернул он сам себя, — нет смысла грустить. Что случилось, то случилось. Так что давай продолжим. Итак, я остановился на строении мира. С этим все понятно? — вопросительно посмотрел он на попаданца.

— Более или менее, — согласно кивнул тот.

— Хорошо. Итак, обычно смертные, в частности люди, не могут ни видеть мир духов, ни взаимодействовать с ним. Лишь изредка, в определенных местах, местах силы, духи могут становиться видимыми для простых людей, а иногда не только видимыми. Некоторые из них могут даже передвигать предметы, открывать двери, издавать звуки.

— Призраки, — понятливо кивнул попаданец.

— Да, призраки. Но я отвлекся. В общем — большинство людей мир духов не видит и как — либо взаимодействовать с ними не может. Но есть те, кто может в себе развить подобную способность, а при должных умениях и правильных знаниях — даже подчинить себе дух или душу. Таких людей ты называешь шаманами.

— Но ведь я не шаман, — вновь влез со своим комментарием Тима, — разве любой человек может стать шаманом после обучения?

— Нет конечно, — ухмыльнулся Гадаар, — для этого нужно родиться с необходимыми способностями.

— Так как я смогу стать шаманом? Неужели у меня есть такие способности? — в этот момент Тиме пришла в голову мысль, что если это правда, то это будет самый банальный из всех возможных роялей, — или все дело в твоём теле?

— Нет, — вновь улыбнулся молодой шаман, — все еще проще. Ты сам, по сути, сейчас являешься духом, пусть и засевающим в моем теле. А кому, как не духу видеть и иметь способности по управлению миром духов?

— Вот оно что, — задумчиво протянул попаданец, — что — ж, вполне логично. И что там дальше?

— Да, в общем то, все, — развел руками Гадаар, — это все, что тебе пока нужно знать об устройстве мира и шаманах. Дальше я буду обучать тебя практическим вещам. Начнем с ритуала превращения аатма в артефакт. Ты уже начал приводить осколок в надлежащий вид? Учти, что после ритуала никаких кардинальных изменений в нем сделать будет уже нельзя.

— Начал, — подтвердил попаданец, — но есть некоторая проблема.

— Проблема?

— Да. Как мы будем общаться когда я тебя переселю в осколок аатма?

— В смысле?

— Ну если ты будешь сидеть в камне, то тебе будет нечем разговаривать. Да и во сне, как я понимаю, мы больше видеться не будем.

— А — а—а, — рассмеялся молодой шаман, — не волнуйся. Ты сможешь общаться с любой душой или духом, что будет находиться в этом артефакте. Сможешь даже сделать так, что дух сможет покинуть вместилище или вообще переселить его в другое тело.

— И мы сможем понимать друг друга?

— Конечно, — удивился молодой шаман, — мы с тобой же как — то разговариваем и понимаем друг друга.

— Нет, я про другое. Ведь мы с тобой говорим на разных языках. Не будет ли это проблемой?

— Нет, не волнуйся. Общение там будет сродни тому, что у нас сейчас. Еще вопросы есть? — после некоторой паузы поинтересовался он. — Нет? Тогда запоминай что тебе нужно сделать.

Время, видимо, во сне текло по своим собственным законам, сильно отличающимся от мира реального. Ничем иным Тима не мог объяснить то, что лекция, устроенная ему Гадааром, длящаяся, казалось, никак не меньше суток, на самом деле заняла всего лишь то время, что оставалось до рассвета. Ведь именно на рассвете он и проснулся.

Голова гудела так, будто он и не спал вовсе — слишком уж многое он узнал за такое короткое время. Хотя, может все дело было в травме, полученной им после неудачного randevu с землей. Неважно.

Гадаар рассказывал не только о том, что нужно сделать, дабы превратить обычный камень аатма в мощный артефакт, нет, он оказался знатным любителем поболтать на отвлеченные темы. Так Тима узнал, о том, что поселение из которого сбежал молодой шаман находится выше по течению реки, в небольшой долине, этой же рекой образованной. О тех правилах и укладе жизни, что были там приняты. О том, что никто его искать не будет, так как это противоречит их мировоззрению. Мужчина, а особенно шаман, пусть и молодой, сам должен решать свои проблемы. Помочь ему — значит оскорбить. Так они считали. Узнал о странных и жутких, для землянина XXI века, традициях, принятых у их народа. О том, что некоторых своих умерших — сильных воинов и шаманов, они съедают, дабы перенять частичку их мощи и знаний.

Были, конечно, и более полезные знания. Так молодой шаман научил попаданца тому как узнать некоторые растения, часть из которых была вполне съедобна, а другая часть имела те или иные полезные свойства. Рассказал как видеть мир духов, как переходить в него и как видеть одновременно оба мира.

Но, что самое главное, кроме теоретических знаний, были еще и практические. Как оказалось, шаманизм — это не только камлание в наркотическом угаре, фетиши, тотемы и обереги, но и четкая, выверенная, практически математическая, наука. Все действия шамана во время ритуала были подчинены строгим правилам. Успех же зависел от того насколько гармонично взаимодействовали друг с другом все элементы, входившие в ритуал. Были, конечно, некоторые лазейки, однако и результат в итоге оказывался немного отличным от идеального.

Шаманский ритуал, по своей сути, представлял собой аномальное объединение мира духов и мира реального, связующим звеном в котором был камлающий шаман. За мир духовный в ритуале отвечали особые значки, которые Тима для себя окрестил «рунами», хотя ничего общего с известными ему скандинавскими письменами, те не имели. Каждый такой значок по своему влиял на духовный мир и не терял своих свойств при контакте с себе подобными, а наоборот, усиливая их. Из чего следовало, что руны можно и нужно комбинировать, дабы добиться необходимого результата.

За мир реальный же, в ритуале, отвечали особые ингредиенты, фетиши, тотемы,

амулеты, ритуальное место и частично — сам шаман, а точнее — его движения. Да, как оказалось — не достаточно просто бегать по кругу и бить в бубен. Движения шамана во время камлания были обусловлены именно использующимися в ритуале рунами. И если с остальными составляющими ритуала еще можно было смухлевать, то тут пространство для маневра отсутствовало. Собственно в этом и заключалась та самая «математичность» шаманизма. Имея достаточные знания и четкое понимание того чего хочет — шаман мог разработать свой собственный ритуал и добиться успеха. Ну или погибнуть — тут уж как повезет.

Тима не был ни опытным шаманом, ни имел достаточно обширных знаний, однако, список базовых рун и за что те отвечают, он усвоил, на удивление, хорошо, благо тех было всего пятнадцать. Но был прилежным учеником по своей сути, имел живой и острый ум и многое схватывал на лету, потому — то и заметил некую странность в той схеме ритуала заключения духа в артефакт, что заставил его заучить Гадаар. Одна рунная комбинация, если верить базовым значениям рун, должна была сделать совсем не то, о чем говорил молодой шаман, описывая ритуал. Мог ли он ошибиться? Мог конечно, но вот в чем? В изначальном описании действия рун? Вряд ли. Эти руны присутствовали и в других комбинациях и там Гадаар описывал их действие точно таким же, какое они должны были оказывать по расчетам попаданца. Неужто Тиму хотят сыграть втемную? А что? Вполне реальный сценарий. Попаданец же подмечал ранее, что подобное смирение со стороны молодого шамана выглядит крайне подозрительно и что тот обязательно попытается вернуть свое тело. И вот — первая ласточка.

Но почему, тогда, Гадаар рассказал о значении рун? Ведь и дураку понятно, что зная значение можно совершенно спокойно разобрать ритуал, что называется «по косточкам». Или не понятно? Может шаман надеялся, что Тима запутается в том ворохе информации, что он вывалил на него? Немного подумав, Тима решил, что эта идея не лишена смысла. Гадаару, наверное, не один месяц пришлось запоминать что именно каждая руна значит, вот он и спроецировал свой личный опыт на попаданца. Но откуда же было знать несчастному аборигену, что Тима пришел из мира, буквально переполненного информацией? Откуда ему было знать, что профессия, на которую попаданец учился, как раз и подразумевает быстрое запоминание и осмысление огромных массивов информации? Откуда ему было знать, что на занятиях по сценическому движению, Тиме приходилось иногда вытворять вещи и посложнее, чем связанные с рунами движения? Получается, что Гадаар перехитрил сам себя. И что же попаданцу с этим делать? Ответ был очевиден — не спешить с обвинениями, вытащить все возможные знания из молодого шамана, а там видно будет.

Позавтракав, Тима вновь отправился на берег реки. Следовало как можно скорее закончить работу над артефактом, ведь неизвестно когда именно тот понадобится. Придя на место — устроился все на том же камне, что и накануне. Осмотрел еще раз заготовку под клинок, убедился что вчера сделал все правильно и все лишнее убрано, после чего, усевшись поудобнее, приступил к начальному шлифованию заготовки. Естественно, начал он с пемзы, из — за ее достаточно крупного зерна.

Камень аатма, плохо переносивший ударные нагрузки, оказался очень стойким к шлифовке. По крайней мере, так подумал Тима, в первый час работы, не заметивший скольнибудь значимых результатов своего труда. Он не был профессиональным шлифовальщиком и весь процесс знал только в теории, да и то — слабовато, так что вполне допускал, что час — это ничто для подобной работы. А та, в свою очередь, оказалась очень утомительной и настолько монотонной, что Тима, сам того не заметив, впал в некую прострацию, чисто механически продолжая тереть куском пемзы то об одну сторону будущего кинжала, то о другую.

В себя попаданец пришел уже во второй половине дня. Причиной тому послужили сильный голод и урчание в животе, невероятно обрадовавшие его. Вернувшийся аппетит — признак того, что он активно идет на поправку. Тима взглянул на заготовку. Конечно, работы там было еще непаханное поле, но даже сейчас прогресс был налицо.

Поднявшись на ноги, попаданец скривился от боли в затекших ногах и натруженных мышцах рук. Подхватил заготовку и свои импровизированные инструменты, после чего отправился обратно к лагерю.

С аппетитом закусив рыбкой, задумался над тем что ему делать дальше. По хорошему, следовало бы, конечно, продолжить шлифовку кинжала, однако очень уж не хотелось вновь заниматься монотонной работой. Его выздоравливающее тело и деятельная натура требовали разнообразия. Поэтому Тима, пойдя на поводу у собственных желаний, решил немного прогуляться в сторону от реки. И, дабы успокоить бунтующее чувство ответственности и не выглядеть в своих глазах бездельником и лентяем, решил обозвать свою прогулку разведкой. Да и рукоять для своего детища поискать было не лишним.

Взяв, на всякий случай, с собой свой импровизированный рюкзак и самодельное копье, Тима выдвинулся в ранее намеченном направлении. Боясь заблудиться, он копьем делал небольшие пометки на коре деревьев, как раз на уровне глаз. Так, чтобы их было хорошо видно.

Шел он никак не меньше часа, но, ничего интересного или полезного так и не встретил. Смирившись с тем, что его вылазка, похоже, потерпела неудачу, попаданец развернулся, намереваясь отправиться в обратный путь. И тут же заметил сзади, чуть в стороне от себя, высокое дерево, чем — то отдаленно напоминающее дуб. Оно было буквально усыпано крупными пупырчатыми плодами зеленого цвета.

Если попаданец правильно помнил ночные разглагольствования молодого шамана, то это было дерево Ро — Ти. И примечательно оно было тем, что его плоды являлись чуть ли не главным блюдом на столе Гадааровских соплеменников. Эдакий местный аналог картофеля.

— Ну надо же, — проговорил Тима вслух, — еще недавно я думал о том, что мне надоела рыба и вот те на, получи, мой дорогой попаданец, альтернативные продукты. И ведь

прямо в той стороне, куда я решил прогуляться. Нет, ты не подумай, кто бы ты там ни был, я очень рад подобному подарку, но может, в следующий раз, подкинешь что —нибудь более существенное? Инструменты там нормальные, например? Ну или калаш. Нет? Ну ладно спасибо и на этом.

Конечно у него были сомнения, что это именно то дерево, но подойдя ближе и сорвав один из плодов, убедился, что не ошибся. Уж очень точно Гадаар описывал его.

Внезапно проблемой оказалось вскрыть плод. Тима свой режущий камень оставил в лагере, а копьём было орудовать крайне неудобно. Да и кожа оказалась достаточно крепкой. Впрочем, в конце концов, ему все же удалось вырезать небольшой кусочек. На вкус сырой Ро — Ти больше всего походил на обычный, чуть сладковатый, картофель.

— Ну, этого можно было ожидать, — задумчиво прокомментировал Тима свои ощущения, — интересно, тут где —нибудь есть деревья, на которых растёт соленая селедка? В самый раз бы было. Хотя нет, — после небольшой паузы поправил он себя, — лучше не надо. Рыбы с меня, пожалуй, хватит.

В рюкзаке оставалось совсем немного места, поэтому пришлось попаданцу использовать в качестве сумки для переноски плодов переднюю часть своего пончо. Набил он его примерно наполовину, забрал бы еще больше, однако тогда пришлось бы держать подол двумя руками, а ему копьё мешало. Поэтому, Тиме пришлось утихомирить обуявшую его жадность и довольствоваться тем, что он мог удержать.

Обратная дорога заняла времени намного больше. И причиной тому была не только загруженность попаданца, но и опустившиеся на лес глубокие сумерки. Тима провел в лесу уже около недели, да и до этого частенько выбирался на природу, но так и не привык к тому, что вечер тут наступает намного раньше, чем на открытом пространстве. Впрочем, к лагерю он все —таки смог выйти еще до наступления полной темноты.

Дегустацию добытых плодов попаданец решил перенести на утро. Есть он особо не хотел, тем более, что вернулась легка тошнота, да и с костром возиться у него не было абсолютно никакого желания. Поэтому он свалил свою добычу в небольшую выемку в корнях одного из деревьев, принял немного толченных аатма и завалился спать.

Сегодняшнее занятие у Гадаара мало чем отличалось от вчерашнего. Сначала он принял что —то вроде экзамена у попаданца, проверив как тот закрепил вчерашний материал, хорошо ли он помнит порядок проведения ритуала и так далее. Вновь поинтересовался как идет работа по созданию артефакта. После чего начал новую лекцию. В ней он опять скакал с темы на тему, то рассказывая о других поселениях, расположенных неподалеку, то обучая попаданца тому как правильно сушить и использовать в ритуалах мухоморы. После жаловался на то, что ему не дала одна его знакомая и какая она сволочь. Затем снова возвращался к шаманизму, приводя примеры устойчивых рунических сочетаний. В общем, преподаватель из Гадаара был аховый. Но Тима не жаловался и мотал на ус абсолютно все сведения, благо информация в этом псевдо —сне запоминалась, на удивление, хорошо.

Эта особенность заинтриговала попаданца еще днем, однако, за всеми мыслями, как —то вылетела у него из головы. Он хотел, было, поинтересоваться у шамана как так получилось, но вовремя себя одернул. Еще не хватало натолкнуть потенциального врага на опасные для Тимы размышления. Пытался самостоятельно решить эту загадку, но, естественно, не преуспел. После чего решил принять как данность.

По его ощущениям нынешняя лекция была ничуть не короче прошлой и уж точно не содержала в себе меньше информации, однако, проснувшись, Тима чувствовал себя как

огурчик. В позитивном смысле этого выражения. Он отлично выспался и голова была ясной.

Выбравшись из гамака, он понял, что ко всему прочему — еще и очень хорошо себя чувствует. Его не тошнило, голова не кружилась, а аппетит был зверским. Съеденная им рыбина ничуть не помогла, лишь немного притупив чувство голода. Видимо, напрасно он вчера отказался от ужина. Что ж, значит настала пора дегустации вчерашней добычи.

Тима знал, что аборигены из этих плодов умудрялись даже лепешки делать, но столь далеко заходить на кулинарном поприще, пока не собирался. Поэтому, не мудрствуя лукаво, он запек несколько штук прямо в кожуре. Конечно для этого ему пришлось сначала разжечь костер, а потом дождаться пока останутся только угли. Все это время он глотал слюни и уговаривал свой, не на шутку разошедшийся, желудок немного потерпеть

Вкус приготовленных плодов Ро — Ти напоминал... печеный картофель. Что, впрочем, было вполне предсказуемо. Лишь небольшой, чуть сладковатый, привкус, который попаданец распробовал лишь на втором плоде (первый он смолотил не особо задумываясь над вкусом), напоминали ему, что он ест, все же, не картофель.

Так что обед у Тимы вышел на славу — печеная рыба с печеным же картофелем. Пусть и со значительным интервалом. И лишь одного ему не хватало — пива. Он никогда не был особым фанатом алкоголя, однако, сейчас не отказался бы от кружечки — другой. Причем светлого, нефильтрованного, холодного... От последней мысли он чуть не захлебнулся слюной. Пришлось успокаивать себя самым кардинальным образом — идти умываться.

Холодная речная водица прочистила ему мозги и заставила поумерить аппетиты, так что остаток дня прошел у попаданца, в уже ставших привычными, хлопотах. Он вновь ловил и запекал рыбу, собирал дрова, шлифовал заготовку для кинжала. А потом вновь была новая лекция от Гадаара и новые знания о шаманизме.

В подобном ритме прошло три дня и молодой шаман начал проявлять первые признаки нетерпения. Он задавал неудобные вопросы и потихоньку, пока аккуратно, начал поторапливать попаданца. Тима же отговаривался своей травмой и плохим самочувствием. Жаловался, что ему приходится еще и другими делами заниматься, как — то выживать. Гадаар соглашался с ним, однако, мелькало в его взгляде нечто, очень сильно не нравившееся попаданцу.

Именно во время последнего разговора Тима окончательно осознал, что Гадаар ему не друг и что время ожидания прошло и нужно действовать. Но кинжал был еще не готов. Тима, ведь, ничуть не врал, когда говорил, что кроме изготовления артефакта, у него есть и другие дела. А без артефакта — не провести ритуал, а следовательно молодой шаман так и будет сидеть у него в голове и являться ночами. Но этого попаданец абсолютно не хотел. Ведь, если они будут общаться, то Гадаар снова начнет его торопить, а если он не примет дозу аатма, то шаман, скорее — всего что — то заподозрит и может попытаться сделать какую — нибудь гадость. Были у него некоторые возможности, теперь — то Тима точно это знал. И что же делать? Куда ни кинь — всюду клин.

С поиском решения попаданец провозился практически до обеда. Перелопатив все, доставшиеся от молодого шамана знания, он, однако, не нашел ни одного актуального, в данных условиях. И тогда, отчаявшись, он решил поискать решение в своем земном опыте. Начал вспоминать что же известно в его родном мире о сне, сновидениях и злых духах. Но в голову лезли всякие дурацкие мысли про песочного человека и Фредди Крюгера.

Уже, было смирившись с тем, что вновь придется заговаривать зубы Гадаару, он вдруг вспомнил забавный разговор, состоявшийся у них с его хорошей знакомой пару лет назад.

Даша была человеком творческим и увлекающимся, любила мастерить всякие поделки вроде бус, сережек и разного рода амулетов. А еще, ей очень сильно нравились хорроры. Что при ее впечатлительном характере часто заканчивалось бессонными ночами с включенным во всех комнатах светом.

И как — то раз, находясь у нее в гостях, Тима заметил странный оберег, висевший прямо над ее кроватью. Раньше он его не замечал, из чего сделал вывод, что это что — то новенькое.

— Что это? — поинтересовался он у хозяйки, указывая на заинтересовавшую его безделушку.

Дашка, сейчас рывшаяся в шкафу, оглянулась и увидев, о чем он спрашивает, ответила:

— Это — ловец снов. Старинный индейский талисман. Хочешь, тебе такой же сделаю? — предложила она.

— Даже не знаю, — пожал он плечами, не желая обижать девушку очередным отказом. Та была изрядной любительницей свои поделки раздаривать, а Тима, не горевший желанием нести всякий хлам к себе в квартиру, частенько отказывался. Что, естественно, Дашку обижало, — а зачем он вообще нужен?

— Защищает от злых духов, не пускает их в сны, дарует здоровый сон. Полезная штука.

— И как? Работает? — с некоторой долей ехидства поинтересовался Тима.

— Знаешь, — задумчиво проговорила девушка, — на удивление — да. Я сама, если честно, думала что это чушь новомодная, но спать стала лучше. Вчера, вон, «Астрал» пересматривала. И знаешь что?

— Что? — не разочаровал ее Тима.

— Спала как убитая, представляешь? Со мной первый раз такое. Так что, сделать тебе такой же? — еще раз предложила она, — или опять какую отмазку придумаешь?

— Не придумаю, — улыбнулся он, — буду благодарен тебе, если сделаешь — Тима не верил в магические свойства оберега, но выглядел тот достаточно красиво. Да и не хотелось ему подругу обижать.

И сейчас, со своими новыми знаниями, он понимал, что концепция подобного оберега вполне жизнеспособна. Надо лишь правильно подобрать руны.

— Что ж, вот и перьям крикуньи применение нашлось, — пробормотал попаданец, беря в руки палочку и начиная чертить на земле схему будущего оберега.

«Дашке то хорошо, у нее под рукой были личный запас необходимой фурнитуры для создания разного рода фенечек, сережек и прочей девчачьей мишуры, которую те любят на себя напяливать, и швейный магазин под боком. А мне где брать все это прикажите?» — именно так думал Тима, рассматривая свой, немного кривоватый, чертеж.

Как оказалось — рассчитать Ловца Снов оказалось гораздо проще, чем сделать. Так уж вышло, что тут не было ни магазинов «Все для шитья», ни доставки через интернет, ни даже бабушек, что, обычно, продают нитки в подземных переходах. Попаданец, когда ему пришла столь гениальная идея, упустил из вида такой малюсенький факт, что находится он в другом мире и хоть тут и умеют прясть, но найти даже простенькую бечевку, в тех условиях, в которых он находится сейчас, ему вряд ли удастся. А свои запасы веревок, добытые из шатра шамана, он потратил на гамак и копье, и их остатков вряд — ли хватит еще и на ловца.

Впрочем, решение все же нашлось. Тима вовремя вспомнил, что каждая веревка — это, по сути, просто скопление ниток. Всего то дело было — распустить остатки на нитки и из них смастерить ловца. Тем более, что толщина нитей никоим образом не повлияет на

конечный результат.

Работа закипела. Концы веревок, знатно попорченные не очень острым каменным ножом, которым он пользовался раньше, плохо держали форму. Поэтому, с распутыванием не было абсолютно никаких проблем. Чуть сложнее было непосредственно с самим оберегом. Но и тут Тима отлично справился. Весь секрет был в аккуратности и четком соответствии набросанному на земле чертежу.

Закончив с заготовкой, Тима начал готовиться к ритуалу, который должен был наделить Ловца Снов необходимыми качествами. Он немного волновался, все — таки это был его первый раз в роли великого и ужасного шамана, повелителя духов, заклинателя душ и прочая. Но делал все в точности так, как ему объяснял Гадаар. Его, правда, смущал тот факт, что в смесь, которую ему придется вдыхать и которой нужно будет окуривать оберег, входит как минимум два вида мухоморов. Но правила — есть правила и неизвестно что в итоге будет хуже — обкуриться мухоморами, или неправильно провести ритуал.

Довольно продолжительное время заняли поиски подходящего для ритуала камня. Тот должен был быть, насколько это вообще возможно, плоским и иметь размеры, хотя бы, в два раза большие, чем Ловец Снов. И подобный камень, в конце концов, был найден.

Теперь, осталось только начертить на импровизированном алтаре комбинации рун, соответствующие тем, что он выплел на заготовке ловца. Для черчения, как и ранее, он использовал головешку из костра.

Когда все было готово, Тима не сразу решился начать ритуал. Все — таки ему, уроженцу совершенно другого, отрицающего, в большинстве своем, все мистическое, мира, было довольно сложно принять на веру концепцию магии. Он прекрасно понимал, что его собственное попадание в чужое тело, общение с Гадааром, странные твари, его окружающие и прочие подобные вещи — ярчайшее доказательство наличия неких «высших сил». Умом понимал, но вот внутренний голос кричал, что все это чушь и что он полный кретин, раз верит в подобное.

Тима, как человек сугубо рациональный, немного атеист, считавший, что все, чему есть доказательства — реально, не ВЕРИЛ, а точнее — не хотел верить, фактам. Вот такой забавный парадокс. Был бы он каким —нибудь философом — мог бы развить неплохую теорию на этом противоречии. Может даже основал бы свою личную школу. Но философом он не был, а вот шаманом, если верить Гадаару, — был. И проверить прав ли был бывший хозяин этого тела, можно было только одним способом — провести ритуал.

Тяжело вздохнув, Тима при помощи трута запалил жуткую смесь, находящуюся в курительной трубке, доставшейся ему в наследство от молодого шамана. Ту самую, в которую входило два вида мухоморов. Кашель одолел его на первом же затяге, едва не похоронив ритуал в самом его начале. Однако, попаданец все же справился и начал свое медленное движение вокруг камня, с лежавшей в самом его центре заготовкой для Ловца Снов.

Поначалу, ему было очень некомфортно и немного стыдно, ведь, как ни крути, но движения, обозначающие некоторые из рун, входивших в нужные связки, были донельзя нелепы. Но, видимо не зря шаманы употребляют мухоморы. С каждым кругом, что он проходил — протанцовывал, с каждой новой затяжкой, ему становилось все легче, а нелепость движений смущала все меньше. Когда же он словил себя на мысли, что не мыслит, то даже слегка испугался, что потеряет контроль над своими движениями и ритуал пойдет насмарку. Страх вернул немного ясности его сознанию и Тима вспомнил, что в подобных

случаях, Гадаар советовал петь или читать что — нибудь ритмичное. Желательно — вслух. Причем, слова не имели абсолютно никакого значения, главным была ритмика. Она не позволяла сознанию раньше времени улететь в глубокие дали.

— В траве сидел кузнечик, — затянул Тима, в такт своим движениям. Почему именно эта песня сейчас пришла ему на ум — он ответить вряд ли бы смог. Что примечательно — одурманенное мухоморами сознание наотрез отказывалось вспоминать что там дальше по тексту, поэтому, попаданец постоянно, раз за разом, повторял самое начало песенки. И последней, на удивление четкой, мыслью, перед тем, как его сознание все же улетело в далекие дали, было осознание того насколько же по — дурацки он выглядит со стороны.

В себя, Тима, пришел уже на закате. Он лежал навзничь неподалеку от камня, который использовал в качестве алтаря. Голова болела просто жутко, создавалось впечатление, что у его похмелья дичайшее похмелье. Пока пытался подняться на ноги — ощутил мерзкий запах, исходивший от не менее мерзкого, на вид, пятна на груди. Видимо, организм не выдержал подобного издевательства над собой, любимым, и, в качестве протеста, вернул все съеденное за день отправителю.

— Да уж, не стать мне королем — шаманом, — хриплым голосом посетовал попаданец, ковыляя к реке. При этом он даже не взглянул на то, ради чего совершал столь неподобающие для воспитанного молодого человека действия. Ловец Снов так и остался лежать на камне.

Несмотря на летнюю погоду, вода в реке была достаточно прохладной. Впрочем, это было именно то, что нужно. И сейчас, нежась в кристально чистом потоке попаданец чувствовал, что постепенно оживает.

Гадаар, судя по всему, был не особым любителем водных процедур, да и сам Тима, за всеми заботами, забыл о личной гигиене. Поэтому, сейчас, немного придя в себя, с лихвой наверстывал упущенное.

Потом, когда с мытьем, вроде как, было покончено, а желания уподобляться древним предкам человека и вылезать на сушу, у него не появилось, Тима решил совместить приятное с полезным и объединить банный день с постирочным. К его удивлению, обычный речной песок и проточная речная вода справились с задачей ничуть не хуже какого — нибудь дорожущего стирального порошка.

Он бы с удовольствием поплескался бы еще, однако солнце уже почти село, а простыть, для него, было бы сейчас крайне неуместно. Так что, пришлось выбираться на берег. Там он натянул свои, еще влажные штаны и захватив свою одежду, потопал к месту проведения своего первого настоящего ритуала.

Попаданец сам не знал что именно он ожидал увидеть на алтаре, но лежащий на нем Ловец Снов выглядел точно так же, как и до ритуала. Повертев его так и эдак, в конце концов Тима лишь хмыкнул и, собрав весь свой инструментарий, так и оставшийся валяться на своих местах, направил свои стопы к лагерю.

Тот встретил попаданца тишиной, спокойствием и... уютом. С Тимой так бывало и раньше. в длительных походах, в какой — то момент их очередной лагерь начинал восприниматься как дом. Что это было — особенности человеческой психики или его личные заскоки? Он не знал, но точно знал другое — подобные мысли признак того, что он засиделся на одном месте. Нужно было двигаться дальше. Благо, последствия сотрясения уже давно сошли на нет. Единственное, что удерживало Тиму тут — работа над заготовкой

для ритуального кинжала. Но заготовку он сможет доделать уже завтра, а саму инициацию можно будет провести и в другом месте. Итак, решение принято — послезавтра он выдвигает в дальнейший путь.

Тима еще некоторое время занимался насущными делами. После чего, закрепив Ловец Снов у себя над головой, отправился на боковую. И это была первая ночь в этом мире, которую он провел совершенно спокойно. Ни одно сновидение не потревожило сегодня его сон.

До того как стать попаданцем, Тима не понимал разного рода отшельников, дервишей и прочих садху. Не понимал как можно довольствоваться малым и простым. Нет, барахольщиком или потребителем в худшем его проявлении, он не был, но блага цивилизации любил и не мог представить раньше, что кто — то может добровольно отказаться от всего этого. А сейчас смог. Оказывается, если у тебя ничего нет, то радость тебе могут приносить совершенно банальные вещи, вроде той же жареной рыбы, или, например, хорошего сна. Именно то, что он наконец, впервые за много дней, выспался и было главной причиной того, что Тима проснулся с великолепным настроением.

Было настолько хорошо, что хотелось... просто жить. А еще он очень гордился тем, что его шаманство сработало. И плевать, что ему пришлось, как какому — то последнему наркоману валяться в луже своей рвоты, плевать, что со стороны он выглядел как умалишенный, плевать, плевать, плевать. Главное, что у него получилось и больше ни один хитрозадый абориген не будет указывать что ему делать.

При воспоминании о Гадааре Тима почувствовал, было, легкий укол совести, но сразу же отогнал от себя ненужные мысли. Молодой шаман сам во всем был виноват и к попаданцу изначально никаких добрых чувств не питал. Ему нужен был раб и рабом этим должен был стать именно землянин.

Когда же что — то пошло не так, Гадаар вновь попытался устроить подлость. Сейчас, получив некоторый практический шаманский опыт и обладая специфическими знаниями, Тима четко это видел.

Можно было, конечно, порассуждать на тему, что тело — то принадлежит Гадаару и некрасиво его узурпировать и тот был в своем праве, пытаясь выселить наглого вселенца. Но Тима был не из тех, кто подставляет вторую щеку под удар. Он считал, что за каждый свой поступок и слово нужно уметь ответить перед тем кто может спросить.

Была, правда, еще одна причина. Но в ее наличии, почему — то, попаданец стеснялся признаться даже самому себе. И была эта причина банальна до невозможности. Просто — напросто, сейчас, после смерти, ему очень сильно хотелось жить.

Этот день у Тимы прошел все в тех же заботах, что и предыдущие. Отличие состояло лишь в том, что он подготовил небольшой запас готовой еды для дальнейшего пути и наконец — то закончил первичную работу над кинжалом.

Теперь заготовка ничем не напоминала тот обломок камня, которым была всего несколько дней назад. Матовый клинок, темно — серого, с бирюзовым отливом, цвета выглядел очень опасным, даже хищным.

Тима, признаться честно, был крайне впечатлен получившимся результатом. Подобного, имея лишь самые общие понятия о шлифовке и полировке, он от себя не ожидал. Впрочем, особо радоваться тоже не стоило, ведь работа была сделана всего наполовину, ведь, нужно было еще сделать и как — то прикрепить рукоять. Ее поисками попаданец планировал заняться завтра.

Ночь прошла спокойно и Тима снова отлично выспался. И, как следствие, вновь имел отличное настроение. Сборов, как таковых не было — все что нужно, попаданец собрал накануне вечером. Поэтому, в последний раз позавтракав в этом, ставшем для него почти

родным, лагере, надев свой, ставший уже привычным, вещмешок, Тима наконец — то отправился в путь.

Ему было слегка грустно и не хотелось уходить с насиженного места, уж очень он прикипел к этому месту душой. Но участь лесного отшельника все же была не для него, а поэтому, нужно было двигаться вперед.

Радужное настроение продержалось у Тимы не больше часа. А испортила его ему какая — то непонятная, заросшая длинной рыжей шерстью, многорукая тварь, спикировавшая на него с одного из деревьев. Размером она была чуть меньше средней макаки, однако в момент прыжка показалась попаданцу просто огромной.

Видимо, монстр хотел приземлиться прямо на голову Тиме, но, к счастью, тот как раз перед прыжком существа, немного отошел в сторонку от ствола того самого дерева, обходя сильно разросшийся кустарник. Впрочем, промахнувшаяся тварь ничуть не смутилась, не стала убегать, прятаться. Нет, она, пыхтя как очень маленький и очень волосатый локомотив, ломанулась прямо на попаданца.

Тима, испуганный внезапностью и скоростью атаки не придумал ничего лучше, чем взмахнуть копьём наискосок. Решение оказалось верным. Пятка копья очень удачно впечаталась шестирукой макаке в голову и та, нелепо взмахнув всеми своими конечностями, отлетела в сторону, ударилась о землю и замерла.

Сейчас, когда монстр лежал неподвижно, Тима мог внимательнее рассмотреть это существо. То, действительно, внешне походило на макаку, однако рук у него было все же восемь. Просто на четвертой паре тварь предпочитала передвигаться. А так — внешне они совершенно ничем не отличались от остальных.

Попаданец подошел поближе и уже хотел, было, потыкать существо копьём, дабы проверить живо оно или нет. И тут, следуя всем канонам дешевых фильмов ужасов, тварь сама резко вскочила, выхватила у него его из рук его оружие и ломанулась куда — то в чашу. Причем, теперь она использовала весь доступный ей арсенал конечностей.

Тима не верил, что существо удовлетворится трофейным копьём, а его самого оставит в покое. Поэтому, как мог быстро, достал из рюкзака заготовку кинжала и кусок ткани, служивший ему одеялом. Тканью он обмотал свою левую руку, а кинжал взял в правую. Как же он сейчас жалел, что не доделал его. Ну что ему стоило задержаться на прежнем месте еще на денек — другой? И тут он услышал шелест. Тварь приближалась.

Она неслась на него с огромной скоростью. Все ее восемь рук так и колотили по земле. Миг и тварь прыгает. Тима, недолго думая, ничком валится на землю, пропуская своего мохнатого противника у себя над головой. После чего, со всей доступной ему прытью вскакивает на ноги. И вовремя — тварь, видимо встретившаяся при прыжке с очередным деревом, уже на руках. Ее немного пошатывает, но менять свои планы она явно не собирается. Новый прыжок, на этот раз без разбега, и Тима принимает монстра на левую руку. Тот обхватывает ее всеми своими конечностями и начинает истоиво рвать прикрывающую руку попаданца ткань.

Хоть удар и был ощутимым, однако масса у твари была не такой уж и большой, поэтому Тима устоял на ногах. Но мешкать не стоило, хоть у этого чудовища зубки были не самыми острыми, но надолго подобной защиты попаданцу явно не хватит. Поэтому Тима, не долго думая, прижал вцепившегося в его руку монстра к ближайшему дереву, навалился всем своим весом и, насколько мог быстро, начал наносить удары заготовкой кинжала по

туловищу твари. После первых же ударов та начала дико визжать и попыталась вырваться, но попаданец все наносил и наносил удары, раз за разом вгоняя будущий кинжал в тело чудовища. В конце — концов тварь как — то вдруг, внезапно, обмякла.

Осознание того, что все кончилось и он бьет уже мертвое тело, к Тиме пришло не сразу. Когда это все же случилось, он позволил мертвой макаке упасть на землю, а сам уселся рядом. Адреналин постепенно переставал бурлить в его крови и к Тиме возвращалось нормальное восприятие.

Только сейчас до него дошло, что он весь перепачкан кровью. Сердце на миг екнуло — он испугался, что тварь таки его зацепила. Но поверхностный осмотр показал, что раны у него отсутствуют. Это его успокоило, но спокойное состояние не затянулось — он вспомнил чем именно убил тварь.

Ему было безумно жалко потраченных на заготовку дней и сейчас, он очень сильно боялся, что та могла не пережить столь интенсивного использования. Но, вроде обошлось — внешне, насколько он мог судить, та выглядела вполне прилично. И никаких дефектов, после тщательного осмотра, им выявлено не было.

Что ж, значит из своего первого, по настоящему серьезного, боя он вышел с минимальными потерями. Не считать же большой потерей изгвазданный в крови и изодранный в клочья кусок материи?

А потом он вспомнил о копье. То стоило найти. Вряд ли тварь успела унести его слишком далеко — уж очень быстро она вернулась.

Впрочем, прежде чем идти на поиски украденного оружия — следовало помыться. Мало ли кто еще живет в этом лесу. Может тут есть какие —нибудь сухопутные аналоги акул, которые чувствуют кровь за тысячи километров. Копье их вряд ли заинтересует, а вот его перепачканная чужой кровью тушка — вполне. Да и не известно еще — не ядовита ли кровь самой макаки.

Банные процедуры заняли совсем немного времени. Тима сам ополоснулся и быстро простирнул свое пончо. Долго думал как быть со своим одеялом. Для своей изначальной цели оно было больше непригодно, но ткань есть ткань и, мало ли для чего она сможет пригодиться ему в будущем. В конце концов он все же постирал, как мог и одеяло.

Надев на себя свое пончо и положив влажные остатки одеяла на рюкзак, Тима двинулся, было, на поиски копья, но вспомнил о трупe макаки. Некоторое время поразмышлял годится ли та в пищу и не лучше ли ее сейчас разделать, забрав мясо с собой. Однако, в конце концов, решил, что есть столь похожую на близких родственников человека тварь он не хочет. Ему и рыбы с Ро — Ти хватит. Пусть лучше остается потенциальной приманкой для потенциальных лесных акул.

Найти украденное макакой оружие оказалось той еще задачей. У Тимы ушло никак не меньше часа, прежде чем он все же смог отыскать потерю. Мерзкая мохнатая сволочь зашвырнула то в, казалось, самый колючий кустарник из всех, ранее виденных попаданцем. Тиме пришлось изрядно попотеть, доставая свое оружие. К счастью, то оказалось целым и невредимым.

— Легко отделался, — подвел итог своих приключений, попаданец, усаживаясь на землю и облокотившись на ствол ближайшего дерева. В последнее время у него вошло в привычку говорить вслух с самим собой. — Лишь бы не сглазить, — он трижды постучал все по тому же стволу. Как ни крути, но к разного рода суевериям Тима теперь относился вполне серьезно. Мало ли какое из них окажется реальным. А с него не убудет слегка

подстраховаться.

Немного передохнув, Тима отправился в дальнейший путь. И, на этот раз, все было тихо и мирно. Никто не пытался его сожрать, солнышко своими лучами нежно согревало, ветерок приносил легкую, освежающую прохладу. Благодать! Попаданец настолько расслабился, что едва не забыл, что ему, вообще — то, еще нужно искать основу для рукояти будущего кинжала. Причем, закончить работу желательно уже сегодня.

А еще, Тима корил себя за то, что слишком уж расслабился. Не то это место, чтобы вести себя столь опрометчиво. Ведь, всего каких — то пару часов назад он сам в этом убедился. И на тебе — снова ворон считает. Стоит быть собраннее и осторожнее.

И, если с дисциплиной у попаданца стало немного получше, то вот с поисками заготовки под рукоять был полный швах. Казалось бы — возьми первую попавшуюся деревяшку, да смастери из нее. Но не все было так просто. Основная проблема заключалась в том, что Тима, по сути, застрял в каменном веке. У него просто не было нужных инструментов для адекватной обработки дерева. Если камень он худо — бедно, но мог отесывать каменным же инструментом, то дерево — материал более мягкий, а значит — заготовку легко можно было испортить.

Да еще и способ крепления был крайне своеобразным — хвостовик торчал перпендикулярно клинку. И, чтобы все нормально закрепить, нужно было сверлить сквозное отверстие. Да не одно. А у него не было ни дрели ни заклепок. Нет, в теории, он знал, конечно, несколько способов проделать подобное. Но это было крайне утомительное и неблагодарное занятие. А ему хватило и шлифовки клинка. Так что, по сути, он и сам не знал что именно ищет. А сроки, им же, кстати, и намеченные, уже поджимали.

Близился полдень и попаданец, согласно своим планам, разбил небольшой лагерь. Место было не очень удачным — слишком уж открытым. Впрочем, разводить костер сегодня он все равно не планировал.

Решение проблемы с материалом для рукояти пришло ему в голову в тот момент, когда он обедал. Тима сидел у корней дерева и рассматривал другое, находящееся неподалеку. Поначалу внимание попаданца привлек очень красивый орнамент, что древесные лианы — паразиты создали у него на стволе. А потом, как это с ним обычно и бывало — мысль скакнула дальше. Он подумал, что неплохо было бы реализовать нечто подобное на рукояти кинжала. В чисто эстетических целях. Осознал, что в его случае это слабо реализуемая затея и уже, было, отбросил ее, как вдруг, его мысль снова скакнула в сторону. Он вспомнил, что в свое время, в одном из туристических магазинов видел нож с хвостовиком, обмотанным кордовой веревкой. Подразумевалось что та имеет двойной функционал. В нормальном состоянии — играет роль рукояти, а в экстренной ситуации — ее можно размотать и использовать как прочную и достаточно длинную веревку.

Лианы, естественно, сильно отличались по прочности от корда, однако были, по сути, той же древесиной, но древесиной гибкой и податливой. Из чего следовало, что, при должном старании и упорстве, из них можно сделать отличную рукоять для его будущего артефакта. И сверлить ничего не нужно.

Подготовка клинка не заняла много времени. Да и дел там было всего ничего — выпилить на хвостовике несколько канавок нужной ширины. Сложнее оказалось с лианами. Мало того, что они должны были быть одновременно гибкими и прочными, так требовалось еще, чтобы они были достаточно длинными. Последнее было очень важно, ведь попаданец мастерила рукоять по принципу гитарных струн — прочная сердцевина и плотная обмотка. И

вот, для последней, как раз и требовалась очень длинная и достаточно гибкая лиана. В общем, пришлось Тиме хорошенько так прошерстить ближайшие деревья.

Теперь, когда он собрал все необходимой, нужно было это как — то соединить вместе. Лианы все же отличались по гибкости от проволоки и намотка никак не хотела держаться на основе. Тима битый час провозился, пытаясь придумать адекватное решение проблемы. Он вставлял палочки, пытался вязать узлы. Все было напрасно. Уже почти плюнув на свою оригинальную идею, он внезапно вспомнил про плоды Ро — Ти. В них содержалось огромное количество крахмала. А крахмал — это почти готовый клей. А значит, ему все же придется развести костер.

Тима никогда лично не варил клейстер, но имел об этом процессе некоторое представление. Виноват в этом был друг его детства. У него в квартире шел перманентный ремонт и они, бывало, обсуждали некоторые его аспекты. Ну как обсуждали... Видимо у них в семье и разговоров то и было, что о ремонте. Вот у Тиминого товарища и произошла некая деформация сознания и его иногда заносило. Вот и нахватался того — этого.

Впрочем, сейчас, все эти знания не имели особого смысла. У Тимы не было ни муки, ни чистого крахмала, ни емкости, в которой оный можно было сварить. Зато, имелись крахмалистые плоды с плотной кожицей, река и упорство.

То, что у него в итоге получилось, на клейстер походило слабо — было светло — оранжевого цвета и жутко воняло. Но, оно было клейким, а значит — все страдания были не зря. Хотя, если честно, Тима уже сомневался в здравости своих идей, но отступить не собирался. Из принципа.

С клейкой массой дело пошло гораздо бодрее и за каких — то полчаса с работой было покончено. Осталось лишь дождаться застывания массы и навести внешний лоск. Рукоять получилась очень ненадежной, грозила при первой возможности развалиться, но она была, а это главное. Ведь, если Тима правильно понял объяснения Гадаара, то ритуал, в итоге, укрепит конструкцию. А значит и так сойдет. Главное, чтобы ему не повстречалась очередная мохнатая тварь.

Немного передохнув от хорошенько вымотавшей его работы, Тима принялся за подготовку к ритуалу. Правда, если в случае с Ловцом Снов он вплел руны в сам артефакт, то сейчас ему нужно было наносить их непосредственно на заготовку. Для этого, как и раньше, он использовал небольшую головешку.

Пришлось хорошенько так попотеть — будущий артефакт имел достаточно небольшие габариты, а кусок обгорелой палочки слабо походил на хорошо заточенный карандаш. Зато, с камнем, которому предстояло исполнить роль алтаря, никаких проблем не было. Руны там буду крупнее, да и сама поверхность была намного более удобной.

По своей сути — этот ритуал ничем не отличался от того, в котором он инициировал ловца снов. Ему точно так же предстояло исполнять странные танцы, будучи укуренным разного рода мухоморами. Правда, состав гадости, что ему придется курить и танцы, в этот раз, будут чуть другими. А еще, он пообещал себе, что в этот раз будет песенка будет другой. А — то ему до сих пор было стыдно за кузнечика.

Впрочем, было и другое отличие — сегодняшнее камлание он планировал проводить гольшом. Нет, в этом не было никакого ТАЙНОГО смысла и ритуалу это никак не помогало. Просто — на просто ему совершенно не хотелось снова заниматься стиркой.

Когда солнце уже почти было готово скрыться за горизонтом, Тима наконец — то закончил все приготовления и сразу же, не мешкая, начал ритуал. И тот прошел как надо и

сейчас, на камне, рядом с лежащим в луже собственной рвоты попаданцем находилось не непонятное нечто, слепленное из разного рода мусора, а средних размеров кинжал.

Ритуал изменил его. Клинок сильно выгнулся и стал полупрозрачным, похожим на кусок серого льда, пронизанный бирюзовыми прожилками, подозрительно похожими на те руны, что часом ранее рисовал на заготовке Тима.

Рукоять же изменилась слабо — текстура и цвет остались теми же, что и до ритуала. Но, теперь она представляла собой единое целое с клинком, даже швы в местах стыка отсутствовали.

Внешне кинжал очень сильно походил на сильно выгнутый в обратную сторону серп. На очень странный серп. И было что — то хищное и опасное в этой вещи. Но пока некому было оценить всю прелесть свежесозданного артефакта. Единственный человек, который мог бы это сделать, сейчас валялся в беспомощности неподалеку.

Первое, что сделал Тима, придя в себя — направился к импровизированному алтарю, дабы проверить дело рук своих.

— Охренеть, — пораженно проговорил он, разглядывая сильно изменившийся кинжал. И было от чего удивляться. Гадаар, когда описывал ритуал, ни словом не упоминал про что — то подобное. Он лишь заметил тогда, что можно особо не беспокоиться о креплении при насаживании клинка на рукоять, мол ритуал обо всем позаботится. И тот, надо сказать, позаботился — и рукоять и клинок выглядели единым целым.

Тима осторожно взял кристальный серп, а никак иначе назвать эту вещь у него язык не поворачивался, в руки и осмотрел внимательнее. Судя по всему, тот имел двустороннюю заточку, хотя попаданец отлично помнил, что клинок он затачивал лишь с одной стороны. Тима аккуратно проверил свои подозрения. Так и есть — заточка двусторонняя, по всей длине клинка, кроме перпендикулярного отростка, сейчас выполняющего роль гарды, и, надо сказать, очень хорошая, почти бритвенно — острая. Что ж, это хорошо, значит попаданцу будет не так больно, когда он будет инициировать артефакт.

Да, ритуал был проведен не до конца. Тима привязал серп только к духовной составляющей своей сути, но оставалась еще и физическая. И ее тоже нужно было привязать к артефакту. И тогда ритуал будет закончен. Собственно, в этом и была чистая суть шаманизма — влиять через мир физический на духовный и через духовный — на физический. Именно поэтому, любой шаманский артефакт должен был быть инициирован как в мире духов, так и в реальном. К счастью, физическая инициация серпа была примитивной до невозможности — всего то нужно было омыть артефакт в крови того, кто проводил ритуал. Что будет, если использовать чужую кровь, Тима не знал, но подозревал, что ничего хорошего.

Стиснув зубы, попаданец провел лезвием серпа по своей ладони. Лево́й, естественно. Боли не было, а вот кровь выступила мгновенно. И только тогда, когда он начал методично поливать своей кровью артефакт, наконец пришла боль. Правда, заметил ее попаданец далеко не сразу — уж очень сильно его захватило зрелище, открывающееся перед ним. Кровь, как можно было бы ожидать, надолго не задерживалась на поверхности серпа — очень быстро, практически мгновенно, впитываясь в него. Это выглядело сюрреалистично и даже слегка напугало Тиму. Впрочем, внезапно возникший страх не помешал ему доделать начатое.

Кое — как перевязав свою рану специально захваченным куском ткани, отрезанным от бывшего одеяла, Тима задумался. По всему выходило, что он сделал все правильно и теперь

серп полностью привязан к нему. Однако, это стоило проверить. А способ попаданец знал только один — если ритуал проведен как должно, то артефакт никоим образом не сможет навредить своему хозяину, а следовательно — нужно всего — навсего пырнуть себя посильнее и посмотреть что будет. Но почему — то Тиме совершенно не хотелось этого делать. Оставался еще в нем тот скептицизм, присущий жителям современной Земли. Оставался, даже несмотря на все чудеса, с ним произошедшие.

Но делать было нечего, как ни крути, но чтобы быть на сто процентов уверенным в своем изделии, попаданцу все же придется еще раз проверить на себе остроту серпа. А иначе — вообще не стоило заводить весь этот сыр — бор с шаманизмом.

— Ну, поехали, — наконец решившись, проговорил Тима и легонько провел по тыльной стороне своей левой ладони, рядом с повязкой. Серп буквально провалился внутрь кисти, чем, в первый момент, очень сильно испугал попаданца. За доли мгновения тот успел мысленно попроситься со своими пальцами и половиной кисти, однако боли не было. Но и крови не было тоже. Серп просто прошел сквозь его кисть, не причинив совершенно никакого ущерба.

— Получилось, — неверяще прошептал Тима, в азарте испытывая артефакт на других частях своего тела. Под конец — даже воткнул тот себе в грудь. И при каждой попытке клинок не наносил никакого ущерба своему владельцу. Казалось — он был ненастоящим, или, если точнее — нематериальным. Но это было далеко не так, Тима специально проверил его, разрезав на лоскутки оставшиеся после перевязки тряпки.

Он бы, может и дальше игрался со своей новой игрушкой, но солнце уже скрылось за горизонтом и вечерний сумрак, как и всегда, первым делом пробрался в лес. А Тиме нужно было еще помыться и привести себя в порядок. Мысленно порадовавшись своей предусмотрительности и тому, что ему не придется заниматься еще и стиркой, попаданец отправился на реку, купаться. Все вещи, естественно, кроме серпа, он оставил там же, где те лежали, справедливо решив, что вряд ли они кого —нибудь тут заинтересуют.

Быстро смыв с себя последствия ритуала и одевшись, он отправился обратно в лагерь. Тут поужинал своими старыми запасами, после чего завалился спать, на радостях от успешного ритуала, совершенно позабыв о Ловце Снов. А вот серп захватить он не забыл, надежно закрепив его у себя на поясе. Последней мыслью Тимы перед тем, как он провалился в сон — была радость от того, что не нужно будет изобретать еще и ножны для своего странного кинжала.

— И что это значит? — встретил Тиму вопрос молодого шамана, едва только он снова оказался в том странном месте, где проходили все их предыдущие встречи.

Тима мысленно выругался, досадуя на себя за то, что обрадованный обретением новой игрушки, совершенно забыл о старой и оставил Ловца Снов в своем импровизированном рюкзаке.

— Ты это о чем? — попаданец решил, что «косить под дурачка» будет лучшим поведением в данной ситуации.

— Ты давно меня не навещал. Чем ты был занят все это время и почему тебя так долго не было?

— Ну а мне то откуда это знать? — развел руками Тима, отвечая сначала на последний вопрос, — это же ты у нас шаман, а не я. А занят я был все тем же — подготовкой заготовки.

— И как с ней обстоят дела?

— Нормально, — вновь пожал плечами попаданец и подошел поближе к молодому шаману, — почти готова, осталось только закончить полировку и сделать рукоять. Кстати, — вдруг вспомнил он, — давно хотел поинтересоваться у тебя. Ты ведь говорил, что кинжал изменит форму после ритуала. Так зачем я на него столько сил трачу? Шлифую его, полирую, рукоять подготавливаю.

— Это нужно для того, чтобы артефакт почувствовал духовную связь с тобой, чтобы она укрепилась, чтобы он знал кто его сдел... — На последнем слове Гадаар внезапно споткнулся и замолчав, с подозрением посмотрел в глаза попаданцу. — Но ведь я никогда не рассказывал тебе, что кинжал изменит форму. — После некоторой паузы продолжил он. — Так откуда ты зна...

Договорить Тима ему не дал, поняв, что его нехитрая уловка раскрыта, он выхватил свой серп, наличие которого у себя на поясе ощутил сразу же, как оказался в этом странном месте, и всадил его по самую рукоять в живот молодого шамана, прерывая того на полуслове. Удивление, боль, страх, — вот те эмоции, что успел разглядеть попаданец на лице Гадаара, прежде чем того начало корезить и сминать, а после и затягивать внутрь серпа. А самое жуткое заключалось в том, что происходило это все в абсолютной тишине. Ни единого звука не произнес Гадаар с момента удара и до того, как полностью скрылся в клинке.

— Надо же, — с явным удивлением в голосе, проговорил попаданец, когда все закончилось. И этот, такой простой звук, полностью разрушил тишину, разбил ее ужас и очарование. — Не думал, что так можно было.

Он и правда не думал, когда наносил удар. Не знал что за этим последует, однако, судя по всему, принял единственно верное решение в данной ситуации. Если он правильно понял, то сейчас произошло как раз то, что с ним хотел проверить Гадаар. Не было бы никакого ритуала по вселению души, о котором тот говорил ранее. Молодому шаману нужно было лишь одно — чтобы попаданец принес полностью готовый к работе артефакт сюда, в это странное место. А отнять его было бы делом техники. Считал того, наверное, наивным дикарем, который запутавшись в ворохе информации, добровольно передаст оружие в его руки. Так, наверное, он думал. Ведь Гадаар, явно относился к Тиме с некоторым пренебрежением, хоть и старался не показывать этого. Сейчас попаданец это ясно

осознавал.

И, ведь, это действительно могло бы сработать. Вряд ли Тима отказал бы своему наставнику, если бы тот попросил его передать ему на время артефакт под каким —нибудь благовидным предлогом. Не отказал бы, если бы вовремя не заметил ту самую ошибку в ритуале вселения духа, если бы не был столь дотошен в изучении новой для него науки.

— Интересно, зачем вообще он это сделал? Ведь ритуал — то, по своей сути был верен. — Задумчиво поинтересовался Тима сам у себя. Но у него не было ответа. По всему выходило, что Гадаар, составляя свой хитрый план, не особо заморачивался с тем, что именно будет говорить попаданцу. А значит, стопроцентно точен он был только в том, что касается ритуала по созданию артефакта. Ну и, наверное, со значением рун. Там все, вроде, сходилось, если судить по созданному им Ловцу Снов.

Да и насчет быта своего народа, вряд ли сильно врал. А вот к остальным сведениям, почерпнутым от Гадаара, стоило относиться критически. Правда, сейчас, когда бывший шаман стал духом — рабом, то соврать попаданцу он не сможет. Впрочем, эту информацию Тима тоже узнал от самого Гадаара, а значит — нужно будет проверять. Хотя, частично это все же правдивая информация. Почему частично? Да потому, что в тех рунах, что Тима наносил на клинок, была некая конструкция, которую можно было интерпретировать как «подчинение духа». Но «подчинение» — это все же не «правдивая информация». Впрочем, некоторые идеи на этот счет у попаданца были. Благо, он родился и вырос в таком мире, где с детства учат читать в первую очередь то, что написано мелким шрифтом. И он уже примерно знал как будет вести себя с духом Гадаара. Теперь осталось лишь дожидаться возвращения в реальный мир.

Ждать пришлось не особо долго. Видимо, лекции Гадаара имели особенность растягивать время. Впрочем, так можно сказать о большинстве лекций, даже не магических, так что было это субъективное ощущение или объективная реальность — Тима не знал, но проснулся он достаточно быстро, даже не успев особо заскучать.

Утро было чудесным, солнечным, ярким. И таким же солнечным и ярким было настроение у попаданца. А чего переживать? Поспал хорошо. Выспался. Сейчас позавтракает вкусной, пусть и поднадоевшей, пищей. С гадом Гадааром тоже почти разобрался. Красота.

Тима неспешно вылез из гамака, потянулся и начал утреннюю разминку. Решение заниматься собственным физическим развитием он принял этой ночью, как раз тогда, когда сидел и ждал своего пробуждения. Натолкнуло его на подобные мысли четкое понимание, что он сейчас хоть и дико крутой, по своим же собственным меркам, шаман, но достаточно слабый боец.

Да, он уже убивал некоторых местных чудовищ, но это была скорее случайность, сиюминутный успех. А вдруг тут есть кто — то посерьезнее змееежей и шестируких макак? На шаманство надежды было мало — это, все же, в первую очередь, ритуальное искусство. А в бою проводить ритуал — та еще глупость.

Нет, конечно, он, даже сейчас, знал о некоторых активных способах самозащиты и нападения при помощи шаманизма, но все они были достаточно сложны в реализации в текущих условиях.

Вот и оставалось надеяться на свои физические возможности. Конечно, Тима не строил иллюзий насчет уровня своей боевой подготовки, но ведь лучше делать хоть что — то, чем

не делать вовсе. Таков был его принцип.

Утреннюю зарядку попаданец окончил комплексом упражнений на ловкость и пластику из курса сценического движения, что им преподавали в училище. После чего сходил на речку. Там он планировал просто умыться, почистить, насколько это вообще возможно, зубы, но не удержался и немного искупался — уж слишком приятной была водица с утра. Затем был завтрак.

— Ну что ж, видимо настало время пообщаться, — проговорил Тима, выкидывая в ближайšie кусты остатки запеченной рыбы. — Эй, Гадаар, покажись! — приказал он. И сразу же перед ним появилась полупрозрачная фигура молодого шамана. Внешне — он был точно таким же, каким, Тима его запомнил во сне, таким же, как и он сам, разве что был слегка полупрозрачным. Даже одежда у них была одинаковой. Правда у новоявленного духа — раба она все же была поновее.

Гадаар осмотрелся, будто не понимая где находится, развернулся в сторону попаданца и глаза его сузились.

— Ты предал меня, — почти прошипел он, — ты нарушил клятву. Теперь ты будешь про...

— Замолчи, — коротко приказал Тима и фантом молодого шамана моментально заткнулся, так и не договорив свою обличительную речь, однако продолжал злобно зыркать в сторону попаданца.

— Начнем с того, что я не мог тебя предать, ведь ты мне никто и звать тебя никак. Более того, ты сам сначала планировал использовать мою душу как своего раба. Да, да, и не смотри на меня так, ты ведь сам в этом признался. А потом, когда из — за твоей глупости я захватил твое тело ты несколько ночей подряд пытался подчинить меня своей воле. О — о — о, я вижу ты удивлен. Ну неужели ты думал, что я не пойму ничего? Это же так очевидно. Ну не хмурься, не хмурься. Я понимаю, что неприятно осознавать, что тот, кого ты считал неотесанным дикарем, таким не является. Ну да ладно. И что же дальше? Ты решил схитрить. Сделать вид, что ты сдался, принял свою судьбу и вообще ты белый и пушистый, а рабовладельческие замашки это не про тебя. Ты решил схитрить и скормить такому глупому мне идиотскую историю про то, что якобы души теряют связь с телом со временем и для тебя жизнь в кинжале лучше жизни в своем теле, хоть и на вторых ролях. Что ж, я выполнил твое желание, — тут попаданец слегка усмехнулся, — ну не смотри ты на меня так злобно, дырку сейчас прожжешь. Что там дальше? Ты решил научить меня своему искусству, дабы я оказался в твоём нынешнем положении. Знаешь что тебя сгубило? По твоим глазам вижу, что тебе ой как интересно где ты прокололся. Тебя сгубила твоя болтливость и самонадеянность. Я не знаю как тут у вас, но я родился и вырос в мире, где информация повсюду. Мы каждый день перевариваем столько информации, сколько ты за всю свою жизнь не получаешь. А еще, мы научились учиться, как бы смешно это не звучало. Мы можем выхватить самую суть из общего потока знаний. Тебя сгубила твой же болтливость, самоуверенность и лень. Да, да, именно что лень. Когда ты мне рассказывал детали ритуала переноса души в артефакт, то поленился все продумать. — Тима стоял и наслаждался целой бурей эмоций, что сейчас отражались на лице молодого шамана. Ах как же было хорошо наконец — то все высказать этому доморощенному Ришелье. — Ладно, хватит сейчас об этом, — наконец продолжил попаданец, — а то чувствую себя каким — то клишированным злодеем, который перед главным героем изливает душу. Впрочем, мы — то знаем кто тут настоящий герой, а кто злодей. Итак, давай перейдем к делу. Я приказываю тебе сейчас и в

дальнейшем давать мне только истинные ответы на все мои нынешние и будущие вопросы. Ни словом, ни делом, ни помыслом не вредить мне и моему окружению без моего на то отдельного указания, с моим недвусмысленным подтверждением данного приказа, — при этих словах момент с лица Гадаара сошли другие эмоции, осталась одна лишь ярость, но попаданец, казалось, этого не заметил. — Я запрещаю тебе ненавидеть меня, моих друзей, родных и ближайшее окружение. Нынешних и будущих. Я приказываю тебе слушаться меня во всем, выполнять все мои распоряжения, а так же проявлять должную инициативу по моему информированию, если что то будет грозить мне, моим родным, друзьям или ближнему кругу. Нынешним и будущим. Ты меня понял, раб? Отвечай!

— Да, — покорно прозвучало в ответ.

— Отлично, — обрадовался Тима, — а теперь скажи мне насколько я был прав, когда говорил, что ты хотел, чтобы моя душа оказалась в твоём нынешнем положении?

— Полностью. Именно так я и планировал поступить, — голос новоявленного духа — раба был безэмоционален а лицо спокойно.

— Что ты планировал делать с моей душой в дальнейшем?

— Не знаю. Для меня главным было вернуть себе свое тело. Способности духа — раба во многом зависят от тех, которыми тот владел при жизни.

— Что ты умеешь сейчас?

— Все то же, что и раньше. Практически, — тут его безэмоциональность слегка дала трещину. — А еще все, то что умеют духи — рабы.

— Что именно умеют духи — рабы?

— Умеют проявляться в мире живых или оставаться в мире духов. В мире духов они, — он сделал небольшую паузу, — мы, — поправил он себя, — чувствуем себя лучше и можем находиться там в проявленном состоянии гораздо дольше. При должной силе и свободе — взаимодействовать с объектами из мира реального. Общаться со своим хозяином на значительном расстоянии.

— И это все?

— Да.

— Хорошо. Тогда скройся в кинжале.

Дух Гадаара исчез, растворившись в воздухе, а Тима, усевшись на ближайший валун, задумался. Все складывалось не столь радужно, как он надеялся, но и не так плохо, как могло бы было. У него есть свой дух — раб — местный шаман, причем достаточно сильный и он будет хорошим подспорьем при выживании в дикой природе. Да и научить может всякому. Но, вот то, что духи — рабы, по своей сути ничего не могут полезного, вот именно это очень сильно удручало. Он — то надеялся что Гадаар сможет превращаться в какого —нибудь призрачного волка, на котором попаданец будет рассекать по местным чащобам. Однако с волком вышел обломись.

А с другой стороны — он избавился от злобной и опасной шизы, что засела у него в голове и грозила породить шизу настоящую. А что там дальше будет — еще не понятно, может, при помощи Гадаара, Тима все же сможет что —нибудь придумать. А пока нужно было сворачивать лагерь и двигаться дальше. Что — то ему подсказывало, что где — то там, вниз по течению реки, его ждет что — то очень полезное и интересное.

Следующие три недели пути прошли для Тимы в едином ритме. Он просыпался, завтракал, делал зарядку, общался с Гадааром, слушал его лекции по шаманизму и

обращению с духами. После чего собирал лагерь и двигался дальше вдоль реки. И вся эта репетативность настолько съела его восприятие времени, что он уже даже не замечал как дни сменялись ночами, а те — новыми днями. Не замечал, что он сам немного изменился, пообвык, перестал считать местные джунгли чем — то чужим. Они стали для него обыденностью. Даже нечастые нападения разного рода чудищ воспринимались скорее как докучливая помеха, нарушающая ритм движения, чем как смертельная опасность. Хотя, нельзя сказать, что Тима расслабился и потерял осторожность — нет, все дело именно в изменении восприятия. Человек такая скотинка — он практически ко всему может привыкнуть. Так было и в этом случае.

Гадаар, кстати, оказался полезен не только как местный аналог википедии, нет, он оказался замечательным разведчиком. Хотя и не мог сильно отдалиться от своего вместилища, но этого все же хватало для того, чтобы Тима большую часть опасностей, подстерегавших его на пути, попросту обходил.

Кстати о Гадааре. Сейчас, когда тот был полностью подвластен воле попаданца, их занятия стали более продуктивными. А еще, оказалось, что многое из того, что говорил молодой шаман ранее, было выдумкой. Нет, про обычаи своего народа и особенности проживания в данной местности, он не врал. А вот в росказнях по ритуалистике было много чуши. Причем, зачем он это делал, тот четкого ответа дать не мог.

Хвала всем богам, если они конечно существуют, что Гадаар врал не во всем, а Тима не бросился сразу же экспериментировать со всеми новоприобретенными знаниями, а пользовался лишь начальной теорией. Тут, к счастью, обошлось без вранья. Так и получилось, что нужно было, по сути, начинать обучение заново и отсеивать явный бред. Чем они и занимались все время пути.

Не забыл Тима и о своем артефактном серпе. Точнее о ножнах для него. Конечно, из — за его свойств, те ему особо и не были нужны, более того — попаданец вообще мог использовать свое тело как ножны для серпа. Но не использовал. Ведь засунуть что — то куда — то это одно дело, а вот вытащить — совершенно другое. Тима боялся, что серп провалится внутрь него полностью и случится это, всенепременно, в самый неподходящий момент. Поэтому и заморочился с ножнами. Те были простыми до невозможности — две дощечки, вырезанные по форме клинка и скрепленные остатками его одеяла. Просто и безвкусно, зато функционально — те позволяли, при необходимости, практически мгновенно выхватить серп и так же легко его спрятать. А еще они выглядели столь неказисто, что никто посторонний, будь он здесь, в жизни не догадается, что в них скрывается нечто очень необычное и крайне опасное.

И, хотя он и смастерил ножны для артефакта, но ночь Тима, все равно, ради большей безопасности, проводил с серпом, вставленным в его тело. Чаще всего во внутреннюю сторону левого бедра. Да, это было не столь удобное место, как пояс, но после некоторой модернизации штанов, доставшихся попаданцу в наследство от Гадаара, достать серп стало делом пары секунд. Да и в лежачем положении проще дотянуться до бедра, чем до пояса.

То, что что — то изменилось в окружающем его пространстве, до Тимы дошло далеко не сразу. Он все так же, как и раньше брел вдоль берега реки, механически переставляя ноги и любуясь окружающими пейзажами, нужно признать — крайне утомившими попаданца за время его странствий, как вдруг его носа коснулся смутно знакомый запах.

— Гадаар, ты что — нибудь чувствуешь? — мысленно спросил он у своего духа —

раба, — какой — то странный запах.

— Духи не чувствуют запахов, — раздался в голове у попаданца все такой же безэмоциональный, как и всегда, голос Гадаара. Да, мысленное общение со своим рабом было одной из тех возможностей, которыми обладал артефакт. Причем не столь важно насколько далеко от хозяина находился дух.

— Ну да, ну да, — уже вслух произнес попаданец, — как я не подумал. Давай, двигай вперед. Как обычно. Если будет что — то интересное — сразу маякуй.

Гадаар молча выбрался из кинжала и отправился вперед. Он был невидимым для обычного зрения, но Тима уже давно научился определять когда его раб находится в серпе, а когда покидает его. Он мог бы, конечно, и проследить за перемещением духа, но не хотел. Уж очень непривычным, и что греха таить — пугающим, для смертного, пусть и когда — то уже умершего, выглядел тот мир, по которому перемещался дух молодого шамана.

Так они и двигались некоторое время, пока до попаданца не донеслась мысль — сообщение от Гадаара:

— Тут Большая Вода.

— Что за вода? — не сразу понял Тима, — потоп что ли?

— Нет, не потоп, а Большая Вода.

— Чертовы аборигены, нормально объяснить не могут, — в сердцах проговорил вслух Тима. Несмотря на то, что, в общем и целом, общение у них с Гадааром складывалось вполне нормально, из — за их ментальной связи, но иногда выплывали подобные казусы. Когда слишком сильно было различие в восприятии тех или иных вещей. Причем, подобное, случалось уже далеко не раз. Был, например, у них случай, когда они не поняли друг друга во время описания Гадааром того как должен выглядеть один полезный кустик. То описывал его как низкое растение с большими зелеными листьями и с крупными, неправильной формы ягодами, тоже зеленого цвета. Тима тогда с ног сбился в поисках этого растения, хотя, по уверениям его духа — раба, подобных кустов тут пруд — пруди. В конце — концов он приказал Гадаару двигаться рядом и указать на нужный куст, как только тот его заметит. И тот указал, причем очень быстро. Только вот было одно «но» — ягоды у куста были ярко — голубого цвета. Дух не понял претензий попаданца, причем даже сквозь его холодную невозмутимость чувствовалось, что его задело недоверие Тимы. В общем, в итоге, выяснилось, что для народности, частью которой являлся и Гадаар, нет никакой разницы между синим, голубым, бирюзовым и зеленым. Вот так, да. А еще они не разделяли оттенки красного — для них желтый и розовый, оба были одним цветом — красным. И ладно бы они страдали дальтонизмом, но нет, у Тимы, занявшего тело как раз одного такого аборигена, никаких проблем с различением цветов не было. Он четко видел границы и оттенки так, будто находился в своем старом теле.

И подобных казусов было достаточно много. А теперь к ним добавилась еще какая — то Большая Вода. Ну да ладно, судя по всему, вскоре он сам все поймет.

Тима склонялся к чему — то, вроде крупного озера, но реальность превзошла все его ожидания. Большая Вода оказалась морем, или даже, возможно, океаном. Огромное, цвета зеленого бутылочного стекла, колышущееся под легким ветерком, водное пространство. Оно вынырнуло резко, как — то вдруг, надвинулось на него всей своей всеобъемлющей мощью, едва он прошел сквозь какой — то кустарник, закрывавший ему обзор ранее.

Тима вдохнул полной грудью. Да, теперь он узнал этот запах — запах йода, гниющих на солнце водорослей и свежести. Запах беззаботного детства, когда родители возили его на

побережье Черного моря и все было хорошо, все было просто и понятно.

— Большая Вода, — вслух проговорил Гадаар, полностью уничтожая все очарование момента единения попаданца со стихией, — там Грань, — дух — раб указывал куда — то за горизонт.

— Что, прям там? — с изрядной долей сарказма в голосе, поинтересовался слегка расстроенный бестактностью Гадаара попаданец.

— Да, — просто ответил тот.

— А ты откуда знаешь? Ты же, вроде, говорил, что никогда раньше не был тут.

— Старшие рассказывали, — все так же просто ответил Гадаар.

Тима не стал дальше пытаться своего раба и огляделся по сторонам. Он стоял сейчас на огромном галечном пляже. По правую руку от него находилось устье реки, верно служившей ему все это время проводником, источником питьевой воды и пищи. Слева же, не было ничего, кроме все того же пляжа, через несколько километров делающего плавный поворот налево. Сзади, что и не удивительно, были джунгли. Тиме хотелось и искупаться в море и пойти посмотреть что же там за изгибом пляжа. Но, солнце висело уже достаточно низко над горизонтом и, по хорошему, следовало бы позаботиться о ночлеге, а исследованием территории можно будет заняться и завтра.

Попаданец вернулся на несколько километров выше по течению реки до места, где ее воды вновь становились полностью пресными, где и устроился на ночлег. Единственное что он сделал не так, как раньше — не стал копать ямку для костра, решив, что тут ему ничего не угрожает. И жестоко ошибся. Именно костер и навел незваных гостей на место его ночевки.

— Просыпайся! Опасность! — услышал он непривычно встревоженный голос Гадаара у себя в голове. Тима попытался, было, вскочить, но гамак, чертов гамак вновь сыграл с ним злую шутку. На этот раз, правда, обошлось без увечий, но время было потеряно. Последним, что успел заметить Тима, прежде чем получил сильный удар по голове и потерял сознание, были несколько теней, вбежавших на небольшую полянку где он ночевал.

В сознание Тиму привела струя воды, выплеснутая прямо ему на лицо. Вода была явно морской, так как попаданец узнал ее характерный привкус у себя на губах. Он открыл глаза и огляделся. Что ж, хотел найти людей? Нашел. Точнее они его. Только вот ему было ничуть не легче от того, что его желание сбылось.

Он был связан по рукам и ногам и находился в какой — то деревянной клетке, явно кустарного происхождения. Подобные он видел в разнообразных приключенческих фильмах про острова с сокровищами и разного рода пиратов. В них обычно держали главных героев, а те из этих клеток героически сбегали. Еще больше усиливало создавшееся у Тимы впечатление то, что клетка находилась на палубе какого — то двухмачтового парусника.

Дальше осматриваться попаданцу не позволили. Какой — то очень вонючий и очень бородатый мужик с пустым деревянным ведром в руках, достаточно чувствительно пнул Тиму под ребра и что — то грозно прорычал.

— Я тебя не понимаю, — просипел попаданец, чувствуя что горло пересохло от жажды. Однако мужику было явно все равно. Он вновь ударил Тиму, причем, скотина, метил в то же самое место. И снова что — то прорычал.

— Не по — ни — маю! — прокричал попаданец по слогам, — Я тебя не понимаю, понимаешь? С — с — у — ка! — Бородатому все же удалось задуманное и в боку у попаданца расцвел целый болевой букет. А потом еще. И еще.

Послышался чей — то окрик и внезапно все прекратилось. Тима убрал руки, которыми пытался прикрываться и осмотрелся. Рядом с бородачом стоял еще один субъект — невысокого роста, тоже бородатый, однако, в отличие от первого — абсолютно лысый. И вот сейчас этот коротышка что — то выговаривал бородачу. Тот попытался было что — то возразить, но, лысый, не долго думая, съездил бородатому по морде. Да так хорошо, что тот свалился рядом с избитым Тимой.

У Тимы, когда он увидел столь быстрое кармическое воздаяние для бородатой сволочи аж душа расцвела. Он даже, было, проникся глубоким уважением к коротышке. Впрочем, ненадолго. Тот, закончив выговаривать что — то своему, явно, подчиненному, повернулся к попаданцу и внимательно осмотрел его. Затем задал какой — то вопрос.

— Не понимаю, — спокойно, глядя прямо в глаза коротышке, повторил Тима и, дабы усилить эффект от сказанного — отрицательно покачал головой. Лысый задал еще несколько вопросов, но видя что попаданец его не понимает, задумался. А затем, достал кинжал из поясных ножен и сделал шаг к Тиме. Тот даже испугаться не успел, лишь сердце екнуло. Однако, убивать, похоже, его никто сейчас не собирался. Коротышка лишь разрезал путы на ногах попаданца и одной рукой подняв того за шиворот, как кутенка, поставил на вновь свободные конечности. Тима поразился той силище, что была в этом невысоком и, казалось, ничем не примечательном теле.

Долго стоять на месте попаданцу не позволили, легкий пинок в пятую точку, тонко намекнул, что нужно двигаться. Ну он и двинул, благо, особого выбора то и не было.

Путь их лежал на корму данного плавсредства. Тима практически не разбирался в кораблях, особенно в средневековых, лишь смутно помнил что что — то нельзя называть кораблем, а что — то можно, но что именно — не помнил, поэтому не мог с точностью рассказать что это за судно и чем оно отличается от своих земных аналогов. Мог сообщить

только то, что видел перед собой, а видел он немного — корабль, явно парусник, а не галера. Длинною метров двадцать — двадцать пять. Имеет две мачты и кормовую надстройку, там же, на корме в смысле, находится и штурвал. Паруса частично косые, частично прямоугольные. Вот в общем то и все.

— Гадаар, — мысленно обратился к своему духу — рабу попаданец, — ты меня слышишь?

— Да, — раздалось у него в голове.

— Ты знаешь на каком языке они разговаривают? Можешь перевести мне?

— Нет, подобного языка я не знаю. Он не похож на мой родной.

— А хоть что — то можешь сказать о том кто они такие и что им от меня нужно?

— Нет, — все так же спокойно ответил дух, но потом, внезапно его голос слегка оживился, — хотя, может быть и смогу. Я слышал как шаман соседнего поселка рассказывал моему учителю, что на какой — то поселок нашего народа, находившийся где — то рядом с Большой Водой, напали какие — то бледнолицые люди и всех забрали. Больше жителей того поселка никто не видел.

— И давно это было?

— Пять кругов назад, — голос духа — раба вновь был безэмоционален.

Тима начал догадываться о том кем являются его пленители — банальными пиратами и работоторговцами. Не зря же у них тут клетки стоят на палубе. И что делать ему? Тима, честно говоря, не знал. Драться? Так их тут штук тридцать, не меньше. Да и нечем, не серпом же, в самом деле? Его пираты не нашли и хвала всем богам, а вот остальных вещей попаданца лишили. Да и не умеет он, если честно. Так что тогда делать? Надо стать полезным — вот что, ну или хотя бы не обузой, а там можно будет подумать.

— Слетай, осмотри эту посудину, поищи что — нибудь интересное, а потом расскажешь что и как.

— Слушаюсь, — ответил дух и отправился выполнять приказ.

Тем временем коротышка довел Тиму до места назначения. Им оказалась, судя по всему, капитанская каюта. Почему именно капитанская? Да потому, что вряд ли где — то еще могло быть столько разного рода ценных безделушек. Ковры, позолоченные панели, шикарная кровать с балдахином. Тиме показалось, что он находится не на корабле, бороздящем просторы неизведанных морей, а в дорогом номере советского отеля, чудом дотянувшим до нынешних времен. Вся обстановка в каюте была сколь кричащей, столь и потертой. Видно было, что хозяин всего этого цыганского великолепия переживает не самые радужные времена.

Кстати о хозяине — капитан оказался плохо выбритым, очень худым мужичонкой средних лет, одетым в нечто, некогда бывшее, скорее всего, дорогим камзолом и средних размеров круглую шляпу с широкими полями. Ни деревянной ноги, ни попугая — матерщинника не наблюдалось.

Капитан, даже не стал подниматься из — за стола, за которым, явно, обедал, о чем говорила целая гора объедков, мисочек, плошечек и пустых бутылок, вперемешку с какими — то бумажками, лежащих там же на столе. Он лишь окинул попаданца каким — то лениво — оценивающим взглядом и что — то спросил у коротышки. Тот ответил. Капитан вновь что — то спросил, коротышка снова ответил, а затем начал что — то рассказывать. Капитан внимательно слушал своего собеседника, не забывая, впрочем, наслаждаться яствами, расставленными на столе. Периодически он задавал некоторые, судя по всему, уточняющие

вопросы. А затем, когда, коротышка закончил свой рассказ, некоторое время задумчиво смотрел на Тиму, после чего что — то коротко приказал и махнул рукой. Коротышка коротко поклонился, но заметив, что попаданец и не думает повторять за ним — ткнул того под ребра и Тима, решив не накалять обстановку, тоже поклонился капитану. Хотя, если честно, все дело было в довольно увесистом ударе, который и заставил попаданца согнуться. А остальное он уже сам додумал, чтобы стыдно не было. Впрочем, капитану, судя по всему, было до лампочки, он даже не обратил внимания на пантомиму, разыгравшуюся между ними, слившись в экстазе с горлышком бутылки с чем — то алкогольным.

Выведя попаданца наружу, коротышка придержал его, а затем что — то зычно крикнул. Да так, что у Тимы аж уши заложило. После чего лысый потащил ничего не понимающего попаданца вниз по лесенке, что вела от кормовой надстройки. Как только они спустились, к ним тут же подбежал какой — то мужичок с лицом запойного алкаша и, конечно — же, с бородой. Вообще, как Тима заметил, тут все, кроме капитана носили бороды. У кого — то они было погуще, у кого — то пожиже, но растительность на лицах имелась у всех.

Лысый приказным тоном что — то втолковывал мужичку, периодически показывая то на попаданца, то на палубу. Мужичок кивал, но ничего не спрашивал. В конце концов, когда они закончили свой разговор, коротышка подошел вплотную к попаданцу и посмотрел тому в глаза. И начал медленно говорить, однако, видя что Тима не понимает, перешел на жесты.

— Лон, — проговорил он, указывая на себя, затем перевел свой палец на попаданца и вопросительно посмотрел на него.

— Тима, — не стал скрывать своего имени попаданец, сразу догадавшись чего от него хотят.

Коротышка утвердительно кивнул, а затем продолжил:

— Ти — ма, — указал он на попаданца, — незнакомое слово, — он показал пальцами жест, означающий «идти», — Отог, — он указал на мужичка и Тима понял, что это его имя, — незнакомое слово, незнакомое слово, незнакомое слово. — Все эти слова сопровождалось жестами, правда, значение далеко не всех из них дошло до него. Но, в итоге, попаданец понял чего от него хотят — идти за мужичком, делать что он говорит, не буянить, а иначе будет ему, в смысле — Тиме, карачун, — уж очень выразительно Лон провел себе пальцем по шее.

Ну что же? Подобный расклад, как нельзя лучше, устраивал Тиму. Видимо, у пиратов были кадровые проблемы, вот они и решили их восполнить за счет попавшегося им в руки пацана. А выглядел Тима в этом теле и правда лет на четырнадцать — пятнадцать. Лишь бы особо не били и не издевались, да кормили нормально, а там можно и поработать. Кем — кем, но лодырем Тима никогда не был. А выполнять, пусть и тяжелую, работу всяко — лучше, чем сидеть в клетке на эдаком солнцепеке.

— Я понял, — медленно кивнул он, все так же смотревшему ему прямо в глаза Лону, который явно ждал ответа. Тот тоже кивнул и достав свой кинжал перерезал веревки на руках попаданца и хлопнув того по плечу, удалился куда — то по своим делам, оставив Тиму один на один с Отогом.

А тот оказался крайне неразговорчивым малым. Он жестом приказал попаданцу идти за ним. Тима, естественно, подчинился и проследовал за мужичком. Впрочем, далеко идти им не пришлось и вскоре Отог вручил Тиме деревянное ведро, в котором тот узнал то самое, при помощи которого его сегодня привели в чувство. В довесок к ведру попаданец получил длинную веревку и какую — то ветошь. Выдав все это Отог выжидательно посмотрел на

Тиму.

— Я не понимаю, — решил прояснить ситуацию попаданец. Его опекун молча поднял очи горе, вырвал у Тимы из рук, только что выданные вещи, привязал длинную веревку к той, что служила ручкой для ведра и зашвырнул все это дело за борт и почти сразу начал поднимать обратно. Затем вылил морскую воду прямо на палубу себе под ноги, взял в руки ветошь, сел на колени и начал усиленно тереть доски, а затем, снизу — вверх, вопросительно посмотрел на попаданца.

— Я понял, — медленно кивнул Тима.

Отог так же, не произнеся ни единого слова, поднялся на ноги и всучил попаданцу ветошь, после чего указал на разлитую по палубе воду. Тима не стал пререкаться и опустившись на колени начал тереть палубу. И, надо сказать, занятие это было не из легких. И не потому, что сама работа была слишком сложной или тяжелой, нет, все дело было в том, в каких условиях ее приходилось делать. Причем, жара была не самой страшной из проблем. С ней, хотя бы, можно было бороться. Тима практически сразу избавился от одежды, прикрывавшей верхнюю половину его тела. Тут так многие ходили, поэтому никаких вопросов это не вызвало ни у его надзирателя Отога, с видом снулой рыбы сидящего неподалеку на канатной бухте и внимательно за ним наблюдающего, ни у Лона, периодически навещающегося посмотреть как идут дела у попаданца. Нет, все дело было в том, что единожды показав что и как надо делать, этот одноголовый плюгавый цербер больше не опускался до пояснений. Как только Отогу казалось, что Тима замешкался или сделал что — то не так, то тут же по спине попаданца прилетал удар линем. Не сильный, но очень чувствительный. Первый раз это случилось когда вернулся Гадаар с докладом. Ничего интересного он не нашел, поэтому Тима задумался, было, что духу — рабу еще поручить, и тут же ощутил сильную боль в спине. Было похоже на то, будто кто — то на секунду приложил к ней раскаленную головню. Попаданец подпрыгнул он боли и неожиданности и, казалось, даже взвизгнул. Послышался дружный смех и Тима огляделся. Так и есть — все, кто в данный момент находился на палубе смеялись над ним, все, кроме Отога, все так же сидящего на бухте каната и держащего в руках длинную веревку. Он, не произнеся ни слова, указал на палубу и попаданец все понял правильно, вернувшись к своей работе.

Так и прошел его первый день на пиратском судне. Он только тем и занимался, что, практически без отдыха, тер палубу, периодически взбадриваемый Отогом. Лишь пару раз за день ему удалось перевести дух и не получить удар линем. Да и то, потому, что ему нужно было справить нужду.

Увидев первый раз корабельный туалет, он же — галюн, Тима выпал в осадок. Тот представлял собой дощечку с тремя отверстиями, закрепленную над левым бортом в носовой части корабля. Подразумевалось, что матросы будут сидеть на этих отверстиях, гадить за борт и, ради подстраховки, держаться за специально закрепленную веревку. И все это в любую погоду и на виду у других членов экипажа. Жуть. Тима так и не смог пересилить себя и сходить по — большому, ведь Отог совершенно не собирался оставлять его одного, лишь справив малую нужду. За что и получил от плюгавого цербера, тот явно считал, что это можно было бы сделать и прямо за борт, а не тащиться специально в галюн.

Естественно, никакого обеда попаданцу не полагалось, зато ужин, пусть и скромный, все же выдали. Тима настолько вымотался за день, что проглотил галету и кусок солонины, даже не заметив ни ужасного вкуса первой, ни жесткости второй. Сейчас, по прошествии плотного трудового дня, он сильно сомневался в том, что сидеть в клетке было бы хуже, чем

вот так вот вкалывать. Однако, выбор был сделан и отступить было некуда.

Ночевать Тима отправился обратно в свою клетку. Видимо, по меркам хозяев корабля, устроенной трудотерапии было еще недостаточно для формирования у попаданца чувства лояльности к своим пленителям. Но Тиме было все равно где бросить свои кости. Он настолько умотался за день, что готов был спать где угодно. Поэтому, едва оказавшись внутри, попаданец сразу завалился на пол и уснул беспробудным сном.

Следующий день мало чем отличался от предыдущего. Все та же тяжелая, утомительная до безумия работа, все те же короткие перерывы для оправления нужды, все те же линьки при нерасторопности, все тот же скудный ужин и клетка. И другой день был точно таким же и тот, что шел за ним и еще один. Все это превратилось в бесконечно долгую, невероятно изматывающую, отупляющую рутину. Однажды Тима даже словил себя на мысли что не думает и ничего не хочет, кроме того, чтобы завалиться спать. Весь его мир, все его желания сузились до небольшой клетушки на палубе корабля. Клетушки, где он мог, наконец, отдохнуть.

Единственное разнообразие в его угольно — черные будни вносила перемена фронта работ, но это случалось не часто, в основном, он все же драил палубу. Сам или в компании других матросов — разницы никакой не было, все равно он урабатывался до состояния полного нестояния.

В какой — то момент Тима совершенно сбился со счета сколько дней он находится в плену. Судя по внешним изменениям, что с ним произошли — немало. Тело Гадаара, и ранее бывшее достаточно худым, сейчас превратилось в нечто, напоминающее узника фашистских концлагерей. Ребра так и выпирали, на них, при желании, можно было сыграть как на виброфоне. Тело стало жилистым, очень выносливым и загорелым до черноты. Именно так. От негра Тиму, сейчас, отличали только черты лица, они у Гадаара были более тонкими, с неким восточным налетом, если так можно выразиться.

Так и проходили будни попаданца, и проходили бы и дальше, если бы в один прекрасный, ну или не очень, день, капитан не напился. Нет, справедливости ради, насколько мог судить Тима, тот не был пьяницей. Хотя, периодически и любил залить за воротник. Но тут это было нормальным явлением. Многие напивались в свободное время. Как ни крути — единственное действительно доступное развлечение. Даже попаданцу однажды перепало от добросердечного Лона немного, ужасного на вкус, вина.

Неладное Тима почувствовал, когда капитан спустился на палубу и направился в его сторону. А то, что он движется именно к попаданцу, тот видел четко. Это было странно — никогда ранее подобного не случалось. После той, первой встречи, капитан, казалось, забыл о том, что у него на корабле на одного раба — юнгу стало больше и судьбой того особо не интересовался. Ан — нет. Вот он идет, голубчик.

Но долго отвлекаться Тиме, как и раньше, не дал Отог, мигом вернувший попаданцу рабочее рвение при помощи линя. Пришлось подчиниться. Тима был тут давно и понимал, что его еще жалеют. Однажды, какого — то матроса словили, как понял попаданец, на воровстве. Его тогда отходили настоящей плетью. С узелками на конце каждого из хвостов. Причем, не забыв перед началом экзекуции хорошенько так смочить ее морской водой. Вот это была знатная, настоящая, порка. С кусками мяса, брызгами крови, ошметками кожи. Матрос, впрочем, остался жив, хоть до сих пор и не мог выполнять свои обязанности. Так что удар линьком — мелочь, по сравнению с тем, что на самом деле могут с ним сделать господа мореходы.

Тем временем капитан подошел вплотную к попаданцу, постоял, посмотрел, после чего — то коротко сказал Отогу, видимо приказал свалить и Тима, краем глаза видел как тот подчинился. Капитан же, не дожидаясь ухода этого плюгавого цербера, подошел вплотную к Тиме и схватил того за задницу. Попаданец вскочил на ноги и развернулся лицом к капитану. Послышался дружный смех. Тима быстро огляделся и увидел, что весь экипаж был здесь, на верхней палубе и с интересом наблюдал за представлением.

Один из матросов что — то выкрикнул и вновь по палубе прокатился хохот. Улыбнулся и капитан, но как — то уж слишком слащаво. Тима, с все нарастающим ужасом взгляделся в мутные от алкоголя глаза капитана, но увидел там лишь похоть. И все понял.

— Нет, — замотал он головой, в некотором, даже, отчаянии, — не надо. Я же выполнял все, что вы скажите.

Но капитану, очевидно, надоело ждать и он что — то выкрикнул. К Тиме подбежали два матроса и схватили его, а третий, ударил попаданцу по ногам и тот свалился на колени. Теперь двое держали его, не давая вырваться а третий начал стягивать с попаданца штаны. Взгляд Тимы в ужасе метался по лицам обступивших его матросов, но все лишь смеялись над ним и выкрикивали, судя по всему, какие — то скабрзности. Лишь один стоял и смотрел на все с явным осуждением. Лысый коротышка Лон. Он было обратился к капитану, однако тот ответил, если судить по вмиг закаменевшему лицу коротышки, что — то совсем жесткое. Тот осуждающе покачал головой и ушел куда — то за спины возбужденной матросни, видимо решив избавить себя от предстоящего зрелища.

Тем временем с Тимы уже полностью стянули штаны и сейчас он, стоя на коленях, сверкал своей голой задницей. Количество выкриков явно увеличилось. Он всматривался в окружающие лица, ища еще чьей — нибудь поддержки, но по прежнему видел лишь похоть, гнилую радость и нездоровое веселье. И тут, внутри попаданца начала нарастать чернейшая злость на всех этих похотливых уродов, что незнамо сколько пользовались им как рабом, а впоследствии решили еще и трахнуть на потеху толпе. А ведь он действительно хотел стать им полезным, добросовестной работой заслужить их уважение. Что ж, в будущем, если оно конечно у него будет, он подобной ошибки не совершит.

Злость превратилась в ярость, а та все разгоралась и разгоралась в нем, с каждым выкриком матросни, с каждой скабрзной шуткой, но своего апогея она достигла, когда капитан, сняв свои портки, двумя руками крепко ухватился за Тимин зад и начал подтягивать его к себе.

Последнее что запомнил Тима, прежде чем потерял сознание — сильнейший взрыв, что напрочь разметал всех, кто стоял неподалеку. А потом пришла темнота.

Из темноты забвения Тима выплывал медленно, подспудно ожидая, что сейчас вновь придет Отог и погонит на новые каторжные работы. Но тот не приходил. Да и вообще — в этот все было как — то по другому, не так, как раньше. Не было слышно ни скрипа такелажа, ни перебранок матросов, ни зычных выкриков Лона. Последняя мысль потянула за собой другие. Тима вспомнил лысого коротышку, что единственный пожалел его, вспомнил как остальная команда стояла и смотрела на то, что с ним хотел сделать капитан. Вспомнил что именно тот хотел сделать и его потные руки на своей заднице и возбужденное дыхание. И резко открыл глаза.

Картина, представшая его взору поражала и ужасала одновременно. Вся верхняя палуба была залита кровью и завалена деревянными обломками и фрагментами человеческих тел. Тиму замутило. И он, впервые за долгое время, порадовался, что его плохо кормили.

— Гадаар! — закричал попаданец, стараясь не смотреть на кусок чьей — то руки, лежащий прямо у него под ногами.

— Да, хозяин? — безэмоциональным, как и всегда, голосом отозвался его дух — раб, проявляясь.

— Что за херня тут произошла?! — испытания последних недель, попытка изнасилования и эта жутка бойня, которую он устроил, давали о себе знать и Тима сейчас был на грани истерики.

— Не знаю, — пожал молодой шаман плечами, внимательно, но, казалось, без интереса, рассматривая ошметки тел, разбросанные по палубе, — раньше подобное случалось?

Тима некоторое время молчал, пытаясь не сорваться в истерику, мысленно уговаривая себя, что от этого не будет абсолютно никакой пользы и что эти уроды заслужили свою судьбу. Не только потому, что хотел изнасиловать его, нет, но и потому, что не — уроды не похищают людей, не держат их в клетках и не заставляют трудиться как не в себя, кормя всего раз в день.

— Да, — уже чуть более спокойным голосом, наконец ответил попаданец, — помнишь я тебе как — то морду набил? Вот тогда то же самое было — деревья вокруг в щепки, камень, что рядом был, — в щебень.

— И при всем при этом ты испытывал сильные эмоции? Злость? Ярость?

— Да.

— Все понятно. Мой наставник называл это «выброс». Очень опасное явление. Именно поэтому в нашей общине тех, кому суждено было стать шаманами, забирали у матерей и передавали на воспитание наставникам. Шаман всегда должен контролировать свой разум и свои чувства. Ведь разум шамана и его чувства — это самое ценное, что у него есть. Чувства помогают нам накапливать силу для работы с миром духов, разум позволяет ею управлять. Чем сильнее чувства у человека — тем живее он, тем сильнее привязан к миру реальному, тем больше силы он получает и тем крепче должен быть контроль разума. Ярость же, являясь одним из сильнейших чувств, обладает способностью гасить разум. Что делает ее очень опасной для любого, кто работает с силой.

— Ты мне раньше этого не рассказывал, — задумчиво проговорил уже почти полностью успокоившийся попаданец.

— Ты не спрашивал, — вновь пожал плечами Гадаар.

— Ну допустим. А что будет, если шаман перестанет испытывать эмоции или будет испытывать их мало?

— Если перестанет, то умрет как шаман, лишится, возможности управлять духами. Если же будет испытывать мало — будет иметь меньше силы.

— То есть, мне, чтобы иметь много силы, нужно как можно чаще испытывать сильные эмоции?

— И да и нет. Сильные эмоции хороши лишь тогда, когда тебе нужно много силы и ты ее постоянно тратишь. Если же ты не будешь проводить сложные ритуалы, то и проблем у тебя быть не должно.

— Хорошо, со злостью и яростью все вроде бы понятно, а что насчет остальных сильных эмоций?

— Любые эмоции, что затмевают разум небезопасны. Следует их либо избегать, либо учиться самоконтролю. Но, настоящий шаман итак должен постоянно себя контролировать. — И, хотя голос Гадаара был бесстрастным, но Тима все же уловил в нем некую издевку.

— Зубоскалишь, да? — ничуть не обидевшись на эту незаметную подначку, поинтересовался попаданец. Все же молодой шаман дал ему жирный такой намек что делать дальше и как вести себя со своим даром. — Ну зубоскаль, все равно укусить ты меня пока не сможешь. И, надеюсь, никогда не сможешь. Иди, лучше, проверь не осталось ли кого живого на корабле. А я пока тут пададь приберу. Он сделал, было, шаг, намереваясь поднять чью — то руку, и только сейчас до Тимы дошло, что он так и стоит со спущенными до колен штанами.

Не став их обратно натягивать он попытался достать свой серп, который так ни разу и не решился вынуть за время своего рабочего рабства. Однако тот, видимо, сместился. И, чтобы рукоять вышла за пределы бедра, Тиме пришлось изогнуться очень странным и крайне неприличным образом. Кто бы сомневался, что именно в таком положении его и застанет Гадаар.

— Хозяин, — обратился он к попаданцу, выныривая прямо из палубы, чем очень сильно того напугал, — на этой лодке из живых остался только тот лысый коротышка. Помнишь? Но он ранен и без сознания, так что угрозы не представляет.

Тима видел по глазам своего духа — раба, что тому очень смешно, но решил сделать вид, что не замечает этого, поэтому подчеркнуто нейтральным тоном спросил:

— Что — то еще?

— Да, хозяин. Я нашел мою... — Он запнулся на миг, но затем поправился, — твою котомку.

— Вот даже как... И где она?

— Недалеко от того лысого коротышки. Показать?

— Чуть позже, — ответил Тима, наконец ухватив рукоять серпа и достав его из своего тела. Прodelав эту манипуляцию, попаданец тут же, под ехидным взглядом Гадаара, натянул штаны и начал осмотр артефакта. Тот выглядел как новенький. И не скажешь, что столько времени проторчал у него в бедре. Недолго думая Тима заткнул его за пояс, даже не обратив внимания на то, что серп вошел ему глубоко в брюхо.

— Веди, — коротко приказал он.

— Куда именно, — уточнил дух.

— Ну, для начала, давай навестим Лона. Это тот лысый коротышка, — пояснил он

Гадаару.

— Слушаюсь, — коротко кивнул дух — раб и направился к ближайшим сходням в трюм. Его хозяин пошел сразу за ним, старательно переступая через то, что осталось от верхней палубы корабля и его команды.

В трюм попаданца раньше не пускали, поэтому он был тут впервые. Что можно было сказать об этом помещении? Длинное, шириной в корабль, очень вонючее и темное. Заставленное какими — то бочками, бочонками и ящиками, увешанное гамаками, в которых, судя по всему, спала вся команда, кроме капитана. Часть гамаков была оборвана, часть полочек обломилась. В общем — тут тоже был разгром, пусть и не такой сильный, как наверху.

Лона они нашли в соседнем помещении, сейчас почти пустовавшем. Лысый коротышка, судя по всему, во время выброса споткнулся и неудачно упал, ударившись головой о край какого — то ящика, вследствие чего и потерял сознание.

— И что мне с тобой прикажешь делать? — задумчиво проговорил попаданец, рассматривая большую лужу крови, натекающую из — под головы местного боцмана.

Тиме очень хотелось выбросить Лона за борт, но он этого не сделал. Просто не смог. Коротышка хоть и был пиратом, но ничего плохого попаданцу не сделал. Наоборот — пытался, в меру своих сил, защитить от капитанского произвола. И Тима был бы последней мразью в своих же глазах, если бы так поступил с Лоном. А значит — нужно было помочь.

Попаданец не имел медицинского образования, но уроки первой помощи помнил неплохо. Как ни крути, но если ты увлекаешься походами, то это один из важнейших навыков, которыми ты должен овладеть.

Первым делом следовало перетащить боцмана в более удобное и светлое место, дабы посмотреть насколько серьезна травма и нет ли других. В идеале, подошла бы верхняя палуба, но Тима, сильно сомневался, что дотащит Лона дотуда. Тот, несмотря даже на свой рост, отнюдь не выглядел пушилкой, а попаданец, сидя на столь жесткой диете, вряд — ли стал сильнее.

Тима угадал. Боцман действительно оказался дико тяжелым и нести его на руках не было никакой возможности. Поэтому, пришлось тащить волоком. Попаданец схватил его под мышки, поднатужился и аккуратно, стараясь не запачкаться о все еще сочащуюся из головы Лона кровь, потащил того к подъему на верхнюю палубу. Путь, хоть и был очень коротким, но дался попаданцу очень нелегко. Он даже пару раз останавливался, дабы перевести дух.

Наконец, дотащив свою ношу и, насколько мог, аккуратно уложив так, чтобы на него падал солнечный свет, Тима позвал:

— Гадаар.

— Да, хозяин? — тут же материализовался его дух — раб.

— Прошвырнись по кораблю, поищи что — нибудь антисептическое.

— Что поискать? — не понял дух.

— Ну обеззараживающее. Выпивку там, уксус или что у вас тут, в вашем средневековье есть? Справишься?

— Нет, — отрицательно покачал тот головой.

— В смысле? — даже немного опешил попаданец — столь неожиданным был ответ Гадаара.

— В таком состоянии я не различаю запахов, — пояснил тот, — и не смогу найти

нужное тебе.

— Понятно, — протянул Тима, — хорошо, тогда поищи какие —нибудь швейные принадлежности. Иголку там, нить. Иголку, конечно, лучше бы изогнутую, но подойдет, в принципе, любая. Надеюсь с этим у тебя проблем не будет?

— Не будет. Если где — то здесь есть игла и нить, то я их обязательно найду.

— Вот и хорошо. Действуй. — Коротко приказал попаданец и дух, кивнув, исчез.

Тима тоже не стал засиживаться на одном месте, а отправился шерстить бочки, стоящие неподалеку. В большинстве из них оказалась пресная вода. А вот в двух крайних он и нашел искомое — уксус. Его запах он не мог спутать ни с чем, но все же решил проверить, для чего аккуратно опустил палец в ту бочку, что была на половину опорожнена. Попробовал. И правда — уксус. Мерзкий, вонючий, но уксус.

Бочки были закреплены, поэтому о том, чтобы тащить их поближе к пострадавшему боцману даже речи не шло. Да и глупо это было, если здраво рассудить. Поэтому, у попаданца ушло еще некоторое время на то, чтобы найти подходящую для переноски тару. Ею оказалось деревянное ведерко, точно такое же, как и то, с которым он почти сроднился за бесконечные дни скобления палубы.

Вернувшись к все так же валяющемуся в беспомощности Лону, Тима приступил к первоначальному осмотру пострадавшего. Других ран, кроме тех, что были на голове он не нашел. Поэтому, решил для начала отмыть от крови лысую башку коротышки. Наличие лысины, кстати, сделало этот процесс намного проще и удобнее. Обмывал уксусом, так как решил, что на корабле, что лишился всего своего такелажа и, скорее всего, потерявшего управление, пресную воду стоит приберечь для другого. Да и сомневался он, если честно, в стерильности местной воды — уж очень вонючей она была на вкус.

Закончив с обтиранием, попаданец еще раз осмотрел рану. Все оказалось не так страшно, как могло бы. Всего лишь рассечение. Примерно такое же, какое было у него самого. А значит — больших проблем ожидать не приходится.

— Гадаар, — вновь позвал Тима.

— Да, хозяин, — мигом отозвался тот.

— Ну, как твои успехи, нашел что я приказывал?

— Да. Иди за мной, я покажу, — и он, пройдя прямо сквозь доски палубы, исчез наверху.

Тима, еще раз окинул взглядом лежащего на полу Лона и только тут обратил внимание на вещь, о которой знал, но совершенно забыл — на поясе у боцмана висели ножны с кинжалом.

— Это мы, пожалуй, у тебя изыдем, — сказал попаданец, отстегивая их, — так сказать — во избежание. — После чего поднялся наверх, на палубу.

На второй взгляд все было не менее ужасающе, чем на первый. И тот факт, что он некоторое время провел в трюме, лишь усиливал эффект. Тиму вновь скрутил рвотный, но желудок так и оставался пустым, поэтому обошлось.

— Жуть какая, — пробормотал попаданец, стараясь не смотреть на ошметки тел. — Эй, Гадаар, ты где?

— Я здесь, — отозвался дух — раб, — следуй за мной.

Тима обернулся и увидел, что дух молодого шамана скользит в направлении капитанской каюты. Точнее того места, где та когда — то была. Попаданец направился следом, стараясь ступать так, чтобы не вляпаться в кровь или не задеть кусок мяса, некогда

бывший чьей — нибудь частью тела.

— Вон, — Гадаар показывал на совсем мелкую деревянную шкатулку, что лежала на боку, рядом с нагромождением досок, некогда бывшим капитанской каютой.

— Ты смотри как удачно, — хмыкнул попаданец, — и что, там то что я думаю?

— Да, — утвердительно кивнул дух — раб, — там иглы и нить.

— Ну — ну и узнал ты это потому, что заглянул туда?

— Да, — коротко ответил тот.

— Понятно, — задумчиво протянул попаданец, делая себе зарубку в памяти о том, что Гадаар прекрасно видит в темноте. — Благодарю. Можешь отправляться в кинжал.

Не прощаясь дух растворился в воздухе, а Тима подошел поближе и поднял шкатулку. Та была безыскусной до невозможности, по сути — просто маленький ящичек. Открыв шкатулку и осмотрев ее содержимое, попаданец досадливо вздохнул.

— Нет, ну а что? — задал Тима вопрос в пустоту. — Глупо было рассчитывать, что тут найдутся металлические иглы. — И его расстройство было легко понять — в шкатулке лежали четыре крупных, что называется «цыганских», костяных иглы и небольшой моток льняной нити. Все иглы, естественно, были прямыми и согнуть их не было никакой возможности.

— Ладно, будем выкручиваться, — сам себя подбодрил попаданец, — удачи тебе, Лон.

Тима не был врачом, а человека зашивал вообще в первый раз. Так что лечение далось нелегко им обоим. Благо, коротышка валялся без сознания и не мог прочувствовать всю ту гамму ощущений, что дарили ему неумелые действия попаданца. Однако, пусть и со скрипом, но в конце концов, тот все же справился и на лысине Лона появилось новое украшение — кривоватый, но, в целом, добротный, шов.

Тима утер пот со лба и позволил себе отдохнуть некоторое время, любясь проделанной работой. Впрочем, отдых не затянулся, ведь его ждала еще целая куча работы.

Той еще проблемой оказалось уложить Лона в один из гамаков, предназначенных для членов команды корабля — слишком уж утомился Тима, да и существование впроголодь давало о себе знать. Поэтому, уместив увечного боцмана в одном из гамаков, попаданец сам назначил себе обеденный перекур. Курить было нечего, да и не любил он этого дела, поэтому пришлось ограничиться лишь набиванием желудка.

Проинспектировав оставшиеся бочки, Тима пришел к неутешительным выводам — из еды у него только сухари, солонина и немного алкоголя. Впрочем, а чего он ожидал от корабельных запасов этих австралопитеков? Тут еще даже до понятия камбуза не доросли. С другой стороны — даже такие запасы лучше, чем их отсутствие, а нищим, как и везде, выбирать не приходится. Поэтому, недолго думая, попаданец тут же, прямо на бочках и устроил себе пир. Солонина была мерзкой на вкус, жутко соленой, застревала в зубах, а сухари дубовыми, но как же ему хорошо сейчас было. Если чему попаданчество и научило Тиму, так это возможности радоваться простейшим вещам. Есть что поесть, есть где прилечь? Значит, все не так уж и плохо на сегодняшний день.

Из нирваны попаданца вырвала какая — то липкая мерзкая капля, упавшая ему на лоб. Он провел ладонью по лбу, смахивая ее, а потом попытался рассмотреть что же это такое. Но, из — за сумрака, казалось, навеки поселившегося в трюме, сделать это было крайне проблематично. Тима пошел к выходу на палубу, мимоходом убедившись, что Лон так и не пришел в сознание.

Мерзкая гадость, упавшая ему на голову, оказалась кровью. Об этом свидетельствовала

ярко — алая полоса на той руке, которой он вытирал лоб и специфический запах, исходящий от нее. И это было очень плохо. Если кровь успеет пропитать весь корабль, то Тиме придется очень и очень туго. Тухлая кровь — это болезни и невыносимый смрад. А значит — ему вновь придется поработать уборщиком.

Следующие несколько часов попаданец только тем и занимался, что разбирал завалы и драил палубу. С телами он особо не церемонился, просто — напроосто вышвыривая то, что от них осталось за борт. С завалами было сложнее. По хорошему — их бы тоже стоило разобрать полностью, но с той дичайшей мешаниной досок, ткани и веревок, что сейчас представляла собой палуба, ему одному явно не справиться. Единственное что он сделал — проторил небольшую дорожку, среди хлама к тому месту, где когда — то был штурвал. Естественно, того на месте не оказалось. Худшие подозрения Тимы оправдались — он оказался, практически, один на неуправляемом, впавшем в дрейф судне посреди чужого, неизведанного моря. Что ни говори — замечательный конец его попаданческой карьеры. С другой стороны, если верить Гадаару, то он уже умирал однажды. А следовательно — он человек опытный и бояться ему не с руки. Авось и в этот раз какой —нибудь тумба — юмба призовет его дух и даст еще один шанс. Так что, как ни крути, но впадать в депрессию было рано, хотя и хотелось. Вот, когда они с Лоном подьедят все запасы пищи и выпьют всю воду, вот тогда можно будет и паниковать.

Вспомнив об ушибленном боцмане, Тима в очередной раз к тому наведалься, но тот все так же, не шевелясь, лежал в гамаке.

— А не окочурился ли ты случаем, братик? — задумчиво проговорил попаданец, наклоняясь к груди пострадавшего, дабы проверить бьется ли сердце коротышки. В этот момент все и случилось — Лон, внезапно открывший глаза и увидевший склонившегося над ним попаданца, заорал что — то нечленораздельное и, схватив того за шею, с силой сжал пальцы, пытаясь задушить. Внезапность нападения и недюжинная сила покаленного боцмана стали для Тимы настоящей неожиданностью. Именно из — за этого он и потерял несколько мгновений, за которые мог попытаться успокоить буяна. Теперь же, когда в его шею вцепились мертвой хваткой, а воздуха катастрофически не хватало, попаданец мог лишь сипеть и брыкаться. Помогало это слабо, поэтому, уже на остатках сознания, Тима выхватил свой серп и без замаха вогнал его Лону куда — то в область печени.

Стальные тиски мгновенно ослабли и попаданец, освободившись от захвата, упал на колени, пытаясь отдышаться.

— Сука неблагодарная, — с трудом просипел он, — сколько я на тебя сил потратил, уroda. Таскал, лечил, мыл. Скотина. Ну да ладно, будет мне урок на будущее. — При этих словах он закашлялся.

— Лон! — заорал он, более — менее придя в себя и отдышавшись, — а ну — ка покажись, тварь неблагодарная.

Перед ним материализовался дух боцмана. Он глупо хлопал глазами, осматриваясь, явно ничего не понимая. А затем его взгляд упал на его собственный труп.

— Это как же так то? — тихим, дрожащим голосом, проговорил он. — Это что я?

— Ты, ты, — утвердительно кивнул попаданец, — вот что бывает с неблагодарными тварями, которые нападают на тех, кто их спас.

— Спас? — недоуменно переспросил бывший боцман. — От чего?

— От нелепой смерти. Я, между прочим, на тебя целую кучу сил потратил, пока тащил, обмывал и зашивал твою тупую башку. А чем ты мне отплатил?

— Я? — задал самый, наверное, гениальный и уместный вопрос из всех, Лон. — Постой, ты что по — нашему наострился разговаривать? Как так?

— Не наострился. Наоборот — это ты теперь разговариваешь по — моему. Ладно, — Тима внезапно успокоился, — вижу, что ты ничего не понимаешь, поэтому рассказываю один раз и по существу. Твой нестандартный дружок — капитан попытался меня трахнуть. В итоге — вся верхняя палуба в труху, твои коллеги тоже. Ты, будучи человеком порядочным, свалил, не решившись смотреть на эдакое безобразие. Однако, тут, в трюме, обо что — то споткнулся и стукнулся своей бестолковкой, вследствие чего потерял сознание и приобрел дополнительное вентиляционное отверстие в башке. К счастью для тебя — не сквозное. Я, по доброте душевной и потому, что ты единственный, кто не хотел засунуть мне кое — что кое — куда, тебя пожалел — обмыл и зашил твою рану. и это, можешь мне поверить, было ой как не просто. После чего уложил тебя отдохнуть, а ты напал на меня и чуть не убил. Но убил я, только уже тебя, так как других вариантов не видел. И теперь ты мой дух — раб. Ферштейн?

— Так что я мертв? — судя по всему, до боцмана начало доходить.

— В самую точку, Эйнштейн, — подтвердил Тима, — причем — исключительно по своей глупости.

— И что мне теперь делать? — упавшим голосом поинтересовался новый дух — раб.

— А мне откуда знать? — удивился попаданец. — Это ты мне расскажи что ты умеешь и чем можешь быть полезен. А иначе — я тебя просто развею и все, дабы ты не засорял мой артефакт. — Тут он бессовестно врал, так как совершенно не представлял себе как выгнать духа — раба из серпа и что с ним при этом случится, однако лысому коротышке об этом знать было не обязательно. — Только не сейчас рассказывай, посиди в серпе, подумай. А я пока отдохну и наберусь сил — уж очень длинным выдался этот день.

Ночевка в гамаке, пусть и пропахшем чужим потом, в выгодную сторону отличалась от одной на полу клетки, поэтому, проснувшись, Тима чувствовал себя просто великолепно. Настроение ему не испортили ни завтрак, ни хмурые тучи, своими огромными темно — серыми телами закрывшие горизонт.

Попаданец постоял некоторое время на разгромленной палубе, с наслаждением вдыхая морской воздух. Тот пах свежестью и... морем. И это, пожалуй, было любимейшим сочетанием запахов для Тимы. К сожалению, в той, прежней жизни, ему очень редко приходилось его обонять, так как жил он в местности, откуда море ушло миллионы лет назад. Впрочем, справедливости ради, подобная смесь ароматов была редкостью и для прибрежных областей, ведь так как для ее образования было мало наличия самого моря. Нет, тут нужны были еще хорошее, не загрязненное цивилизацией место, отсутствие посторонних запахов и недавно прошедший дождик. Или наступающая гроза...

— Твою мать, — тоскливо протянул попаданец, едва до его разума дошло то, о чем природа буквально вопила уже который час. — Лон! — заорал он, заметавшись по палубе, не зная за что хвататься, что срочно нести в трюм, а что бросить как есть.

— Я тут, — коротко ответил проявившийся перед ним лысый коротышка. — Чего тебе надо? — Спросил он голосом, в котором почтения было ни на йоту. Видимо, за ночь, проведенную в серпе он подуспокоился и вернул уверенность в себе.

— Быстро расскажи мне что вы обычно делаете во время шторма.

— Да по — разному, — пожал он плечами, — все зависит от того насколько сильный шторм и где мы находимся. Бывает что ставим штормовой парус, бывает убираем вообще все и ложимся в дрейф.

— Как думаешь, насколько все плохо? — Спросил Тима, указывая на горизонт.

— У — у—у, — удрученно протянул бывший боцман, — у тебя большие проблемы, мой юный друг.

— Насколько большие? — уточнил попаданец.

— Смертельные, — заявила лысая сволочь и разразилась дребезжащим смехом.

У Тимы в глазах резко потемнело от накатившей на него ярости, но он невероятным усилием воли сдержался. Что — что, но разносить палубу еще раз и терять сознание после этого, сейчас было крайне несвоевременно. Однако зарвавшегося коротышку стоило осадить.

— Вот значит как? — прошипел попаданец и, внезапно выхватив свой артефакт, подскочил к все еще смеющемуся Лону и изо — всех сил зарядил рукоятью серпа тому в лоб. Эффект превзошел все ожидания. Причем, как духа — раба, так и самого экзекутора. Бывшего боцмана отбросило далеко назад, а сам он завизжал от невыносимой боли, пронзившей все его потустороннее естество.

— Иди сюда, — грозным голосом приказал Тима, когда Лон перестал визжать. Тот нехотя, с явной опаской, подошел ближе. — А теперь слушай меня внимательно, — тихим, вкрадчивым голосом начал говорить попаданец, — ты и твои дружки меня выкрали, держали как собаку в клетке, морили голодом, не давали пить и нормально справиться нужду, в то время как я на вас батрачил. Вы мне задолжали. Причем, сильно. К счастью для них и несчастью для тебя — все твои дружки ушли за грань, поэтому их долг на тебе. Я тебя уже один раз пожалел, оставил жизнь, за это ты чуть не забрал мою. Поэтому, жалеть тебя я

больше не буду. За любое твоё неповиновение, за любую гадость, произнесенную тобой в мою сторону, ты будешь наказан. Ты мой раб и твоя суть полностью в моих руках. Даже моя смерть не освободит тебя от заточения в этом серпе. А вот я это сделать могу. Так что в твоих же интересах, чтобы я пожил подольше и в конце — концов освободил твой дух. Ты меня понял?

— Да, — нехотя ответил коротышка.

— Да, хозяин! — сказал, как припечатал, Тима.

— Да... хозяин, — после некоторой паузы, с трудом повторил бывший боцман.

— Вот и отлично, — наигранно улыбнулся Тима, которому было тошно от своих слов и того, что он делал. Но попаданец прекрасно понимал, что тут нельзя было иначе. Жалость подобные личности, зачастую, принимали за слабость. А ему ни в коем случае нельзя было быть слабым. Особенно с теми, от кого он зависел. — Ты ещё убедишься, что дружить со мной гораздо лучше, чем воевать. Ну так что ты мне можешь посоветовать в данной ситуации?

— Вариант всего один, — уныло проговорил Лон, — спуститься в трюм, заклинить люк и молиться богам, чтобы те тебя уберегли. Ну и, — он окинул взглядом кучи обломков, — стоит забрать с собой все полезное, что ещё осталось тут.

— Я тебя понял. Сколько у меня времени?

— Что — то около полутора часов, — ответил тот, внимательнее всмотревшись в горизонт, — тучи идут очень быстро.

— Тогда показывай где тут у вас инструменты хранятся.

Лон молча двинулся к спуску в трюм, очевидно, не привыкнув ещё к своему не — материальному положению. Проходя мимо своего трупа, так и лежавшего в том самом гамаке, где попаданец его убил, бывший боцман ошутимо вздрогнул и слегка ускорил шаг.

— Вот, — указал он на один из сундуков, находящихся в небольшом помещении в носовой части корабля, — тут все что необходимо, в том числе и клинья.

— Понял, — коротко кивнул попаданец, сам, однако, смотря на небольшой мешочек с лямками, лежащий неподалеку. Очень знакомый, надо сказать, мешочек. Проверить насколько пострадали его запасы, из — за отсутствия нормального освещения в комнатке, было крайне затруднительно, поэтому попаданец просто повесил очень полегчавший рюкзак себе на спину, и вернулся к сундуку, на который указывал дух бывшего боцмана.

— Что мне нужно, кроме клиньев? — поинтересовался он, поднимая крышку. Впрочем, ответ уже не требовался — из ударных инструментов в сундуке находилась только здоровенная киянка. Забрав ее и четыре больших, потемневших от времени, клина, Тима направился обратно к выходу. Времени было в обрез, поэтому стоило поторопиться.

Однако, как он не спешил, но все же нашел возможность порыться в своем рюкзаке. И пришел к выводу, что все не так уж и страшно. Вся еда, включая тот кусок вяленого мяса, что достался ему в наследство от Гадаара, пропала. А вот шаманские принадлежности оказались на месте. Причем, на первый взгляд, вроде бы даже все.

— Я решил приберечь твою сумку, — пожал плечами Лон в ответ на вопросительный взгляд попаданца, — ничего ценного там не было, поэтому капитан отдал ее мне, ведь это именно я тебя захватил. Жрачку я отдал парням, а сумку оставил так. Думал что ты расскажешь что это у тебя там такое.

— Вот оно что, — задумчиво протянул Тима, — вот, значит, кому я обязан тем, что оказался на этой лоханке. Ну спасибо, удружил.

— А что я? — вновь пожал тот плечами. Мы за водой высадились и было нас много. Так что тебя в любом случае захватили бы. А так — ты был моей личной добычей, а следовательно никто, кроме капитана с тобой ничего сделать не мог.

— Вот оно что, — повторил попаданец. — Ладно, позже поговорим. Благо у нас для этого будет куча времени... Я надеюсь, — добавил он еле — слышно.

С палубы Тима забрал лишь пару бухт веревок, когда — то там хранившихся и лучше других перенесших выброс. Хотел, было, еще захватить оставшиеся на корабле паруса, но быстро отказался от этой затеи — уж слишком сильно те были перемешаны с деревянными обломками и остатками такелажа. Так и получилось, что большая часть потенциально полезных обломков так и осталась на палубе.

Перетаскав веревки в трюм, Тима позволил себе немного отдохнуть. Ведь бухты оказались достаточно тяжелыми. Усевшись на один из бочонков, закрепленных тут же, он облокотился спиной на какую — то балку и прикрыл глаза, пытаясь отрешиться от навязчивого страха, что так и терзал его душу.

— Время, — тихо напомнил Лон.

— Да. Ты прав, — сполз с бочки попаданец, не просидев на ней и пяти минут, — пойдем.

Они двинулись к выходу и Тима вновь заметил как вздрогнул бывший боцман, проходя мимо своего трупа. «Вот еще одна проблема. Нужно что — то делать с его телом. И срочно» — подумал попаданец.

— Эм... Лон, — нерешительно, не зная как бы потактичнее выразить свое желание, обратился он к коротышке.

— Да?

— Ты не будешь против, если я... Хотя ладно, — сейчас было явно не время и не место для того, чтобы заботиться о чувствах свежеприобретенного духа — раба. — В общем — я хочу тебя похоронить в море. Сейчас. Надеюсь ты не против. Можешь не смотреть, если тебе неприятно. Я пойму, — короткими, рубленными фразами, объяснил он сложившуюся ситуацию.

— Похоронить меня, — каким — то странным голосом проговорил бывший боцман.

— Да. Похоронить. Скоро буря и меньше всего мне бы хотелось пережить ее в компании с трупом. Уж извини.

Тима, не дожидаясь ответной реакции от Лона, подошел к гамаку, где лежало тело и поднатужившись, поднял его на руки.

— Ну и тяжелый ты, — пропыхтел он, таща тело в направлении подъема. Однако, подняться, держа тот на руках, было нереально, поэтому попаданец сбросил свою ношу, решив немного передохнуть. Взгляд его упал на дух лысого боцмана. Тот смотрел на происходящее с каким — то странным выражением на лице.

— Что, неприятно? — тяжело дыша, поинтересовался Тима. — Понимаю все, но иначе нельзя.

— Да не сказал бы что неприятно, — все с тем же выражением на лице, как — то задумчиво проговорил Лон, — просто странно видеть себя со стороны. Да еще мертвого.

— Ай не парься, — махнул рукой попаданец, — это не ты. Это лишь твоя брэнная оболочка. Настоящий ты — это ты, стоящий передо мною. Именно вот эта... душа, и есть человек. А остальное, — он кивнул на валяющийся у его ног труп, — лишь мясо да кости. Люди, как по мне, — прокряхтел он, поднимая тело боцмана за подмышки, — слишком

сильно к ним привязаны, — Тима начал подниматься по лестнице, — а это глупость и... ух и тяжелый ты, скотина... ограниченность.

— Все, перекур, — заявил попаданец, плюхнувшись рядом с вытащенным на палубу телом боцмана, — хотя нет, — он посмотрел на полностью черный горизонт, — перекур отменяется. Нужно спешить. — С этими словами он подтащил труп к борту и поинтересовался у Лона:

— Сказать ничего не хочешь?

— А? Что? — пришел тот в себя, до этого с безучастным видом наблюдая как попаданец волочит его труп.

— Ну, последнее слово, там. Как у вас вообще с телами после смерти поступают? Молитвы может какие?

— Да, есть молитвы, — кивнул коротышка.

— Прочтешь?

— Да, если ты не против.

— Не против, — пожал плечами попаданец, — только не затягивай. Нам еще люк заклинивать.

Лон только кивнул и забормотал себе что — то под нос. Что именно — Тима не слышал, да и не слушал, если честно. Ему было не интересно. Вскоре бормотание стихло.

— Ты все? — поинтересовался попаданец у бывшего боцмана.

Тот лишь мрачно кивнул в ответ.

— Ну тогда с богом, — с этими словами Тима сбросил труп боцмана в море.

— Как то странно, — задумчиво проговорил Лон.

— Что именно? — уточнил попаданец, хотя и подозревал, что точно знает ответ на этот вопрос.

— Как то странно читать молитву на своих собственных похоронах.

— Ну, — протянул попаданец, — лучше читать молитву на своих похоронах, чем слушать как над тобой ее читают, ведь верно?

— Наверное, — с какой — то непонятной интонацией в голосе, ответил ему Лон.

— Не тушуйся, — Тима сделал движение, пытаясь хлопнуть того по плечу, но вовремя вспомнил что перед ним дух, и убрал руку, — по крайней — мере ты можешь думать и говорить, практически жить. Это лучше, чем полное забвение.

— Ага, жить твоим духом — рабом.

— Исключительно по собственной глупости и жадности, — жестко заметил попаданец, — ладно, пойдем, хватит тут торчать.

Они спустились в трюм и Тима, под руководством Лона, закрыл и заклинил люк, ведущий на палубу.

— Ну как? — обратился попаданец к бывшему боцману, когда работа была завершена.

— Вроде бы неплохо, но насколько хорошо ты все сделал будет ясно когда буря пройдет.

— А как долго они обычно длятся?

— Как повезет. Некоторые за несколько часов прекращаются, а некоторые могут и с неделю бесноваться.

— Сколько?! — воскликнул Тима, шокированный до глубины души.

— Ну а ты как хотел? — удивился бывший боцман. Бывает и дольше, конечно, но редко. Это же открытое море. Да и сезон скоро.

— Капец, — потерянно протянул Тима, — и что мне все это время делать то? Чем вы вообще занимались во время шторма?

— Как чем? Работали, естественно. А ты что, думал, что команда, как ты, в трюме сидела? Да кто бы им позволил? Во время шторма работы всем хватало.

— Понятно. Ну да ладно. Чем заняться сейчас — я знаю, а дальше видно будет, — задумчиво пробормотал себе под нос Тима. — Ну что, Лон, ты придумал чем можешь быть мне полезным? — поинтересовался он у по — прежнему задумчивого коротышки.

— А? Что? — встрепенулся тот, — да, подумал. Но многого я не умею. Знаю как боцманом быть, науку рулевого, как рыбу удить.

— И все? — в голосе Тимы было столько разочарования, что его дух — раб немного стушевался.

— Ну, драться еще умею. На кулаках, на ножах, да на саблях.

— А ну — ка поподробнее, — заинтересовался попаданец. Владение холодным оружием в этом мире, в котором только оно и есть, было отнюдь не лишним. Правда на чем строилась уверенность Тимы в том, что других видов оружия тут нет, вряд — ли мог внятно объяснить даже он сам.

— Да чего подробнее то? — не понял Лон, — я сам родился и вырос в порту Ибсура, а там что без первого умения, что без второго — не выжить. А с саблей меня обращать научили когда я юнгой ходил под капитаном Толором. Был там боцман, по прозвищу Псина, он хоть и сволочью редкостной был, но саблей махать умел знатно, получше многих. А самое главное — не стеснялся обучать команду. Вот и меня поднатаскал.

— А меня ты научить сможешь?

Бывший боцман задумался, а затем неуверенно ответил:

— Думаю смогу. Правда все показать не получится. Да и постоять друг против друга — тоже. Но в остальном — вполне. Только не сейчас. Нужно, чтобы качка была минимальной.

— Это понятно. Ну тогда ладно. Давай приноси мне клятву верности и я пойду посплю немного, а там, как буря пройдет, займемся тренировками.

— Клятву? — переспросил Лон.

— Ну а ты как думал? Мне не нужны те, на кого я не могу положиться. Так что давай клятву или я тебя развоплю.

— Я согласен, — после некоторых раздумий проговорил бывший боцман, — что говорить нужно?

— Повторяй за мной, — и Тима слово в слово повторил ту клятву, что ему когда — то приносил Гадаар, не став уточнять, что варианта «не согласен» в принципе не могло быть. Лон внимательно слушал и повторял сразу за попаданцем.

— Отлично, — потер руки Тима, когда клятва была произнесена, — ты давай, следи внимательно, чтобы проблем никаких не было, а я пойду немного посплю. Все равно делать пока нечего.

Проснулся Тима от качки. Нет, конечно, она присутствовала и раньше — море все же. Но вот, чтобы она была настолько сильной — такого он не припоминал. Ему казалось, что он на огромной скорости несется по американским горкам. Очень — очень хлипким американским горкам. Он взлетал на их гребни, замирал на секунду — другую и ухал вниз, в пропасть. Гамак тоже добавлял суматохи, раскачиваясь из стороны в сторону, периодически, знатно так, прикладывая попаданца боком о ближайшую стену.

А были еще и звуки. Сильнейший рокот дождя, барабанной дробью, бьющий по палубе. Плеск и удары волн о борта. Периодические раскаты грома, боем литавр дополняющие композицию непогоды. Треск и стук от падающих за борт остатков такелажа. И скрип. Жуткий, скрип досок обшивки, пытающейся противостоять буйству стихии. Когда Тима понимал, что от бушующего океана, от черной бездны, в которой нет и никогда не было солнечного света, его отделяет всего лишь несколько сантиметров дерева, ему становилось жутко до оцепенения. И плевать, что он уже умирал, наоборот — сейчас ему хотелось жить как никогда раньше.

— Сучий корабль, сучьи пираты, сучье средневековое с их скорлупками вместо нормальных кораблей, — бормотал он себе под нос, мертвой хваткой вцепившись в края гамака, — если не сдохну сегодня и смогу выбраться, хрен я еще раз полезу на эти сучьи деревяшки. Л — о — о — он! — он хотел позвать своего нового духа — раба, однако, как раз в этот момент корабль, в очередной раз, ухнул с гребня очередной волны и голос попаданца дал петуха, в результате чего получилось нечто среднее между криком Тарзана и визгом перепуганной девчонки.

— Ты меня звал? — поинтересовался лысый коротышка, проходя прямо сквозь палубу, — эк тебя скрючило то, — участливо проговорил он, наблюдая за попаданцем, что сейчас, перевалившись через край гамака, избавлялся от полупереваренных остатков своего завтрака. Так уж вышло, что Тимин вестибулярный аппарат не смог справиться с той феерией ощущений, что дарило ему нахождение на неуправляемом корабле, посреди бушующего океана, и наступил закономерный итог.

— Звал, — просипел попаданец, вытирая грязный рот, рукавом, — как там дела, снаружи? — едва он договорил, как его вновь скрутил приступ морской болезни.

— А как они могут быть? — вопросом на вопрос ответил Лон. Буря там. Волны большие. Почти все обломки уже смыло, только куски грота, да пары парусов и остались.

— Как думаешь, скоро это закончится? — поинтересовался Тима, в очередной раз вытирая рот.

— Я же уже говорил, — бывший боцман сделал вид, что вздохнул, — хрен его знает. Может через час, а может и через несколько суток. Хотя, в это время года штормов подобной продолжительности быть не должно. Но на все воля богов.

— Я тебя понял.

— Так я могу идти? — поинтересовался Лон.

— А что, ты куда — то спешишь? — удивился Тима, причем не тому, что у его духа — раба появились какие — то дела, а тому, что в нем осталось еще место для сарказма.

— Да нет, — пожал плечами коротышка, — просто, как оказалось, в бытии призраком есть и положительные моменты — я теперь могу не бояться умереть и волны мне не страшны. А я люблю волны, — с некоторой тоской в голосе проговорил Лон.

— Развлекайся, — дал добро попаданец, — только не забывай следить за обстановкой на этой посудине и если что — сразу же рассказывай мне.

Бывший боцман согласно кивнул и отправился на палубу, пройдя прямо сквозь ее доски, а Тиму скрутил новый приступ тошноты.

Следующие несколько часов стали для попаданца, наверное, самыми жуткими и утомительными за все две его жизни. Он так не уставал даже тогда, когда целыми днями драил палубу этого, проклятого всем богами, корабля. К постоянным ударам о стену, он как — то уже притерпелся, хотя, иногда, и они были крайне чувствительны. А вот тошнота и

качка утомляли сильнее всего. В конце — концов он впал в некоторое забытие, из которого его вывел встревоженный голос Лона.

— Беда, хозяин, беда, — именно по тому, что бывший боцман назвал его хозяином, Тима и понял, что дело действительно серьезно.

— Рассказывай, — слабым голосом приказал он.

— Течь по левому борту, в носовой части.

— Сильная? — всполошился попаданец и попытался выбраться из гамака, однако не преуспел в этом — корабль как раз забирался на очередную волну и Тиму вновь знатно приложило о стену.

— Не особо. Был бы Ганас жив — он бы заделал, да и я бы, скорее всего тоже, но... — он не закончил свою речь, намекая, что сам ничем, по сути, не отличается от вышеупомянутого Ганаса.

— А я справлюсь? — поинтересовался Тима, наконец выбравшись из гамака. Сейчас он чувствовал себя ужасно, однако был полон решимости выжить любой ценой.

— А ты плотник? — вопросом на вопрос ответил бывший боцман, — если нет, то вряд ли.

— Так и что делать то, тогда? — с нарастающей паникой в голосе поинтересовался у Лона попаданец.

— Вариант у тебя всего один — расклинить люк на палубу и вычерпывать воду. Все.

— Сучьи скорлупки! Ненавижу! — завопил Тима в бессильной злобе, прекрасно понимая чем ему грозит расклинивание прохода на палубу. — А вода с палубы не зальет трюм, случаем? — на всякий случай поинтересовался он у лысого коротышки.

— Скорее всего зальет, — подтвердил тот, — но выбора у тебя особого и нет — рано или поздно волны расширят течь и ты останешься в трюме с заклиненным люком. А это верная смерть.

— Я тебя понял, — коротко кивнул попаданец, — значит в задницу этот Титаник. Жди меня, Роза, твой Джек уже в пути. Хотя нет, — осекся он, — не хочу быть Джеком. Там все плохо кончилось. — Проговаривая всю эту чушь, дабы успокоить себя, Тима, тем не менее, не сидел на месте. Он, насколько мог быстро, стараясь избежать травм, собирал свой рюкзачок в дорогу, не глядя кидая в него все, что потенциально могло пригодиться. В основном, конечно, это были солонина и сухари. Той еще проблемой оказалось набрать воду в чудом сохранившуюся в рюкзаке флягу. Именно тогда, когда он только — только справился с этой задачей и, довольный, прятал ее в рюкзак, прилетел Лон с очередными плохими новостями.

— Поспеш. Пробоина расширилась. Вода очень быстро прибывает.

— Сучья скорлупка, — простонал попаданец, закрывая рюкзак и, насколько мог, быстро направился к спуску с палубы, не забыв, при этом, захватить с собой киянку. Под ногами захлопало — морская пучина потихоньку начала свой блицкриг против создания рук человеческих.

Когда добрался до места — воды было уже по щиколотку.

— Не паниковать, не паниковать, не паниковать, — как заведенный повторял Тима, пытаясь выковырять, им же самим вбитые, клинья. Рядом зудел Лон, поторапливая его и давая разнообразные советы. Наконец попаданец не выдержал и приказал:

— А ну полезай в серп! И без тебя понятно что и как тут делать. — Коротышка покорно исчез. А до Тимы только сейчас дошло, что если он упадет за борт, то может потерять свой

драгоценный артефакт. Поэтому, ему пришлось потратить еще некоторое время на то, чтобы стянуть с себя штаны и спрятать, как он это делал ранее, серп в своем бедре.

Наконец, справившись с клиньями, попаданец распахнул люк и хотел, было, приступить к вычерпыванию воды, но не успел. Корабль, только — только, поднявшийся на гребень очередной волны, начал с нее спускаться, однако из — за того, что в его носовой части скопилось уже слишком много воды, он сильнее, чем раньше, клюнул носом и, на доли мгновения застыв в вертикальном положении, разломился пополам, не выдержав чудовищной нагрузки.

Тиме и повезло и не повезло одновременно. Не повезло в том, что он, в принципе, попал в шторм на корабле, полностью лишенном управления. Зато повезло оказаться у открытого люка как раз в тот момент, когда уже обреченное судно пыталось изобразить свой последний пируэт. Повезло в том плане, что законы физики одинаковы для обоих миров и попаданца просто — на просто катапультировало с гибнущего корабля. И это позволило ему избежать многих проблем, связанных с крушением. Но самое главное везение, пожалуй, заключалось в том, что даже несмотря на чувствительный удар о воду, Тиме все же удалось инстинктивно вцепиться в какой — то деревянный обломок. На этом полоса везения кончилась и сознание попаданца погасло.

Холодно. Тиме было очень холодно. Он некоторое время еще пытался как — то согреться, скрутившись калачиком, однако холод не отступал. «Видимо одеяло слетело», — пронеслось у него в голове и он попытался нашарить его там, куда обычно сбрасывал — в ногах. Но одеяла там не было. «Все же придется вставать», — понял он. «Ну да ладно, в душе согреюсь», — успокоил он себя и открыл глаза.

Первым, что он увидел, было серо — голубое небо, без единого облачка на нем. Это было очень странно, раньше потолок родительской квартиры выглядел иначе.

Тима резко сел и осмотрелся. Не было не только потолка, но и вообще всей квартиры, его двора, родного города. Была лишь необъятная степь, покрытая желтоватой травой и украшенная разнообразными камнями, камешками и валунами. Лишь он сам, да еще какой — то крупный деревянный обломок, выбивались из общей картины.

— Что за херня? — задал самый уместный, в данной ситуации, вопрос Тима. Но никто ему, естественно, не ответил. Пришлось искать ответы самостоятельно.

Его память, к сожалению, тоже ничем помочь не смогла. Последним что он помнил была их репетиция во время зимней сессии. Но, погода здесь и сейчас, больше всего напоминала осеннюю. Получается, что почти год жизни совершенно выветрился у него из памяти. Или не год? Ведь не было там где он жил таких степей. В этом Тима был уверен на все сто — свои родные места он исходил вдоль и поперек. А значит — оказался он очень и очень далеко от дома и дорога сюда могла занять очень большое количество времени.

«Стоит осмотреть свое тело. По нему можно легко определить сколько времени прошло», — пришла к нему дельная мысль. Ни страха, ни паники почему-то не было.

Начал Тима осмотр, естественно, с рук, и тут же пришел в ужас. Да, они были загорелыми до черноты. Да, на них от мозолей живого места не осталось. Да, ногти на них могли привести в ужас любого, даже не самого впечатлительного косметолога. Но не это было самым страшным. Хуже всего было то, что руки эти не были его руками. Не те пропорции. Не та длина пальцев. Даже цвет кожи, и тот отличался.

— Не может быть, — прошептал молодой человек и начал быстро раздеваться, даже не обратив внимания на то, во что именно был одет. Сняв с себя абсолютно всю одежду, что на нем была, Тима начал внимательно осматривать свое тело. И худшие его опасения подтвердились — это было не его тело. Все, начиная от груди и заканчивая ногами, было чужим.

— Но как же это так? — в полном смятении пробормотал молодой человек, — этого же не может быть. Не может быть просто потому, что не может. — Выдав эту гениальную в своей логичности сентенцию, Тима еще раз решил осмотреть доставшееся ему тело. И нашел кое — что интересное — на внутренней поверхности одного из бедер была какая — то странная штука. Сначала он подумал, что это грязь и попытался ее счистить, но штука просто переползла ниже по бедру. А еще — она была очень твердой на ощупь. Тима решил рассмотреть ее поближе, для чего согнул ногу в колене и поднял. Эффект не заставил себя долго ждать — штука разрослась и удлинилась. Молодой человек ухватил ее двумя пальцами и начал, сначала аккуратно, а потом, когда осознал, что это действие не причиняет ему никакой боли — все быстрее, вытаскивать.

— Вот так — так, — задумчиво проговорил он, рассматривая свой трофей. «Штука»

оказалась странным кинжалом — серпом с деревянной рукоятью. Его клинок был вырезан, казалось, из полупрозрачного хрусталя со странными бирюзовыми прожилками.

— Забавная штука, — задумчиво проговорил молодой человек, закончив рассматривать свою находку и берясь за его рукоять, — интересно как... — закончить свой вопрос Тиме не удалось. Едва он ухватился за рукоять серпа — тут же в его голове замелькала вереница образов. Вот он очнулся в палатке. Вот он идет куда — то по огромному плато. Вот он рыбачит собственноручно сделанным копьем. Вот общается с Гадааром. Вот работает над этим самым кинжалом. И так далее. И тому подобное. Тима вспомнил все, что с ним произошло с тех пор, как он оказался в этом мире, все, вплоть до кораблекрушения и своего недолгого полета в бушующее море. Но вот что было дальше и как, а главное — почему, он оказался тут, в степи — этого он не помнил.

— Гадаар! — позвал попаданец своего первого духа — раба.

— Да, хозяин, — раздался невозмутимый голос молодого шамана, — о, а где это мы? — и Тима мог поклясться, что удивление в голосе его слуги было неподдельным.

— В степи, — метко подметил Тима.

— А как ты тут оказался? Ты что смог починить тот корабль?

И только тут до попаданца дошло, что Гадаар-то не знает ни о шторме, ни о том, к каким последствиям тот привел. Стоило просветить духа — раба на этот счет, что Тима и сделал.

— То есть, ты говоришь, что последнее, что ты помнишь — это как тебя выбросило с этой большой лодки. Правильно я понял?

— Да. А потом я оказался здесь, — ответил попаданец.

— Интересно, — задумчиво проговорил молодой шаман. — Судя по тому, что тут лежит это, — он кивнул в сторону деревянных обломков, валяющихся неподалеку, — и соли на твоей одежде, — новый кивок, на этот раз, в сторону кучи шмоток, лежащих под ногами у попаданца, — то ты действительно некоторое время провел в Большой воде. Причем, скорее всего, как раз и держался за эти обломки. Но вот как ты оказался здесь и почему не утонул в море — вот в чем вопрос.

— Ты уверен, что не утонул? — на всякий случай уточнил Тима, — не может ли это быть моим предсмертным бредом? Или может быть я уже умер и попал в какое — нибудь чистилище или что — то вроде того?

— Нет, — отрицательно покачал головой Гадаар, — предсмертный бред удел живых. А так как мы с тобой разговариваем и я четко себя осознаю, то бредом это быть не может. Да и тебя тоже, в полной мере живым, назвать нельзя. Что же касается смерти, — он немного помолчал, — будь ты духом, то не смог бы воспользоваться своим артефактом, тем более не смог бы хранить в своем теле. Твой серп опасен для духов.

— Тогда что это может быть?

— Не з... — внезапно молодой шаман замолк на полуслове и Тима заметил как в удивлении раскрылись его глаза.

— Эй, ты чего? — слегка встревожился попаданец, при виде опешившего лица своего духа — раба. Но тот никак не отреагировал на этот вопрос. — Эй, Гадаар, ты чего застыл, — Тима помахал перед лицом молодого шамана ладонью. И это возымело действие. Гадаар отмер и произнес каким — то странным голосом:

— Взгляни на духовный мир. Так как я тебя учил. Помнишь?

— Помню, — попаданец закрыл свои глаза, постоял некоторое время, привыкая к

темноте, параллельно выполняя все необходимые действия. Когда все было готово, он резко, на выдохе, их открыл и осмотрелся.

— Ну ни хрена себе, — проговорил он, спустя некоторое время.

— Вот и я о том же, — подтвердил Гадаар, — ни единого духа, если не считать меня, конечно.

— И степь выглядит одинаково в обоих мирах, — заметил Тима.

— Вот именно.

— И что же это значит, по твоему? — поинтересовался попаданец, вновь закрывая глаза и давая им отдых. Смотреть на мир духов глазами простого человека, вот так, без специального ритуала, было довольно болезненно.

— Это значит, что мы где угодно, но только не в моем мире.

— Поня — я—ятно, — задумчиво протянул Тима, — и как мы могли тут оказаться? Есть мысли на этот счет?

— Честно говоря, особых мыслей и нет. — Гадаар, судя по всему, был настолько поражен открывшимися обстоятельствами, что совершенно позабыл о своих напускных чопорности и безэмоциональности и говорил сейчас своим обычным голосом. — Мой наставник как — то рассказывал мне, что в нашем мире существуют некоторые... он называл их кавернами, хотя, как по мне — это скорее проходы... проходы в иные миры, — молодой шаман замолчал, собираясь с мыслями.

— Вот оно что. Ты думаешь мы попали в одну из этих каверн? — прервал его размышления попаданец.

— Других вариантов не вижу.

— То есть, где — то в море находится здоровенная дыра в пространстве, сквозь которую нас сюда и забросило, я правильно понимаю? — уточнил он.

— Я не знаю, — признался Гадаар, — наша община никогда не имела дел с Большой водой. Наши старшие всегда предостерегали нас, говоря что за ней находится Грань. Видимо, не зря предостерегали, — он изобразил вздох.

— Но, при всем при этом ты знаешь, что в морской воде много соли и как она действует на одежду. А еще, иногда, когда забываешься, ты начинаешь говорить очень складно, — Тима посмотрел в глаза Гадаару, — не пытайся выглядеть глупее, чем ты есть, особенно тогда, когда это у тебя плохо получается. Большая вода, за которой находится Грань, ну надо же, — он покачал головой.

— Не понимаю о чем ты, — попытался прикинуться валенком молодой шаман, — наши наст...

— Все, умолкни, — раздраженно оборвал его Тима, — сейчас позовем еще кое — кого. Лон, покажись.

— Звал? — перед ними материализовался дух невысокого боцмана, — опа, а где это мы?

— Не важно, — отмахнулся попаданец, — ты мне вот что расскажи. Ты знаешь где нас шторм застиг. В каком конкретно месте?

— Знаю, — ответил коротышка, одним глазом косясь на Гадаара, а вторым пытаясь смотреть на своего хозяина, — мы там часто проходили.

— Ты это, аккуратнее, а то косоглазие заработаешь, — усмехнулся Тима, — знакомьтесь, это Лон, — он указал на бывшего боцмана, а это — Гадаар. Вы братья по несчастью и глупости. На этом знакомство закончили. А теперь расскажи мне, Лон, не

пропадали ли случаем в той местности корабли или люди?

Коротышка задумался на некоторое время, после чего отрицательно покачал головой и проговорил:

— Да нет, вроде бы. Ничего такого и не слышал ни разу. — Он немного помялся, а затем все же спросил: — И это, Тима, а чего ты голый?

И только тут до попаданца дошло, что он и правда полностью обнажен. А еще, что ему достаточно прохладно.

— Так нужно было, — сказал он первое, что пришло ему в голову. — Так что, говоришь никаких исчезновений не было? — уточнил он, одеваясь, — тогда что — то не складывается в твоём рассказе, — посмотрел он на Гадаара.

— Наставник не рассказывал как в эти каверны попасть, — пожал плечами дух — раб, — может нужно что — то особенное сделать или ритуал провести.

— Вы это о чем? — поинтересовался Лон, с любопытством прислушиваясь к их разговору.

— О том как мы тут оказались, — пояснил полностью одевшийся Тима, — как видишь — мы находимся посреди степи, хотя последнее что я помню — было то, как меня выбросило из тонущего корабля прямо в бушующее море. Вот он, — кивок в сторону молодого шамана, — предположил, что меня затянуло в некую дырку в пространстве, сквозь которую и попал сюда. Но, судя по тому, что ты рассказал — выглядит это все сомнительно. Была бы подобная дыра там — обязательно пошли бы слухи о пропавших кораблях и командах. А так — попал только я один, — произнеся это Тима как — то странно улыбнулся, но что именно его развеселило, ни Лон, ни Гадаар не поняли, — что странно, ведь единственное, что я сделал — это отрубился. Никаких ритуалов не проводил. Или, — он посмотрел в сторону Гадаара, может все дело в том, что я шаман?

— Не думаю, — отрицательно покачал головой молодой шаман, — такие как он, — кивок в сторону Лона, — бывало, захватывали и шаманов. Так мне рассказывали.

— Я так и знал, — победно улыбнулся Тима, — большая вода, большая вода, за которой грань, — передразнил он, — кому ты лапшу на уши вешаешь? — поинтересовался он внезапно посуровевшем голосом. — Ты, кажется, начал забывать мой приказ. Да, технически, ты ничего не нарушил, но мне не нужен раб, что будет мои приказы выполнять спустя рукава. А ты раб и есть. В следующий раз никаких разговоров не будет. Это первое и последнее предупреждение для тебя, ты меня понял, раб? — Тима посмотрел прямо в так и пылающие яростью глаза Гадаара.

— Да... хозяин, — сквозь зубы процедил он.

— Вот и отлично, — улыбнулся попаданец, — так что насчет шаманов и пиратов, — кивок в сторону удивленно смотрящего на них Лона.

— Наш народ довольно многочисленный и хоть живем мы общинами, но связь поддерживаем постоянно. Были наши поселения и у моря, но на них постоянно нападали бледнолицые и уводили с собой.

— Я помню, что ты рассказывал о нападении только на один поселок. Ты соврал?

— Да, — кивнул Гадаар, — они постоянно нападают последние четыре десятка кругов. И уводят всех, кто не успеет спастись. Именно поэтому на побережье почти не осталось наших поселений.

— И именно поэтому вы начали затирать своему молодняку чушь про Великую воду, за которой находится Грань? — догадался попаданец.

— Да, — подтвердил молодой шаман, — как рассказал мне наставник — это было общее решение всех шаманов.

— Понятно, — протянул попаданец, — значит все дело не в том, что я шаман и не в том, что был без сознания. Тогда в чем? — задал он вопрос, на который уже не чаял получить ответ, однако все же получил, причем оттуда, откуда никак не ожидал.

— Кхм, — сделал вид, что прокашлялся Лон, — я не очень сильно понимаю о чем вы тут толкуете, но может эта дырка под водой находилась?

— В смысле? — не понял Тима.

— Под водой, говорю, дырка была. За борт же никто при здоровом уме не прыгнет и не занырнет. Да и как кажется мне — тут еще и место знать надо точно. А ты выпал и волны как раз высокие были, — он изобразил руками их амплитуду, — вот тебя и затянуло под воду, в эту самую дыру. Вот.

— Гениально, — после недолгого осмысления произнесенного бывшим боцманом, проговорил Тима, — насколько все гениально и просто. Молодчина, Лон. Как думаешь, Гадаар, могло все так быть?

— Вполне, — согласно кивнул он, — проход же нематериальный и на неживую природу повлиять не смог — бы.

— А что насчет разных морских тварей? Почему их не затягивало?

— Может и затягивало, — молодой шаман осмотрелся, — хотя, вряд ли, тогда бы тут была куча дохлой рыбы. Может есть какие —нибудь особые условия для прохода сквозь каверну. Не знаю, мне наставник ничего такого не рассказывал.

— Ну допустим, — согласился Тима, — а что насчет досок, — он кивнул в сторону обломков корабля, валяющихся неподалеку, — они же неживые.

— Тут все просто, — ни задумываясь ни на миг, ответил Гадаар, — ты за них держался и их занесло сюда вместо с тобой. Точно так же, как одежду и твой артефакт.

— Звучит более — менее логично, — вынужден был согласиться со своим духом — рабом, попаданец. — Итак, — решил он подвести промежуточный итог, — как я тут очутился мы выяснили, теперь осталось выяснить как отсюда выбраться. Как, по твоему, — обратился он к Гадаару, — видны ли каверны в мире духов?

— Думаю, что да, — кивнул тот, — но тут, — он вновь окинул взглядом всю степь, — я ничего похожего не вижу. Вообще ничего не вижу, если быть точным. Может они изнутри не видны?

— Вот и я не вижу, — согласился Тима, — да если бы и видел, то идея вернуться обратно в море, кажется мне не самой удачной. А следовательно — надо искать выход где — то в другом месте и засиживаться тут не стоит. Есть возражения? — он посмотрел на двух своих духов — рабов, — вижу, что нет. Ну, тогда в какую сторону пойдём?

Собственно, несмотря на Тимин энтузиазм, в путь он двинулся совсем не так скоро, как планировал. Требовалось, для начала, проверить рюкзак, чудом оставшийся у него на плечах, рассмотреть внимательнее обломки, что перенеслись сюда вместе с ним, ну и сориентироваться. Ведь, идти наобум было глупо и не оправданно в его положении. Требовалось найти какие —нибудь ориентиры, после чего двигаться по ним.

И, если с ориентиром все было более — менее понятно — вдали виднелась небольшая полоска деревьев, которая вполне могла сойти за оный, а в обломках корабля не было совершенно ничего интересного, то вот с рюкзаком была беда. Естественно, он промок, естественно, промокло и все, что в нем находилось. И, если, мясу на пребывание в воде было

плевать, то остальные вещи и продукты требовалось просушить.

— Походу, приплыли, — с печалью в голосе проговорил Тима, рассматривая вываленные прямо на землю пожитки, — ладно, товарищи духи, вот вам задание: расходитесь в разные стороны и ищите что — то, из чего можно создать костер. А то, что — то я не особо горю желанием, пытаться зажечь вот это, — он кивнул в сторону деревянных обломков. Выполнять.

Впрочем, сегодня был явно не Тимин день, — спустя некоторое время оба посланника вернулись ни с чем.

— Вообще ничего такого нет, — оправдывался Лон за них обоих, — только трава да камни. Ни кустика, ни деревца нет.

— Понятно, — протянул попаданец, — значит надо думать что делать дальше. Остаться тут или идти дальше. А вы как думаете, дойдем до вечера до вон тех деревьев, — он указал на едва виднеющуюся над горизонтом темную полосу.

Гадаар посмотрел в ту сторону и, с сомнением в голосе проговорил:

— Сомневаюсь. Уже, — он взглянул на солнце, — вторая половина дня. Так или иначе придется тебе в степи ночевать.

— А ты что думаешь? — попаданец поглядел на Лона.

— Меня можешь даже не спрашивать, я в морском деле понимаю, а на суше бывал редко, тем более в степи.

— Ну, похоже у нас нет выбора, — подвел Тима итог беседе, значит располагаемся тут. Кстати, Лон, — обратился он к бывшему боцману, — раз уж ты так хорошо разбираешься в кораблях, глянь, будь добр, что за кусок нам достался. И есть ли там что — нибудь полезное.

— Уже смотрел, скорее всего, это кусок борта. Так что интересного там нет и быть не может. Разве что на дрова пустить, гореть должно знатно.

— С чего вдруг? — Заинтересовался Тима.

— Так пропитка же специальная, что от воды защищает, с ней деревяшки хорошо горят. Был бы там кусок палубы или перегородки какой — там да, особенно после пребывания в воде, сушить бы пришлось.

— Так это же отлично, — не на шутку обрадовался попаданец, — а ты говоришь, что нет ничего полезного.

Впрочем, несмотря на все уверения Лона, деревяшки загорались и горели очень неохотно. На то, чтобы развести хороший костер, Тима потратил никак не меньше полутора часов. Еще несколько часов заняла просушка рюкзака и всего его содержимого. Даже мясо попаданец немного подержал над огнем, так как не знал точно как именно на нем скажется пребывание в морской воде. Подозревал, что ничего особенного не случится, но все же решил перестраховаться.

Спать лег сразу после импровизированного ужина из солонины и подмоченных сухарей. Тем, кстати, купание явно пошло на пользу. И, хотя, на вкус они были по — прежнему ужасны, зато стали мягче и жевать их стало намного легче. Но даже такая пища сейчас Тиме казалась божественно вкусной и он смолотил выделенный самому себе паек, практически мгновенно. После чего, лег прямо на землю, спиной к еще тлеющему костру и очень быстро заснул.

А разбудил его, снова, холод. Причем, настолько сильный, что первым, что сделал Тима после пробудки, была разминка. Хотя, разминкой назвать это было можно лишь с натяжкой. Дело в том, что сейчас попаданец себя чувствовал намного хуже, чем даже тогда, когда

очнулся тут после кораблекрушения. Он пытался делать упражнения, однако, задубевшее за несколько часов сна на голой земле, тело, совершенно не хотело слушаться своего хозяина и с трудом выполняло все его указания.

В путь Тима решил выдвинуться сразу после неудачной разминки, не задерживаясь для завтрака. Причин тому было несколько, но основной, пожалуй, был тот факт, что в лесу проще выживать. Там есть убежище и, что самое главное, дрова. А попаданцу хватило всего одной ночевки в степи, дабы хотеть свалить из нее как можно быстрее. Вот он и, кое — как упаковав свои пожитки в рюкзак, поковылял в сторону, виднеющейся далеко на горизонте, полосы леса.

Судя по всему, это было правильное решение. Спустя минут десять, он расхотелся и разогрелся и теперь его походка не напоминала походку слегка отмороженного зомби. А самое главное — у него начало подниматься настроение, что было, наверное, самым важным условием для выживания.

Шел он, не останавливаясь, примерно, до полудня, после чего решил устроить небольшой привал. Благо, и место подходящее нашел — два приметных камня, находящихся немного в стороне от, выбранного им, вектора пути. Подойдя к камням, Тима, впервые за все время пребывания в этой странной степи, заметил следы наличия тут живых существ. Ну, как заметил... Вляпался в них, после чего, костеря на чем свет стоит тупых животных, долго очищал свои импровизированные сандалии от того самого. Вонючего.

А вот обед, несмотря на происшествие, начался и проходил очень даже неплохо. Он бы, наверное, мог и закончиться так же, если бы не излишнее Тимино любопытство. Тот уже доедал свою нехитрую снедь, когда, внезапно, его блуждающий взгляд упал на странный участок земли у подножия одного из камней. Снедаемый тем самым, крайне излишним, чувством, он не придумал ничего умнее, чем начать там раскопки. И результат не заставил себя долго ждать — в неглубокой ямке, едва присыпанной землей, находился очень интересный и очень знакомый попаданцу предмет.

— Да не может быть, — слегка дрогнувшим голосом, проговорил он, доставая из ямки, аккуратно кем — то закопанную, использованную консервную банку.

«Неужели я дома, неужели вернулся?», — подобные мысли бились в голове у попаданца все то время, что он копался в ямке. Всего ему удалось найти две пустых банки из — под консервированной гречки. Точно такие же он сам, бывало, использовал во время походов. И целую кучу фантиков от шоколадных конфет, видимо, тут стоял лагерем какой — то знатный сладкоежка.

И гречка и конфеты были известной ему марки, из чего следовало, что он вернулся на Землю, ведь никак иначе эти вещи не могли тут оказаться. Или могли?

Место-то, если так подумать, странное. Тихое очень. Причем, до попаданца только сейчас, когда он молча раздумывал над сложившейся ситуацией, дошло насколько оно тихое. Раньше ему не доводилось бывать в степях, зато в полях он бывал частенько. И там всегда что — то шуршало, звенело, кричало. А тут — нет. Лишь шум ветра, изредка оживлял гнетущее безмолвие. Тиме вдруг стало очень неудобно.

— Ну нет, не похоже это на Землю, — сказал он вслух, только ради того, чтобы не слышать этой оглушительно тишины. Не тонуть в ней. Не помогло. Та продолжала давить, укрывая незримым коконом. И тогда попаданец не выдержал и позвал:

— Гадаар, покажись!

— Звал, хозяин? — поинтересовался дух — раб, проявляясь. И его безэмоциональный голос разорвал наваждение.

— Звал, звал, — облегченно выдохнув, ответил Тима, — как думаешь, может ли это место быть тем миром, откуда ты меня выдернул?

— Нет, — мгновенно ответил молодой шаман, — миров, где совсем нет духов, не существует. Живых миров, по крайней мере.

— Тогда как ты объяснишь вот это? — Тима показал на банки и обертки конфет, что валялись у него под ногами. — Это вещи из моего мира, я в этом уверен, так как сам не раз подобными пользовался.

— Какие интересные, — взгляделся в находки, Гадаар, — а что это такое?

— Это остатки еды.

— Странная у вас еда, — заметил молодой шаман.

— Какая уж есть. Ты лучше ответь на мой вопрос.

— Попали они, скорее всего, вместе с твоим соплеменником. А вот как именно — я не знаю. Точно не так, как попал ты в мой мир, иначе бы этих вещей, — он кивнул в сторону мусора, — тут не было. так что остается лишь вариант с каверной, но ничего подобного поблизости я не вижу.

— Понятно. А как давно все произошло, не подскажешь? Может я еще смогу догнать этого человека.

— Да откуда же мне знать? — искренне удивился Гадаар, — были бы тут еще какие следы — еще ладно, но по этим штукам, — новый кивок в сторону банок и оберток, — я ничего не скажу.

— Другие следы... — задумчиво протянул попаданец, а затем, его внезапно осенило, — иди за мной, будут тебе другие следы. — Они завернули за один из камней и Тима продемонстрировал Гадаару то, во что недавно вляпался.

— Дерьмо, — констатировал молодой шаман, проявив тем самым чудеса логического

мышления и быстрого понимания ситуации.

— Оно самое, — подтвердил попаданец, — можешь что — нибудь по нему сказать?

— Могу лишь порадоваться, что сейчас я дух, — ответил Гадаар, склоняясь над неаппетитной кучей и начиная ее внимательно рассматривать.

Прошло не менее десяти минут, прежде чем молодой шаман разогнулся и повернулся к, внимательно за ним следившему все это время, попаданцу.

— Ему, — кивок в сторону кучи, что — то около суток.

— И это все? — не смог скрыть разочарования Тима, — что же ты там так долго рассматривал?

— Практически да, — согласно кивнул Гадаар, — а рассматривал я, пытаюсь понять что же он ел.

— И как успехи? — даже не пытаюсь скрывать ехидства в голосе, поинтересовался Тима.

— Ну, судя по всему, накануне он ел что — то вроде каши, правда я такой крупы не знаю, — невозмутимо, будто ничего необычного в подобном осмотре не было, ответил ему дух — раб.

— Случаем не такой? — задал еще один вопрос попаданец, банку, на стенках которой еще оставались остатки гречки.

— Да, точно, — обрадовался молодой шаман, — она самая.

— Да ты, прям, Шерлок Холмс, — не скрывая сарказма подытожил Тима.

— Кто? — не понял его Гадаар.

— Да был один такой. В моем мире. Гениальный человек. Так что, это все?

— Ну, в целом — да, — подтвердил молодой шаман, — разве что... — он не закончил, явно сомневаясь стоит ли говорить, однако, видя нетерпеливый взгляд попаданца все же закончил: — мне кажется, что в эту кучу два раза наступили. Один раз ты, — он кивнул на не до конца очищенный сандалий попаданца и тот, заметив куда он смотрит, чертыхнулся и сразу начал оттирать проблемное место о траву, — а один раз — кто — то другой, обутый в странную обувь с ребристой подошвой.

— Ну и в чем тут странность то? — не понял Тима, закончив с очисткой, — это явно след того, кто это, — кивок в сторону кучи, — и сделал.

— Да, я тоже так думаю, что это его след, — согласно кивнул Гадаар, — а странно в нем то, что он, в отличие от тебя, знал где эта куча находится и вряд ли полез в нее специально.

— Чуть какая-то, — заметил Тима, — всякое же могло случиться.

— Могло, — согласился Гадаар, — поэтому и не хотел говорить.

— Я тебя понял. Значит, говоришь — сутки или около того? — подытожил попаданец, — а куда он потом пошел не знаешь?

— Не знаю, — огорчил его молодой шаман, — я же не следопыт. Но думаю, что туда же, куда идешь и ты — к лесу, — он указал на значительно приблизившуюся полосу деревьев, — других вариантов тут нет.

— Ладно, значит нужно выдвигаться и мне. Может успею его догнать.

— А зачем тебе это нужно? — задал внезапный вопрос молодой шаман.

Тима хотел было сказать ему что — то резкое, посетовать на глупость вопроса, но замер, с уже открытым для ответа, ртом. И правда, а зачем ему это? Если это не Земля, как утверждает Гадаар, но тут есть землянин, то уже одно это странно. Кем может оказаться

этот незнакомый земляк? Таким же попаданцем, как и сам Тима? Но если так, то откуда у него такой запас консервов? Да и следов костра не видно, а следовательно — у него было нечто, вроде примуса. То есть, человек был хорошо экипирован и, скорее всего, знал что именно ему пригодится здесь. Нет, конечно, можно было допустить, что он просто пошел в поход, а потом случайно сюда попал. Но выглядело это очень невероятно. Во первых — мало кто ходит в походы один, ведь, даже полудикая современная природа, довольно опасное место и может случиться всякое. А он был тут один. Или все же не один? Банок было две, так что, в теории, может и едоков тоже было двое, ведь другие следы, по которым можно было определить количество останавливавшихся тут людей, отсутствовали. Вообще следов не было, кроме того, что на куче. Кстати, а ведь, если их двое, то становится понятно откуда там появился след — один сделал грязное дело, а второй не заметил и влез. Может быть? Вполне. Значит, можно считать доказанным, что попаданцев с Земли в том отряде минимум двое. Они хорошо экипированы и, похоже, как раз под эту местность. Из чего следует, что лучше побережься и с ними не встречаться. Хотя, найти и проследить — не мешало бы, вдруг они знают как отсюда выбраться. А значит, нужно двигаться вперед крайне осторожно и внимательно следить за обстановкой вокруг.

— Ладно, я тебя понял. Пожалуй, ты даже прав, давай двигать дальше, незачем тут рассиживаться, — подвел итог Тима, пряча банки в рюкзак и надевая тот на спину, — и давай — ка, наверное, продолжим наши занятия по шаманизму. Что — то мне подсказывает, что эти знания мне могут скоро понадобиться.

Дальнейший их путь, проходил под постоянный бубнеж Гадаара, вновь оседлавшего своего любимого конька болтологии. Тима не перебивал его, хотя и старался пропускать лишнее мимо ушей, вслушиваясь лишь тогда, когда речь заходила о шаманизме или еще чем — нибудь интересном. А все потому, что пока его дух — раб говорил, тишина, навеки поселившаяся в этом месте, не так сильно пугала попаданца. Да, как бы это нелепо не звучало, но едва Гадаар хоть ненадолго замолкал, на Тиму тут же накатывал иррациональный страх перед окутывавшей всю степь тишиной. И даже звук его собственных шагов, теперь казался каким — то неестественным, чужеродным, ненужным здесь. И это пугало еще сильнее.

Но, больше всего, Тима боялся будущей ночи. Не потому, что его пугала сама темнота, нет, просто потому, что ночью ему нужно будет хоть как — то поспать, а значит — Гадаару придется замолчать и тишина придет вновь. Правда, был шанс, что они успеют добраться до леса, а то, что это именно лес, а не, скажем, роща, с этого расстояния было уже хорошо видно, и тогда, возможно, станет полегче. А значит — стоит поднажать, может даже не останавливаясь на ночевку или остановиться уже в самом лесу.

Это случилось неожиданно. Тима, принявший решение, во что бы то ни стало, добраться сегодня до леса, не отрывая от того взгляда, целенаправленно шел к нему, уже совершенно не обращая внимания на то, что там лопочет Гадаар. И тут вдруг — бац и лес вновь превратился в едва — различимую полосу на горизонте.

— Ты чего? — поинтересовался Гадаар у внезапно замершего, как вкопанный, попаданца.

— Посмотри на горизонт, — хрипло ответил Тима.

— А что та... — начал было молодой шаман, но увидев то же, что и его хозяин, тоже застыл с широко открытыми от удивления глазами, — это как так? — наконец выдавил он из себя.

— Это мне у тебя надо спрашивать. Это ведь ты у нас специалист по разным необъяснимым штукам, — пытаюсь за сарказмом скрыть свой страх, накативший на него новой волной.

— Я не знаю как такое может быть, — растеряно проговорил молодой шаман, — может мы сбились с пути?

— Точно не сбились, — отрицательно покачал головой попаданец, — я в последнее время только на этот лес и смотрел. И он у меня на глазах превратился вот в это вот, — кивок в сторону далекой темной полосы деревьев.

— У тебя на глазах, значит, — задумчиво проговорил Гадаар, — а ну — ка, давай вернемся немного назад, — и он заскользил в обратном направлении.

— Ну, давай, — согласился с ним Тима, двигаясь вслед за своим духом — рабом, так как даже не представлял что в данной ситуации можно еще сделать.

Как ни удивительно, но способ Гадаара действительно сработал — отойдя немного назад, они смогли лицезреть все тот же лес, до входа в который, оставалось едва ли больше километра.

— Забавно, — заметил Тима, делая то шаг вперед, то шаг назад и наблюдая за тем, как полоса леса то уменьшается до едва различимой где — то на горизонте, то превращается в столь большую, что становится возможным различить отдельные деревья в ней.

— Забавнее то, что в духовном мире все точно так же, — ответил ему молодой шаман, занимаясь тем же самым.

— И что, совсем никакой разницы? — уточнил попаданец.

— Совсем никакой, — подтвердил дух.

— И какие у тебя есть предложения?

— Ну... — протянул Гадаар, — я, если честно, не думаю, что идти вперед — хорошая идея. Уверен, что мы рано или поздно придем точно на это же место и все повторится.

— А если идти вбок?

— Не знаю, — признался дух — раб, — может и там есть что — то вроде выхода, но я предлагаю иное — идти назад.

— А смысл? — с сомнением в голосе поинтересовался Тима.

— Место видишь какое необычное? — вопросом на вопрос ответил он, — тихое очень, — при этих его словах, попаданец непроизвольно вздрогнул, однако Гадаар, видимо, не заметил этого или сделал вид, что не заметил, — вот я и думаю, что и поступать тут тоже нужно необычно.

— Интересное мнение, — проговорил попаданец, обдумывая предложение своего духа — раба. — Ладно, — наконец решил он, — лучшего решения у меня нет, а скоро стемнеет, — он взглянул на местное, какое — то тусклое, солнце, — так что, пусть будет по твоему. Как, думаешь, лучше идти? Спиной вперед?

— Думаю — да, — не раздумывая согласился Гадаар.

— Ну, как знаешь, — вздохнул Тима, поворачиваясь к лесу лицом и начиная пятиться, — смотри там, чтобы я не споткнулся и не упал.

Они отправились в путь. Гадаар плыл по воздуху прямо перед попаданцем и смотрел тому за спину, заранее предупреждая о разного рода неприятностях, что подстерегали того на пути. Результат не заставил себя ждать — уже через минут десять подобного способа передвижения, деревья значительно приблизились и стали еще более различимы.

— Кажись, работает, — обрадованно сообщил Тима своему духу — рабу, — ты,

молодчина, Гадаар, — тот на похвалу никак не отреагировал, но, попаданец заметил легкую улыбку, промелькнувшую у того на лице.

Таким способом они двигались еще не меньше получаса, пока, наконец, надвигающийся на них лес не обступил их со всех сторон.

Первым, что встретило их там, были звуки. Пели птички, откуда — то из — под корней слышалось какое — то шуршание. Лес жил, лес дышал. Тиму, наконец — то, оставила непонятная тревога, терзавшая его все то время, что они находились в степи. Он чувствовал себя как человек, что несколько дней тащил на себе тяжеленный рюкзак, а теперь его сбросившись. Облегчение было столь велико, что Тима мог поклясться, что стоит ему подпрыгнуть, как он сразу взмоет в небеса и будет там летать, летать, летать...

— Привал, — скомандовал он сам себе, валясь на землю там же, где и стоял.

Долго отдыхать у Тимы не получилось, ведь близился вечер, а значит — нужно было побеспокоиться о ночлеге. Впрочем, для попаданца, это не представляло особой сложности, ведь он вновь был в лесу, в таком знакомом, ставшим уже привычным, мире.

Сложнее всего, что совсем не удивительно, оказалось сделать достаточно удобную лежанку. Пока Тима ломал и таскал ветки для нее — не раз с болью вспоминал свой такой хороший, уютный, а самое главное — легкий, гамак, брошенный пиратами на месте его последней сухопутной стоянки в том мире.

Ужин не выделялся ничем особенным и прошел очень буднично. Разве что, попаданец сделал себе небольшую мысленную зарубку на ближайшее будущее — поискать воду. Конечно, у него, в трофейной Гадааровской фляге, еще имелся ее небольшой запас, однако, даже при крайне экономном потреблении, надолго ее не хватит. А солонина, как это ни удивительно, была крайне соленой и пить, Тиме, хотелось постоянно.

Несмотря на то, что тревога отступила, попаданец, все же не стал пренебрегать собственной безопасностью и отправил на всю ночь двух своих духов — рабов патрулировать окрестности. Те, судя по всему, были не особо то и рады своим новым обязанностям, однако послушаться не осмелились и, что — то недовольно бурча, покорно разошлись каждый в свою сторону, А Тиме, если честно, было плевать на чувства тех, кто пытался его убить, поэтому и угрызений совести он никаких не испытывал.

Ночь прошла, на удивление, спокойно и ему, наконец — то, удалось выспаться, вследствие чего, настроение у попаданца было просто великолепным. И его даже не смогли испортить хмурые рожи Гадаара и Лона.

— Ну чего вы такие смурные? — поинтересовался он у своих духов — рабов, явившихся на его зов, — вам же, все равно, спать не нужно.

— И что, что, раз не нужно, то мы теперь и не люди вовсе? — вопросом на вопрос ответил ему бывший боцман.

— А что, люди? — не остался в долгу попаданец. И Лон не нашелся что на это ответить, ведь чисто технически — они и правда небыли людьми, поэтому, он лишь пробурчал что — то невразумительное. — Ладно, валите обратно в серп, охраннички, — смилостивился над ними Тима, и те, мгновенно выполнили приказ.

— И чем они, интересно, недовольны? — поинтересовался сам у себя, попаданец, — глядишь и профсоюз тут мне устроят, с забастовками. Нет, надо с ними пожестче быть, а то они, видимо, забыли кто тут главный.

Приняв столь неприятное для духов — рабов решение, Тима с удовольствием

позавтракал и уже собрался, было, выдвигаться в дальнейший путь, когда, вдруг, осознал, что так и не определился с направлением. В принципе, ему было совершенно фиолетово куда именно идти, важнее было именно придерживаться выбранного маршрута, так как он прекрасно осознавал насколько легко заблудиться в незнакомом лесу. Компаса у него не было, поэтому пришлось ориентироваться тем способом, которому учат в школе — по мху на деревьях. И тут-то и выползла та особенность местного леса, которую Тима подсознательно замечал, однако не осознавал. Дело было в том, что деревья в этом лесу были очень и очень странные. Нет, сами по себе они были нормальными, причем, очень даже привычными попаданцу — разные дубы, сосны и прочие осины. Странным в них было то, что, казалось, каждое из них растет в своем собственном времени года, никак не зависящем от того, что стояло сейчас.

И, если наличие рядом друг с другом, цветущего и сбросившего листья, деревьев еще можно было как — то объяснить, то вот покрытое инеем, отстоящее от них всего на пару метров — уже сложнее.

Естественно, в таких условиях, ни о каком мхе речи быть не могло. Поэтому, Тиме пришлось ориентироваться по солнцу, периодически мелькающему, сквозь кроны деревьев. Идти решил на юг. Почему выбрал именно это направление? Четко ответить на этот вопрос не смог бы и он сам. Просто ему так захотелось.

Лес, несмотря на все свои странности, мало чем отличался от тех лесов, которые ему доводилось посещать еще дома. И он, как и все нормальные леса, был полон жизни. Слышалось пение птиц, шебуршение каких — то мелких зверей. Тима заметил даже белку, причем не какую — нибудь белку — мутанта, огромных размеров, с огромными клыками, так и сочащимися ядом, нет — всего — навсего, обычную рыжую попрыгунью. И вот такие простые, практически родные, звуки сделали великолепное настроение попаданца еще лучше.

Подобный настрой сохранился и вечером, когда он, хоть и усталый, но крайне довольный тем, что все же смог отыскать небольшой ручеек, устраивался рядом с ним на ночлег. И, даже, подготовка спального места не смогла его испортить, не говоря уже о хмурых рожах духов — рабов, отправленных в очередной ночной дозор.

На следующий день новизна ощущений схлынула, пение птиц, как и раньше, стало лишь фоновым шумом, а Тима, хоть и сохранил позитивное расположение духа, но более не напоминал самому себе жизнерадостного идиота, готового восторгаться любой мелочью. Что послужило причиной подобному скачку настроения, попаданец не знал. Была ли это особенная энергетика этого места, или ему просто снесло крышу после полутора месяцев адской жизни в незнакомых условиях. Сейчас это было не важно. Главное, что наваждение схлынуло и, теперь, он мог мыслить трезво.

Ни в этот, ни в следующий, ни в следующий — следующий, день ничего интересного не происходило. Тима просыпался, завтракал и отправлялся в путь. Шел, примерно, до обеда, делал небольшой привал, обедал, и двигался дальше. Вечером же готовил себе спальное место, ужинал и засыпал, дабы утром проснуться и вновь отправиться в путь.

Правда, в последние два дня, пришлось немного урезать себе паек и отказаться от обедов — пищи оставалось неприлично мало и, вскоре, попаданцу грозил голод. А способов ее добыть он пока не видел. Охотиться было, вроде бы, не на кого, да и нечем. Из растительной пищи ничего съедобного он тоже не замечал. Вот и получалось, что если он, в ближайшее время, не наткнется на что — нибудь, что поможет раздобыть ему еду, то ему

придется жрать личинок разных жучков. Коих, как он уже убедился, было очень много в трухлявых стволах упавших деревьев. Личинок совершенно не хотелось, хотя и знал, что те невероятно питательны и в них полно белка.

Впрочем, проблема с потенциальным отсутствием пищи, решила для Тимы как — то вдруг и совсем не тем способом, на который он рассчитывал. Дело было на пятый день его нахождения в лесу. Попаданец шел, как и раньше, периодически сверяясь с солнцем, дабы не сбиться с пути и внимательно рассматривая окрестности на предмет чего — нибудь интересного, опасного или съестного, как вдруг, ухнул куда — то вниз.

Около минуты ему понадобилось на то, чтобы утихомирить паникующее сознание и начать хоть что — то соображать. Еще некоторое время ему понадобилось на то, чтобы перестать кувыркаться в воздухе и выровнять свое падение. И да, все это время он падал, причем куда — не видел, все вокруг застилал невероятно плотный туман. Нужно было что — то делать и первое, что пришло ему в голову — это позвать Гадаара.

Тима прокричал имя своего духа — раба, однако ничего не услышал — ветер напрочь сносил все звуки. Но, Гадаар все же услышал попаданца и проявился рядом с ним, чтобы тут — же улететь куда — то вверх. И появиться снова. И снова улететь. На третий раз он все же сообразил ухватиться за рукоять серпа, по — прежнему торчащего у попаданца за поясом. И серп послужил якорем, удерживающем духа — раба рядом с хозяином.

— Помоги! — завопил Тима, совершенно забыв, что может общаться с Гадааром мысленно.

— Как мне тебе помочь? — раздался у него в голове знакомый голос.

— Не знаю! Просто помоги! — вновь заорал попаданец. Он и сам не знал на что рассчитывает и не представлял чем ему может помочь бестелесный дух молодого шамана. Однако, тот, к его удивлению, все же смог.

— Тебе повезло, что вокруг тебя много каверн, — вновь раздался у него в голове спокойный голос Гадаара, — попытайся забраться в одну из них.

— Где они, я их не вижу?! — закричал Тима, чувствуя, как на него вновь накатывает приступ паники.

— Ближайшая будет вон там, — молодой шаман указывал куда — то вниз и в сторону, — постарайся добраться до нее.

— Как ты себе это представляешь?! — возмущенно заорал попаданец, однако вспомнил виденные им некогда ролики, снятые скайдайверами и попытался, подражая им, управлять падением, меняя положение своего тела. Дело это было нелегкое и получилось не сразу, поэтому каверну, Тима прошляпил. И следующую тоже. И еще одну.

— Вон там последняя каверна, — показал Гадаар куда — то в сторону, — не попадешь в нее — считай, что ты покойник.

— К — к — к — ак так?! — даже начал заикаться от услышанного, Тима.

— Вот так, — спокойно ответил молодой шаман, — там дно. Так что, у тебя остался всего один шанс.

И попаданец, подумавший было, что Гадаар его просто разводит, посмотрел вниз и действительно увидел, сквозь разошедшиеся в стороны облака, стремительно и необратимо приближающуюся к нему зелень какой — то огромной равнины.

— Сейчас! — услышал он у себя в голове приказ молодого шамана и подчинился ему, направляя свое тело в указанную Гадааром точку. Последнее, что он увидел, перед страшным ударом, погасившим его сознание, было то, как зеленая равнина сменяется на серо —

стальную, а та, в свою очередь, резко прыгает на него.

Мистресс Лилиана Ирри отдыхала на берегу одного из притоков Гильмы — реки, впадающей в Орслинскую бухту. Здесь находилось ее загородное поместье и здесь она могла, наконец-то, побыть наедине сама с собой, в отрыве от всей той суеты, что окружала ее весь последний год.

Она уютно расположилась в небольшом шезлонге, стоящем всего в какой — то паре метров от серой глади Гильмы. Теплый шерстяной плед надежно защищал ее от пронизывающего осеннего ветра, то и дело, налетающего со стороны воды. А горячий чайник, стоящий на специальном столике, был уместным дополнением.

Впрочем, в ее случае, чай всегда был уместен. Дело в том, что Мистресс Лилиана очень ценила этот дорогой и очень редкий, в их краях, напиток. В Дастнару его привозили аж из самой Жеды, находящейся так далеко, что некоторым караванам не хватало и года на путь туда и обратно. Так что не удивительно, что со столь редким продуктом мало кто умел правильно обращаться. Однако, Мистресс Лилиане повезло, что ее главная повариха — пожилая рабыня Руфи, была настоящим мастером по части заваривания чая.

Впрочем, справедливости ради, никакого везения тут не было, ведь леди Имана Ирри — мать Лилианы, в свое время очень постаралась, обучая, тогда еще молодую, рабыню всем премудростям правильного ритуала чаепития. Именно тогда, по началу наблюдая за этими занятиями, а после и участвуя в них, маленькая Лилиана и полюбила этот напиток. И теперь, когда она осталась одна, лишь терпкий вкус правильно заваренного жедийского чая, напоминал ей о временах, когда все было по другому, когда все было просто и понятно, когда были живы родители.

— Госпожа Лилиана, — вырвал ее из задумчивости голос Далофа, дворецкого и, по совместительству, мужа Руфи, — обед будет готов через час. Где прикажете накрывать на стол?

— Спасибо, Ди, — на волне ностальгии, назвала она его так, как называла в детстве, — накрывай в столовой. Сделаем все по правилам, как ты любишь, — она усмехнулась, вспомнив как ее верный раб зудел накануне о том, что благовоспитанным леди не пристало называть одного из младших чинов палаты магов, Мастера Туроса, кастрированным козлом, даже если он им и является. В этом был весь Далоф — четкое, даже чопорное, следование традициям и бесконечная преданность.

— Слушаюсь, госпожа, — ответил он и уже собирался уходить, как внезапно, раздался громкий всплеск со стороны реки.

— Ты видел? Видел? — Лилиана вскочила на ноги и повернулась к дворецкому, — кто — то упал в реку! Просто появился над водой и упал! Надо помочь ему!

— Позвольте мне, — двинулся, было, к воде Далоф.

— Нет, лучше, беги за Митри, думаю помощь целителя сейчас будет не лишней. И позови тех двух молодых рабов, что я неделю назад купила. Думаю они пригодятся. Все, выполняй. — Сейчас Лилиана ничуть не напоминала ту хрупкую и печальную девушку, что несколько минут назад хандрила на берегу реки, нет, теперь она была настоящей мистресс — решительным, умным и четко понимающим как именно нужно действовать, магом.

Она больше не смотрела в сторону Далофа, прекрасно зная, что этот опытный человек сделает правильно и выполнит ее приказ так, как нужно. А значит — больше нет смысла

отвлекаться на него и стоит сосредоточиться на ее неожиданном госте, кем бы тот ни был. Она не успела заметить кем именно был тот человек, что так экстравагантно прибыл в ее поместье, но знала, что простые люди из воздуха не материализуются, а значит — он или она, скорее всего, был магом. Хотя и о магах, которые могут подобное, она тоже никогда раньше не слышала, но все когда — нибудь случается впервые. Поэтому, она решила пока ее или его считать магом. А первое правило, которое ей вдалбливали ее наставники, заключалось в том, что при общении с другими магами, безопасность — это главное. Поэтому, первым, что сделала Мистресс Лилиана, после того, как отдала приказ своему дворецкому, было изменение тока энергий в ее физическом теле таким образом, чтобы они искажали магическое поле, вокруг нее. Подобные манипуляции совсем недолго, но могли защитить от большинства магических воздействий, заставляя их «соскальзывать» с ее мистического тела.

Сразу после того, как озаботилась защитой от магии, Лилиана, обеспечила себя возможностью дышать и видеть под водой. Подобное достигалось при помощи, особых энергетических конструкций — алгоритмов, один из которых крепился в районе носоглотки и работала по принципу жабр, а второй, просто — на просто отталкивал воду от глаз. А вот без защиты от влаги пришлось обойтись — та работала по сходным, с магическим щитом, принципам, и, следовательно, вместе их использовать было невозможно.

Закончив с подготовкой, на что у нее ушло не больше десятка — другого, секунд, Мистресс Лилиана, коротко разбежавшись, прыгнула в холодные и неприветливые воды Гильмы, так как ее некогда учил отец.

Вода была мутной и жутко холодной, но, несмотря на свое положение, ей доводилось сталкиваться и с более неприятными вещами, впрочем, как и всем более-менее толковым магам, поэтому это не стало большой проблемой.

Тело ее незваного гостя, она нашла спустя минуту активных поисков, причем на значительном расстоянии от того места, где он упал. Обхватив парня, а теперь она четко видела, что это парень, одной рукой, другой она начала активно грести, активно помогая себе магией, вытаскивая того на поверхность. А там ее уже ждали два свежеприобретенных раба, один из которых подхватил ее гостя, а второй, попытался, было, помочь ей самой. Но Лилиана лишь отмахнулась от него и сама уверенно поплыла к берегу, где уже сустились Далоф и Митри.

— Давай, клади его сюда, — приказала рабу целительница, когда он, наконец, дотащил парня до берега. Обычно тихая и скромная, сейчас, Митри была решительна и категорична. — Сними с него одежду, — последовала новая команда.

— Красивый, — тихо заметила Лилиана, стоящему неподалеку от нее дворецкому, кутаясь в, предусмотрительно принесенное им полотенце. — Жалко будет, если погибнет.

Далоф лишь пробормотал что — то неодобрительное, но от дальнейших комментариев отказался. Он никогда не спорил со своей хозяйкой при посторонних. Особенно при слугах и рабах. Считал, что подобное задевает ее честь.

— Ну что там? — поинтересовалась Мистресс Лилиана у их семейной целительницы.

— Состояние средней тяжести, госпожа. Я могу его вылечить, однако, для полного выздоровления, ему понадобится много времени и хороший уход.

— Вот значит как, — задумчиво протянула она, рассматривая смуглого, черноволосого парня, лет шестнадцати от роду, одетого в какое — то рванье, причем такое, что его постеснялся бы надеть даже последний нищий. Но, вот, нищие не появляются внезапно из

воздуха и не падают сами по себе в реки. В этом парнишке была какая — то загадка, а она очень любила загадки. — Делай, что должно, — приказала она, обращаясь к Митри, — Далоф, посели его в гостевой спальне, обращайся с ним, как с моим гостем. Только, передай Юлиусу, чтобы не выпускал его из дома. Пока не выпускал.

— Да, госпожа, — ответил Далоф, впрочем, не сдвинувшись с места. Целительница же просто кивнула и начала отдавать какие — то указания стоящему рядом с ней рабу.

— Ты куда вылупился, падла? — внезапно прошипел Далоф, делая шаг ко второму рабу, который сейчас стоял и пялился на Мистресс Лилиану, а точнее на ее крупную грудь, с торчащими от холода сосками, обтянутую мокрым, а следовательно, ничего не скрывающим, платьем. Раб поспешно убрал взгляд и попытался было что — то сказать, однако было уже поздно и Далоф, даром что был на голову ниже и лет на тридцать старше, одним точным ударом в челюсть свалил этого наглеца. Хотел, было, добавить еще ногой, но Лилиана его остановила:

— Прекрати. Негоже дворецкому столь важной госпожи, как я, — сказала она, явно подражая чьему — то нравоучительному голосу, — лично заниматься наказанием рабов. Отдай его Юлиусу, — перешла она на свой обычный тон, — а лучше — вообще забудь. Он хоть и раб, но все же мужчина. Не могу же я наказывать за его природу. Тем более, ведь не случилось же ничего страшного, — добавила она, поплотнее укутываясь в полотенце. — Лучше проводи меня в дом, скажешь Руфи, что я желаю новую порцию чая. А этот, — кивок в сторону все еще лежащего на земле раба, — пусть займется делом. Он будет полезнее в быту, чем валяясь с поротой задницей.

— Слушаюсь, госпожа, — кивнул дворецкий и, пропустив свою хозяйку вперед, двинулся за ней к дому.

— Так это был всего лишь сон, — это было первое, что произнес Тима, придя в себя и осмотревшись по сторонам, — все эти чертовы джунгли, корабли, духи, — все было лишь сном. Как хорошо. — Он лежал на настоящей кровати, застеленной чистым, пахнущим тем особым запахом свежести, что присущ хорошо выстиранному белью, под головой у него лежала мягкая подушка. А комната, совсем не походила ни на трюм корабля, ни на тот странный лес. Правда, она также не походила ни на его родную комнату — уж слишком эта была шикарно и как — то старомодно, что ли, обставлена, ни, уж тем более, на больничную палату. А палата, была бы, очень уместна при том состоянии, в котором находился молодой человек. Если бы Тиму спросили что именно у него болит, то проще было бы перечислить те части тела, которые сейчас не болели.

Послышались чьи — то голоса на незнакомом молодому человеку языке и над ним склонилась милостивая, средних лет женщина, с веселыми морщинками вокруг глаз.

— Здравствуйте, — как и положено воспитанному человеку, — поздоровался с ней Тима.

Женщина улыбнулась, что сделало ее еще более милой и что — то спросила. Все на том же, незнакомом ему языке.

— Я вас не понимаю, — попытался улыбнуться в ответ Тима, однако, его организм, очевидно, еще не был готов к подобным подвигам и, вместо улыбки, он одарил женщину гримасой боли. На ее лицо набежала тучка, а улыбка исчезла. Теперь на лице женщины читалась лишь озабоченность, а в глазах появилась тревога. Она, на миг, отвернулась от Тимы и кому — то что — то сказала приказным тоном. И ей тут же передали кружку с какой

— то, так и исходящей паром, жидкостью. Женщина осторожно приняла кружку и повернувшись к Тиме, просунула руку под его подушку, приподнимая голову, и с, все той же, доброжелательной улыбкой что — то сказала.

Естественно он понял чего от него хотят. И сейчас стоило решить — принимать ли какое — то незнакомое питье от незнакомых людей или нет. Впрочем, Тима был реалистом и хорошо понимал, что выбора у него, по сути, и нет. В таком состоянии он даже с этой женщиной не справился бы, а в комнате она была, явно, не одна. С другой стороны — если бы ему хотели навредить, то, вряд ли, селили в таких шикарных апартаментах и так возились с ним. Поэтому, он решил не обижать заботливых хозяев и покорно выпил весь, оказавшийся очень приятным на вкус, отвар. Последнее что он увидел, перед тем, как провалился в забытье, были добрые глаза с веселыми морщинками, вокруг них.

Мистресс Лилиана вернулась в свое загородное имение после невыносимо утомительных переговоров с их семейным адвокатом, которому, вдруг, понадобилось ее личное присутствие для того, чтобы утрясти «несколько вопросов» по поводу ее вступления в наследство.

— Далоф, — обратилась она к дворецкому, что, как всегда, предупредительно, распахнул перед ней дверь в дом, — распорядись насчет чая и отправь кого —нибудь в мой столичный особняк, к Титусу. Передай, чтобы он забирал все свои бумажки и перебирался сюда. Следующие несколько недель я проведу тут.

— Слушаюсь, госпожа. Обед уже готов, госпожа. Он ожидает Вас в малой столовой, — доложил дворецкий, — распорядитесь прислать с господином Титусом других слуг?

— Нет, — отрицательно покачала головой Лилиана, — обойдусь твоими услугами.

— Госпожа, леди в вашем положении непри...

— Далоф, не начинай, пожалуйста, — устало попросила она, снимая с себя дорожную одежду и передавая ему.

— Но...

— Далоф, — тихо произнесла она, но в ее голосе сейчас было столько стали, что дворецкий понял, что дальше настаивать нет смысла.

— Слушаюсь, госпожа, — вновь поклонился он, — еще что —нибудь?

— Нет. Хотя... Да. Где Митри?

— Она у вашего... гостя, — ответил Далоф, умудрившись вложить в эту паузу все свое отношение к молодому парню, что уже два дня валялся без сознания в гостевых покоях.

— Могла бы и сама догадаться, — пробормотала Мистресс Лилиана себе под нос, — хорошо, после обеда, пусть она и Юлиус подойдут в малую столовую. Я хочу с ними поговорить.

— Слушаюсь, госпожа, — поклонился дворецкий и забрав ее дорожную одежду, отправился на кухню, давать распоряжения Руфи. Сама же Лилиана еще некоторое время посидела в гостиной, после чего направилась в малую столовую.

За обедом ей прислуживала сама Руфи, считающая, как и ее муж, что не все слуги достойны лично прислуживать Мистресс. Впрочем, она отчасти была права, ведь Лилиана была довольно безалаберна по части этикета, что естественно не касалось ее выходов в свет, и слугам, особенно молодым, позволяла гораздо больше, чем ее родители. Даже в наказаниях была гораздо терпимее. Вот те и распустились. И, если в ее столичном особняке прислуга состояла, в основном, из «старой гвардии», вышколенной еще ее родителями и

поддерживаемой в тонуе Далофом, то здесь, в загородном поместье, в служанках ходили, в большинстве своем, лишь молоденькие рабыни, от которых глупо было бы требовать чего — то серьезного. Вот так и получилось, что неопытные слуги занимались какой — нибудь черновой работой, а прислуживали ей верные дворецкий и главная кухарка.

Обед прошел так как положено и, когда она насытилась, а молодые рабыни быстренько все убрали со стола, Мистресс Лилиана громко произнесла, зная что Далоф находится где — то неподалеку и ждет ее распоряжений:

— Далоф, зови Митри и Юлиуса.

— Мы уже здесь, госпожа, — ответил за них двоих высокий, средних лет мужчина, с сильными руками и волевым лицом, одетый в хорошую кольчугу двойного плетения и с полуторным мечом на поясе, входя вместе с целительницей в зал и кланяясь своей госпоже.

— Присаживайтесь, — кивнула Мистресс Лилиана на стулья, находящиеся напротив ее и рассказывайте. Начни ты, Юлиус, — повернулась она к своему начальнику охраны.

— Да рассказывать то особо нечего, госпожа, — пожал плечами тот, помогая усесться целительнице, а после присаживаясь сам, — мои парни надежно охраняют ваш покой. Как и всегда. Ничего необычного, с момента моего последнего доклада не произошло.

— Я, вообще — то, хотела побольше узнать о нашем госте, — уточнила Лилиана свой вопрос.

— С ним все очень странно, — начал Юлиус, постукивая пальцами по столешнице, была у него такая привычка, когда он о чем — то задумывался, — парень явно не из наших краев. Слишком смуглый, да и выглядит не так, как местные. Я бы сказал, что он откуда — то из Жебы или Хэдрэ, но я могу ошибаться. А еще, он говорит на каком — то незнакомом мне языке, а наш, судя по всему, не понимает.

— Он говорил? — несказанно удивилась Лилиана, — он что, приходил в себя?

— Да, госпожа, — слегка смущенно ответила Митри, — недалече как час назад он пришел в себя и заговорил на каком — то, незнакомом мне, очень грубом языке. Я попыталась с ним поговорить, однако он меня явно не понимал, а еще ему было очень больно, поэтому я дала ему оздоровительный отвар и сейчас он снова спит.

— Незнакомый язык, — задумчиво проговорила Лилиана, — Далоф! — позвала она дворецкого и тот тут же вошел в комнату.

— Да, госпожа? — спросил он с поклоном.

— Ты еще не отправил посыльного в столицу?

— Нет, госпожа, как раз собирался это сделать.

— Отлично. Пусть, тогда, кроме Титуса сюда прибудет мастер Ильви. Он вроде бы неплохо разбирается в диалектах дальних стран.

— Слушаюсь, госпожа, — вновь поклонился Далоф, — еще что — нибудь?

— Нет, пока все, — жестом отпустила она дворецкого, — есть еще что — нибудь? — обратилась она уже к Юлиусу.

— Есть, — согласно кивнул он и выложил на стол очень странный кинжал — серп, казалось сделанный из куска льда, — вот это было заткнуто у него за пояс.

— Ничего себе, — поражено проговорила Мистресс Лилиана, внимательно рассматривая найденный у парня артефакт и пытаясь на него воздействовать своей силой, — ты уже выяснил зачем он нужен?

— Нет, госпожа, — отрицательно покачал головой Юлиус, который и сам был достаточно неплохим магом, хоть и отдавал большее предпочтение занятиям с мечом, — я

проверил его по методике Ирвина. И ничего. В данном предмете нет совершенно никакой магии.

— Вижу, — задумчиво откинулась на спинку стула Лилиана, только что, как и начальник ее охраны ранее, просканировав серп по алгоритму Магистра Айло Ирвина. Данный способ был общепризнанно лучшим способом по определению особых свойств, энергонасыщенности и материала изготовления разнообразных артефактов. И, не было еще ни одного раза, когда он не сработал бы. Этим, собственно и отличался алгоритмический способ магического искусства — четкостью и выверенностью. Используя определенные алгоритмы маг всегда знал что именно получит в итоге. И, будучи, по своей сути, интуитом, Мистресс Лилиана все же признавала, что классическая магия, в большинстве своем, полезнее, так как очень надежна и, как правило, не дает сбоев. И вот сейчас классический способ не сработал.

Девушка решила проверить артефакт по-своему. Для чего, усилием воли, нарастила на своем мистическом теле, в районе глаз, нечто вроде линз, которые, по ее задумке, должны были показать ей оное у артефакта. Собственно, артефакты тем и отличались от простых предметов — у них, как и у магов, имелось мистическое тело. А у этого не было.

Лилиана, было, подумала, что в чем — то ошиблась, такое частенько бывало у интуитов. Однако, для проверки, бросив взгляд в сторону Юлиуса, и увидев его мистическое тело, поняла, что сделала все правильно. Из всего этого следовало, что перед ней на столе лежит обычный, ничем не примечательный предмет. И это было странно — уж очень необычным был этот серп, уж слишком странные материалы пошли на его создание. Таких она никогда ранее не видела.

И тут, к ней пришло озарение — посмотреть на артефакт так, чтобы видеть не мистическое, а тонкое тело, сиречь — душу. Это была, по своей сути, чушь несусветная — вещей с тонким телом не существовало в принципе. Однако, сейчас, видимо, сработал ее дух интуита, который кричал, что так будет правильно, что это нужно. И она подчинилась, немного перестроив свои «линзы» таким образом, чтобы видеть тонкое тело и взглянула на серп.

— Не может быть, — потрясенно прошептала она, рассматривая ледяной серп.

— Госпожа? — в голосе Юлиуса явно слышалось беспокойство.

— Он живой. Клинок живой, — проговорила она, по — прежнему замороженно рассматривая лежащий перед ней на столе артефакт.

— Что? Но, ведь так не бывает. Это ведь противоречит...

— Всему тому, что нам говорит клирикат, да, — перебила Мистресс Лилиана начальника своей охраны. Видимо, я все же не зря, приютила у себя этого парня. Очень уж он необычным оказался. Кстати, Митри, как там у него дела? — посмотрела она на целительницу, возвращая свое мистическое тело в нормальное состояние.

— Все в порядке, госпожа. Ваш гость идет на поправку. Как я уже говорила, он уже приходил в сознание, из чего следует, что он имеет достаточно крепкий организм. Думаю, что через дня три — четыре он придет в себя окончательно, а полностью выздоровеет где — то через месяц.

— Я тебя поняла, можешь быть свободна, — кивнула она целительнице и та, встала из — за стола и, поклонившись, покинула комнату.

— Далоф! — дождавшись когда Митри покинет комнату, позвала девушка.

— Да, госпожа? — Тут же материализовался дворецкий.

— Проследи, чтобы нам не мешали, — коротко приказала она.

— Да, госпожа, — поклонился пожилой дворецкий и вышел.

— Что — то случилось, госпожа? — тут же, подобно охотничьему псу, подобрался Юлиус. Он знал, что Далоф не просто раб и не просто дворецкий и подобные приказы со стороны Мистресс Лилианы значили, что разговор сейчас пойдет серьезным.

— А сам как думаешь? — вопросом на вопрос ответила девушка.

— Все дело в этом артефакте? — поинтересовался начальник охраны, кивнув на так и лежащий на столе серп. — С ним что — то не так?

— Ты меня расстраиваешь, Юлиус, — с наигранной печалью в голосе ответила Мистресс Лилиана, — конечно с ним что — то не так. Ты же мне сам это сказал. Перед тобой лежит опровержение всего того, что нам годами рассказывали наши «пастыри духовные».

— Но, ведь это мелочь же, разве нет? Какая разница есть ли душа у этого артефакта?

— Юлиус, Юлиус, ты же служишь моей семье столько лет... А ладно, чего, от тебя, вояки и классика еще ждать. Из подобных мелочей и складывается репутация. Если они наврали в одном, то не может ли статься так, что наврали во всем остальном? А может никакой «Мировой Души» не существует? А может после смерти люди не объединяются с ней? Ты вообще представляешь что будет, если сервы, рабы и свободные начнут задавать ненужные вопросы клирику?

— Будет много крови. — Коротко заметил начальник ее охраны.

— Именно. И что, ты думаешь пэриат и конклав останутся в стороне?

— Не останутся, — согласно кивнул он. Никто из представителей любой из палат никогда не упускал шанса поставить подножку одному из двух других своих заклятых друзей.

— Вот — вот, — согласно кивнула Мистресс Лилиана, — поэтому об этом, — она кивнула в сторону артефакта, — молчок. И проверь всех тех, кто мог слышать наш разговор.

— Далоф... — начал было Юлиус, однако его хозяйка его прервала:

— Он тоже проверит и доложит лично мне. Ведь так? — обратилась она в пустоту.

— Да, госпожа, — послышался невозмутимый голос дворецкого из — за двери.

— Еще что —нибудь интересное у моего гостя было? — поинтересовалась девушка у своего начальника охраны.

— Была небольшая котомка с разного рода хламом и едой.

— Что за хлам?

— Ничего особенного, — пожал он плечами, — разные травы, сушеные грибы, нечто вроде соли.

— И где эта котомка? — поинтересовалась девушка.

— Лежит в гостевых покоях. Я не нашел там ничего, что потенциально могло бы вас заинтересовать. Мне принести ее?

— Не нужно, — после некоторой паузы ответила она, — я сама на нее взгляну. Позже. Еще что —нибудь? Нет? Тогда можешь идти.

— Всего доброго, госпожа, — поднялся со стула Юлиус и так же, как до этого, Митри, поклонившись, вышел из комнаты. А Мистресс Лилиана еще долго сидела на своем месте, пила чай и рассматривала вещь, которой просто не могло существовать.

Тима, наверное, мог бы назвать эти несколько недель, прошедших с момента его первого прихода в сознание, лучшим, что случилось с ним после попадания. Он находился в уютной постели, сытно ел, за ним ухаживали и лечили. Даже боль, терзавшая его в первые дни, почти сошла на нет. Казалось — живи себе в свое удовольствие, выздоравливай, однако, как всегда, было несколько «но», тревоживших его.

Первым, естественно, было непонимание того где он находится и что с ним планируют делать. Да, пока с ним обращались довольно хорошо, но ведь именно, что «пока». Что этим людям может взбрести в голову в будущем — было неизвестно.

Вторым «но», терзавшим попаданца, были непонятки с его вещами, а в частности — с серпом. Тима лежал в кровати абсолютно голым, а значит, что вполне логично, все его вещи кто — то забрал. И он подозревал кто именно — слишком уж внимательно смотрел на него высокий, черноволосый мужик с шикарными баками, что периодически навещался к нему и о чем — то разговаривал с женщиной — врачом, которая и ухаживала за попаданцем все это время. А то, что мужик непростой, было понятно не только по внушительному мечу, висевшему на его поясе, но и по цепкому, пронзительному взгляду, который Тима, частенько ловил на себе.

Попаданец, конечно, пытался выяснить, что стало с его вещами, однако тут встало третье «но» — языковой барьер. Единственное что он смог узнать, что женщину зовут Митри, а странного мужика — Юлиус.

И было бы все не так уж и плохо, и барьер был бы не барьер, если бы не очередное, на этот раз последнее, «но». «Лохматое чудовище», именно так, Тима прозвал своего нового учителя. Мастер Ильви был невысок, тощ и задирист. Легко выходил из себя и так же легко успокаивался. Каждый раз, когда попаданец смотрел в сторону своего нового наставника, у него создавалось впечатление, что перед ним находится старый, облезлый, пудель, каким — то чудным образом, научившийся ходить на задних лапах.

Во время их первой встречи, когда пожилой господин пытался разговаривать попаданца, пользуясь, судя по отличающемуся произношению, разными языками, он показался Тиме безобидным и в меру добродушным дядечкой. Однако, впоследствии, когда начались их занятия — мнение попаданца о нем кардинально изменилось. Он даже начал немного побаиваться своего наставника, хотя кроме криков, никаких других актов агрессии с его стороны не было.

Да, вот так, нежданно — негаданно, Тима вновь оказался на школьной скамье. Или правильное сказать: «кроватьи»? Как бы то ни было — как только попаданец пошел на поправку, мастер Ильви, в компании здоровенной, едва ли не больше него самого, книжищи, каждый день начал навещать к нему в комнату и по несколько часов подряд насиловать ему мозг, пытаясь научить местному языку.

Справедливости ради, стоит заметить, что несмотря на мерзкий характер и карманный деспотизм «лохматого чудовища», тот оказался толковым специалистом и, при помощи только одного «Атласа Знаний» — книги с картинками и подписями, которую местные аристократы использовали для обучения своих детей письму, за несколько недель сумел подтянуть уровень знаний попаданца до приемлемого для общения уровня.

— Глупый дикарь! Правильно произносить «толееари», а не «толейори», неужели так

сложно запомнить? — в очередной раз разорвался мастер Ильви, совершенно не обращая внимания на то, что за его спиной открылась дверь и внутрь прошла целая делегация, состоявшая из девушки и двух мужчин. И, если Юлиуса, Тима уже знал, то с пожилым мужчиной, что держался с настолько прямой спиной, что казалось, будто он проглотил швабру и девушкой, он знаком еще не был.

Попаданец внимательнее всмотрелся в их лица. И, если про мужчину, он не мог сказать ничего особенного — мужик, как мужик, разве что выражение лица какое — то кисло-кисло — надменное, то на девушке взгляд его задержался надолго. Она была чудо как хороша — длинные, блестящие, черные волосы, карие, очень выразительные глаза, в которых, однако, сверкала сталь, правильные черты лица, изящный изгиб губ, — все это создавало эдакий образ беззащитной силы.

— Да ты же меня не слушаешь! — «лохматое чудовище» наконец заметил, что его ученик сейчас где угодно, но только не здесь и, проследив за его взглядом, обернулся, — о, Мистресс Лилиана, прошу простить мне мою неучтивость, я слишком замотался с этим варваром, — проговорил он, уважительным голосом, вставая со стула, на котором сидел и кланяясь девушке.

— Ничего страшного, мастер Ильви, — улыбнулась та, — не могли бы вы оставить нас на некоторое время?

— О, конечно — конечно, — засуетился мастер, спешно собирая листы бумаги и писчие принадлежности, разбросанные то тут то там. Закончив со сборами, он еще раз поклонился и вышел за дверь.

— Добрый день, уважаемый, — обратилась девушка к Тиме, садясь на стул, на котором недавно сидел его учитель, Юлиус и «кисломордый», остались стоять за спиной у девушки, — мастер Ильви сообщил мне, что вы уже достаточно хорошо знаете наш язык, чтобы мы могли с вами поговорить. Для начала, расскажите, пожалуйста, как вас зовут и все ли вас устраивает у меня в гостях? — она замолчала, ожидая ответа от попаданца. А тот, баран бараном, продолжал пялиться на нее, совершенно пропустив мимо ушей то, что она сказала. И, лишь спустя некоторое время, когда уже давно надо было что — то отвечать, Тима не придумал ничего лучше, чем признаться:

— Простите, госпо...жа, я быть очарован ваша прелесть... э — э—э, красота, и не понять... спрашивать.

— Видимо, мастер Ильви слегка приукрасил свои достижения, — задумчиво проговорила девушка себе под нос. — Я спросила как вас зовут и все ли вас устраивает, — медленно повторила девушка, смотря прямо в глаза Тиме.

— Меня называть Тималь. И мне все здесь нравится, благодарно, — старательно выговаривая слова, представился попаданец.

Над своим ником, когда в нем появилась нужда, Тима совершенно не заморачивался. Идея просто соединить первые буквы своих имени и фамилии пришла к нему как — то сама — собой. Так и превратился обычный паренек Тима Лисин в Тималиса. И своим интернет псевдонимом Тима очень гордился. Было в нем что — то эдакое, римское. Ему всегда нравился древний Рим и все с ним связанное. Именно этот интерес, как он подозревал, и пробудил в нем любовь к театру и желание поступать в театральное. Что же касается ника — видимо, интернет — приятели Тимы не испытывали столь большого пиетета перед наследием древних римлян, вследствие чего совершенно бесстыдно сократили его до удобного им «Тималья». Некоторое время Тимофей стоически пытался отстоять

справедливость, однако товарищи его совершенно бестактно послали и пригрозили, что если будет выделяться, то его вообще «ткемалью» звать будут. Тиме ничего не оставалось, кроме как согласиться с шантажистами, а спустя некоторое время он сам привык и в сети представлялся не иначе, чем «Тималь». Однако почему он, вдруг, решил использовать его сейчас, при знакомстве с этой девушкой, Тима даже самому себе не мог четко ответить.

— Очень приятно, мастер Тималь, — вновь улыбнулась девушка. И, надо сказать, что она сильно польстила ему, ведь подобное обращение нужно было еще заслужить, но, Тима совершенно этого не заметил. И не потому, что не разбирался в местном, довольно строгом, титуловании, а потому, что улыбка, сделала его собеседницу еще прекраснее. — Меня зовут Мистресс Лилиана, я хозяйка этого дома.

— Мне тоже очень приятный, — попытался взять себя в руки попаданец, — приносит свои извинен, что не моч принимает такой как вы как подобает и совсем голый, — старательно проговорил он, пытаясь подражать манере общения мастера Ильви, — я очень благодарна, нет, благодарен, вы за то, что вы оказался столь добр к я. Если я моч бить полезный, ви только сказать, я буду сделать как могу.

— Для начала расскажите о себе, — задала она первый из интересующих ее вопросов, — и как вы тут оказались.

Тима задумался. Рассказывать все совершенно не хотелось, однако и скрывать что — то от своей прекрасной собеседницы — тоже. Да уж, дилемма. Неужто его угораздило влюбиться? Похоже на то. Но, тогда, тем более не стоит выкладывать все как на духу. Что же делать? И молчать тоже долго нельзя.

— Можно я задать один вопрос, для начал? — решил устроить небольшую проверку девушке попаданец.

Тима увидел, что Мистресс Лилиана удивилась, видимо, не привыкла к тому, что ей кто — то в чем — то перечит. Но выражение удивления не ее лице продержалось не больше секунды, после чего пропало, сменившись на прежнее — доброжелательно — заинтересованное, и, если бы попаданец не смотрел ей все это время прямо в глаза, то, скорее всего, и не заметил бы этой эмоции.

— Спрашивайте, — наконец ответила она.

— Я хотет знат где мой чемодан...саквояж...а, сумка. Я хотет знат где мой сумка и другой вещ. Не мог ли бы вы вернут их я?

— Ты об этом? — вместо девушки, ответил Юлиус, показывая Тимин серп.

— Да, и об этот тоже, — подтвердил Тима, — отдать мне его, будь хорош.

— Ну уж нет, парень, — отрицательно покачал головой тот, — мы знаем что это за вещь и поэтому ты ее обратно точно не получишь.

— Вот значит какой, — задумчиво проговорил попаданец, — тогда, приносит прощение, Лилиана, я ничего не сказать.

— Ой — ли? — все не успокаивался Юлиус, а если я тебе все кости переломаю?

— Юлиус, — коротко бросила девушка, — прекрати.

— Бить больной, как благородно для столь крупный и так хорошо вооруженный воин, — не остался в долгу Тима. Он прекрасно понимал, что доводить здорового вооруженного мужика — плохая идея, однако, решил стоять до последнего. Серп ему был нужен, и, если его не вернут, то нет никакого смысла помогать своим спасителям — пленителям.

— Да я тебя... — начал было мужик, но девушка его снова осадила:

— Юлиус! Прекрати немедленно! — а затем, повернувшись к Тиме и смотря ему прямо в глаза, поинтересовалась:

— Мастер Тималь, если я верну вам артефакт, то у нас с вами будут проблемы?

Тима так и тонул в этих глазах, однако, все же смог собраться с силами и хрипло ответил:

— Нет, прекрасная госпожа, у ВАС, — он специально выделил это слово, — никогда не будет со мной проблем. Клянусь.

— Верни ему артефакт, — коротко приказала она.

— Н — но, госпожа, — попытался, было, возразить мужик, — как можно? Этому дикарю? Он ведь даже разговаривать нормально не может.

— Юлиус! — голос у Мистресс Лилианы стал ледяным. Ты испытываешь мое терпение. Да и что за чушь насчет не умеет разговаривать? Последнюю фразу он произнес на чистейшем дастни.

— Госпожа, — наконец вступил в разговор кислomorдый, — последнюю фразу он произнес на своем варварском диалекте.

— Что за чушь? Я же сама слышала как он говорил, что у меня с ним не будет проблем.

— Боюсь, что Далоф, прав, — подтвердил слова кислomorдого, вояка. — Не знаю как насчет его родного языка, но то что это был не дастни — это точно.

— Это правда? — повернулась она к Тиме, — ты действительно не говорил на дастни?

— Бояться что так, господин, — стараясь не смотреть ей в глаза, дабы лишний раз не спровоцировать свои неуместные чувства, ответил Тима. Он действительно тогда заблудился и дал ей обещание на своем родном языке, чего не понял ни он, ни, судя по всему, она.

— Но как такое может быть? — пораженно проговорила она. — Впрочем, сейчас это не важно, — всего через несколько мгновений вновь взяла она себя в руки, — Юлиус, верни моему гостю его артефакт и вещи. А вы, мастер Тималь, помните о своем обещании и начинайте уже рассказывать. Я, к сожалению, не могу уделить вам сегодня много времени.

Тима молча наблюдал как вояка, с крайне недовольным выражением на лице, отходит в сторону и достает из небольшого комода его потрепанный, выдавший виды рюкзак. После чего, кладет его и кинжал на прикроватный столик и отходит, однако не возвращается на свое место, а становится рядом со своей госпожой. Видимо для того, чтобы, если, вдруг что, защитить ее от Тимы.

— Не бояться, воин. Я обещать леди что у она не будет проблема по причине я, значит не будет. Я держать свое слово. — Усмехнувшись проговорил попаданец, беря в руки кинжал. И едва он к нему прикоснулся — сразу же отступили тревога и неуверенность. Тиме, показалось на мгновение, что он вновь полностью здоров и полон сил. Впрочем, это ощущение быстро прошло, а вот уверенность в своих силах — осталась.

— Гадаар, — мысленно обратился он к своему духу — рабу.

— Да, хозяин? — материализовался он рядом с ним.

И тут произошло странное:

— Тревога! — заорал Юлиус одной рукой выхватив меч, а второй спрятав себе за спину Мистресс Лилиану, после чего, недолго думая, нанес удар прямо по Гадаару. Естественно, тому этот удар не причинил совершенно никакого вреда. Меч прошел прямо сквозь его нематериальное тело и развалил тот самый столик, на котором лежал рюкзак попаданца. К счастью, удар пришелся на одну из ножек столика, так что за свои пожитки Тима мог не

волноваться, а вот то, что Юлиус и, судя по всему, Мистресс Лилиана видели Гадаара — настораживало.

— Не волноваться! Не волноваться! — заорал попаданец изо всех сил, — я все объяснить! Никакой опасности нет! Не волноваться! Гадаар, давай обратно в кинжал.

Тут распахнулись двери и в комнату ворвался небольшой отряд бойцов. Все, естественно, с мечами наголо. Они окружили свою хозяйку и оттеснили ее к себе за спину, после чего замерли, пытаясь понять откуда именно исходит опасность.

— Всё? Успокоились? — раздался холодный голос Мистресс Лилианы. — Значит так. Юлиус, забирай своих дуболомов и отправляйся к Титусу, пусть он заменит столик, — она кивнула на разваленный ударом меча предмет мебели. — Далоф, — повернулась она к кисломордому, — отправляйся на кухню, пусть Руфи приготовит нам с мастером Тималем чаю. Выполняйте.

— Но, госпожа, — Слушаюсь, госпожа, — в унисон отреагировали они.

— Выполняйте, — повторила она, а затем, повернувшись к Тиме произнесла:

— А с вами, мастер Тималь, нам предстоит долгий разговор. И еще, Юлиус, — обратилась она к выходящему последним воину, — передай Титусу, чтобы отменил все мои запланированные на сегодня дела.

— Да госпожа, — поклонился Юлиус, — разрешите идти?

Девушка лишь махнула рукой, отпуская своего главного телохранителя, после чего, повернулась к Тиме.

Впрочем, разговор все же пришлось ненадолго перенести. Сперва, его началу помешали несколько дюжих парней с ошейниками на шеях, что вкатили в комнату небольшой, но достаточно увесистый столик. Потом миловидная пожилая женщина, пришедшая в компании нескольких молоденьких девушек, тоже с ошейниками на шеях. Пока они споро накрывали на стол, Мистресс Лилиана неотрывно смотрела на своего гостя, а Тима изо всех сил пытался не встретиться с ней взглядом, размышляя над произошедшим. То, что девушка, да и не только она, могла видеть Гадаара было непонятно и странно и могло грозить разнообразными, совершенно ненужными проблемами. И Тима сейчас судорожно соображал как ему построить дальнейший разговор с девушкой.

А еще попаданца сильно беспокоило то, что с ним происходит, когда он смотрит на Лилиану. Что это такое? Эффект долговременного воздержания? Так остальные девчонки, он бросил взгляд на одну из девушек в ошейнике, не вызывают у него подобных чувств. Неужто это та самая пресловутая «любовь с первого взгляда»? Или, может его накачали какой —нибудь наркотой, чтобы он... Что? Влюбился в эту, вероятно очень властную и занимающую явно не самое низкое положение девушку? Глупость какая. Какой ей прок от его влюбленности в нее? Кинжал? Так он итак у нее был, а она приказала отдать его Тиме. Да и этот непонятный эпизод с ее внезапным пониманием его родного языка. Ой что — то нечисто тут было. И спросить не у кого. Не призывать же Гадаара, в самом-то деле.

Из раздумий его вырвал такой знакомый и... уютный запах.

— Не может быть, — потрясенно проговорил он, садясь в постели и смотря на средних размеров чайничек в руках у той самой миловидной пожилой женщины, что руководила стайкой служанок.

— О, вы тоже любите чай? — с явным удивлением в голосе поинтересовалась Мистресс Лилиана, заметившая явную заинтересованность и узнавание в глазах ее гостя.

— Чай? — задумчиво проговорил Тима, — так вот как вы его тут называете? Да, я

любовь... нет... нравиться этот он. Только я не пью он долгий час. Не думать что он у вас тут есть.

— А я, если честно, удивлена тому, что вы вообще знаете об этом напитке.

— Почему? — Тима от удивления, вызванного таким заявлением, на миг забылся и посмотрел прямо в глаза хозяйке дома и снова начал в них тонуть. Почувствовав это, он, хоть и нехотя, но все же отвел свой взгляд, внутренне коря себя за несвоевременные и неуместные желания.

— Ваш внешний вид указывает на то, что вы не из тех, кто может себе позволить подобное.

— А, понимать, — неожиданно засмеялся Тима, — я быть похож на бомж, — этого слова Мистресс Лилиана не знала, однако по смыслу она примерно догадалась что оно значит, — и запах, наверное, так же, — он вновь рассмеялся, — я приносить вам прощение за то, что доставить столько хлопоты. А еще я есть свин, — так, кажется правильно, — я не сказать благодарность за то что вы спасать меня. Это плохо с мой сторона. Я благодарит вы за это. Я ваш долг до конца жизни.

— Не стоит благодарности, — отмахнулась хозяйка дома, — не могла же я вам позволить утонуть? Тем более на моем участке реки.

— О, так я попасть река? Тогда все есть ясно. Значит мой вонь не смущать вас ведь я искупаться перед спасение, — он снова засмеялся и Мистресс Лилиана, против своей воли тоже улыбнулась. Ей все больше и больше начинал нравиться этот парень. Он выглядел нищим оборванцем, однако его манеры, пробивающиеся даже сквозь этот жуткий акцент, его артефакт и то, что он узнал чай по запаху, все это говорило, что ее гость совсем не прост. Да и эта его самоирония, она тоже очень нравилась девушке. Она уважала тех, кто умеет толково смеяться на самим собой. Да и вообще — Лилиана не хотела признаваться сама себе, но рядом со своим гостем она чувствовала себя... уютно. Создавалось впечатление, что они знакомы многие годы.

— Вы так и не ответили мне откуда вы знаете про чай, — напомнила она гостю, дабы отогнать от себя ненужные, глупые мысли.

— Там откуда я родился, — немного помолчав ответил он, — этот напиток называется «чай». Каждый семья пить его каждое утро. Такой э — э—э ритуал, э — э—э, обряд... а, традиция. Такой традиция.

— Каждая семья? — не поверила Лилиана. Вы имеете ввиду каждая семья в вашем роду?

— Роду? А, нет не в роду. Вообще каждый семья. Бедный, дорогой, нет, богатый. Каждый... Ну почти, — после недолго паузы добавил он.

— Но ведь это очень дорогой напиток, — почему-то Мистресс Лилиану задевал тот факт, что где — то ее любимый чай, священный для нее напиток, могут пить все кто угодно.

— У я, там откуда я, он очень долго назад быть дорогой. Сейчас — доступный каждому. Я очень любить завтрак с он когда идти учиться.

— Учиться? У вас есть образование?

— Э — э—э, — он задумался, пытаясь правильно сформулировать мысль, — я не знать как правильно говорить на ваш язык это слово. У меня есть полный первый образование. Тот, что получать все дети в э — э—э учреждении для образования детей, — наконец выкрутился он. — И есть незаконченный... высокий... да, это будет ближе всего, высокий образование.

— Вот даже как... — задумчиво протянула она. — И что, неужели ваше первое образование получают действительно все дети, даже дети рабов?

— Мы не имеем рабов. Уже многие годы. И да, каждый ребенок имеет первое образование.

— Но кто за это платит? — воскликнула она, пораженная рассказом своего гостя настолько, что совершенно пропустила мимо ушей тот факт, что где — то может не быть рабства.

— Платить? Э — э—э, государство. Ну и, — тут он как — то странно усмехнулся, — родитель... бросать... штора.

— Бессмыслица какая — то, — задумчиво проговорила хозяйка дома. А затем, заметив, что все готово к чаепитию, отпустила, было, Руфи и молодых рабынь, как вдруг ее гость заинтересовался:

— Я прошу прощения. Но не вижу тут... не знаю этого слова на ваш язык, белый сладкий предмет. Он еще в булочку класть.

— Вы имеете в виду сахар? — спросила Мистресс Лилиана.

— Не знаю, — улыбнулся Тима.

— Эй, ты, — она обратилась к одной из рабынь, стоящих неподалеку, — быстро сбегай в кладовую и принеси кусок сахара.

Девушка поклонилась и пулей умчалась выполнять приказание своей госпожи.

— Не стоит быть, я всего лишь интересуюсь.

— Ничего страшного, — улыбнулась хозяйка дома, мои рабыни, итак облепились сверх всякой меры.

— Рабыни... — задумчиво протянул ее гость и Мистресс Лилиане показалось, что он чем — то недоволен. Однако, посланная за сахаром рабыня уже вернулась, волоча в руках крупную сахарную голову, упакованную в ткань. Поставив свою ношу на столик и открыв ее, она поклонившись хозяйке, отошла за спину Руфи.

— Это то, о чем вы говорили? — заинтересовалась Мистресс Лилиана, даже не обратив внимания на поклон рабыни.

— О — о—о, это то что нужно, — проговорил Тима радостно, — чаепитие должно быть отличным. Вы, как я думаю, что — то хотели спросить у меня? — с улыбкой заинтересовался он у хозяйки дома.

Тима сидел на скамеечке в парке загородного имения Мистресс Лилианы и смотрел на каверну, сквозь которую он оказался в этом мире. Страшно было представить что с ним было бы, находишься она не над рекой, а, скажем, над скалами. Впрочем, и свидание с рекой, он скорее всего, не пережил, если бы не доброта хозяйки этого поместья, и не ее отвага, когда она не побоялась лично спасти незваного гостя. Он улыбнулся, вспоминая как спокойно она рассказывала о том дне.

Спокойствие и утонченность. Они шли с ней по жизни рука об руку. Они составляли ее кредо. Любое ее действие: от простого разговора, до яростного боя, было так и пронизано ими.

Именно после общения с Мистресс Лилианой, Тима и осознал полностью значение выражения «голубая кровь» — настолько девушка отличалась от других людей, от него самого. У попаданца, кстати, иногда даже создавалось впечатление, что не он гость в этом мире, а она.

Кстати, о бое. Для попаданца оказалось огромным откровением, что внешне такая хрупкая и нежная девушка, является на самом деле очень неплохим магом — боевиком. Как оказалось — титул «Мистресс» был совсем не титулом, а скорее званием, которое присуждали женщинам — магам после очень серьезных испытаний и экзаменов. Лилиана стала Мистресс в девятнадцать лет, что было невероятно рано. Обычно девушки, те кто мог, естественно, получали ранг Мистресс годам к тридцати — тридцати пяти. Все это попаданцу рассказал Юлиус, когда тот, во время одной из своих прогулок по поместью Лилианы, набрел, ведомый странными звуками, на ее тренировку, за которой и наблюдал начальник охраны. И больше всего его поразило тогда не то, что в этом мире есть магия, не то, что обычно хмурый и не особо приветливый с ним Юлиус, вдруг стал намного доброжелательнее и общительнее, а то, какая сила сокрыта в этой, такой хрупкой и нежной, девушке.

Лилиана стояла посреди зала, в небольшом, нарисованном прямо на полу, круге и магией отбивалась сразу от десяти мужиков в доспехах. Задачей мужиков, как понял Тима, было любым способом добраться до Мистресс Лилианы и вытолкнуть ее из этого самого круга, размером который, кстати, был не многим больше самой девушки. Ее же задача состояла в том, чтобы не дать им этого сделать. Собственно, раскрылся и секрет странных звуков — их издавали те самые мужики, которых хозяйка дома, периодически отбрасывала от себя магией. И в доспехи они были одеты не для того, чтобы те их защитили, как, было, подумал Тима, а, как пояснил Юлиус, для того, чтобы усложнить задачу для Лилианы.

Но, пожалуй, самым большим откровением для Тимы было то, что при всем своем аристократическом происхождении и значительной магической силе, ставивших ее в ранг влиятельнейших людей этой страны, Лилиана была очень проста и приятна в общении. Тима частенько напрочь забывал с кем именно говорит. И начинал общаться с ней как со своей подругой — с легкими подколками и подначками, с глупыми шутками и прочей петросянщиной. И, что удивительно, Мистресс Лилиану, похоже, это вполне устраивало. Тима подозревал, что она, окруженная, в основном, слугами и лакеями, рано принявшая на себя бремя управления семейными делами, просто — на просто соскучилась по нормальному человеческому общению.

Он бросил взгляд на подъездную аллею, на которую как раз свернула знакомая карета с родовым знаком семьи Ирри. Тима поднялся со скамейки и отправился к тому месту, где та, обычно, останавливалась. Он успел чуть раньше Далофа и первым открыл дверцу с окошком, сейчас занавешенным плотной шторой.

— Госпожа, добро пожаловать, домой, — подражая тону все того же Далофа, проговорил он, склоняясь в глубоком поклоне.

— О, Тималь, — засмеялась Лилиана, — опять эти ваши шуточки?

— Никаких шуток, миледи, — тоже улыбаясь проговорил он, — должен же я как — то отрабатывать ваш гостеприимство? Позвольте предложит вам руку? — предложил он, выпрямляясь и только тут заметил, что Мистресс Лилиана в карете находится не одна. — О, — он запнулся на миг, — простить я за эту фривольность с моей стороны, — он спрятал уже протянутую, было, руку за спину. Вышло довольно сумбурно, однако, никто, судя по всему, не обратил на это внимания. Разве что полноватый мужик, приехавший вместе с Лилианой слегка нахмурил брови.

— Ничего страшного, — по прежнему улыбаясь, проговорила Мистресс Лилиана, выбираясь из кареты, — вы в наших краях человек чужой, поэтому вам простительны некоторые вольности. Мейстер Монора, — обратилась она к своему спутнику, только что выбравшемуся вслед за ней из кареты, — позвольте вам представить моего гостя и друга, — она как — то странно выделила это слово, — мастера Тималья. Мастер Тималь, в свою очередь, хочу представить вам Мейстера Монора, моего, — она на секунду запнулась, — делового партнера.

— Польщен, — с фальшивейшей из всех, виденных попаданцем, улыбок проговорил полный господин, едва — едва обозначив наклоном головы нечто, должное, по всей видимости, быть учтивым кивком.

— А уж как я польщен, — не остался в долгу Тима, полностью скопировав и кивок и интонации собеседника. Попаданец видел, что тот прекрасно понял и оценил шпильку.

— Мастер Тималь, — не заметив, или сделав вид, что не заметила, их краткой, но очень жаркой, битвы, обратилась хозяйка дома к попаданцу, — сейчас нам, с Мейстером Монора, нужно уладить некоторые вопросы. После чего, где — то через час, я приглашаю вас присоединиться к нам за обедом. Нам есть что обсудить, особенно в части того, о чем мы с вами говорили.

— Конечно, Мистресс, — слегка поклонился он, сильно удивленный тем, что Лилиана собирается обсуждать их общие прогрессорские планы с этим, явно посторонним, мужиком, — как скажете. Разрешите я иди?

— Да — да, идите, — улыбнувшись ответила она и, в сопровождении толстяка и Далофа, чье лицо стало еще более кислым, чем обычно, направилась к дому.

А Тима смотрел им вслед и раздумывал что же именно на него нашло. Нет, он и раньше проделывал подобное — играл роль слуги или пытался пародировать то Далофа, то Юлиуса, или занимался еще какой подобной чушью. Делал он это не столько потому, что хотел порадовать Лилиану, а скорее потому, что соскучился по театру, которого, к слову, в этом мире толком и не существовало. Но вот что на него нашло потом? Почему он, вдруг, решил корчить из себя аристократа с этими их ужимками, многозначительными взглядами и прочими высокопарностями? Этого он понять не мог. Неужели, проведя несколько месяцев в компании Мистресс Лилианы он невольно стал перенимать ее привычки? Вполне возможно, но Тиме, почему — то казалось, что дело не в этом, или не только в этом. Тогда в

чем? Может в том, что ему не понравился сам Мейстер Монора? Определенно. Было в нем что — то эдакое — скользкое и мутное. Тиме очень не хотелось оставлять Лилиану с ним наедине. И дело тут было даже не в банальной ревности, хотя и она присутствовала, чего уж греха таить, нет — попаданца беспокоило что — то другое.

— Гадаар, — тихо позвал он.

— Да, хозяин, — тут же ответил дух, проявляясь.

— Сходи, посмотри да послушай о чем говорят Лилиана и этот толстяк. Но только сделай это так, как мы с тобой тренировали, помнишь? — и правда, когда стало ясно, что маги могут видеть Гадаара в его обычном воплощении, невидимом для обычных людей, Тима со своим духом — рабом вплотную занялись этой проблемой и, после некоторых экспериментов, научились скрывать духа от взглядов магов. Правда, стоит заметить, что обнаружить Гадаара все же можно было, однако для этого необходимо было приложить некоторые усилия и, что самое главное — точно знать что искать.

— Понял, — коротко кивнул дух — раб, растворяясь в воздухе.

А Тима, тем временем, неспешно направился к дому.

Гадаара он ожидал в библиотеке, в которой проводил не меньше времени, чем в парке или в зале. Тима уже достаточно неплохо освоился с местным языком и уже почти не путался в местоимениях, однако, с чтением у него были серьезные проблемы. Местный язык был довольно сложен, громоздок и очень интонационно зависим. Например: между словами «мастер» и «Мастер», звучащими и пишущимися, по сути, одинаково, было огромное различие. Первое было уважительным обращением к человеку, могло служить признанием чьих — то заслуг в каком — либо деле или, что было очень удивительно для Тимы, дружеским обращением. Второе же представляло собой низшую должность — титул в конклаве. На письме оба слова чуть различали написанием, что, тем не менее, не позволяло их спутать, а вот в устной речи — каждое из этих значений выделялось интонационно. И это — лишь один пример, а в дастни, подобных случаев было достаточное количество. И, если, решением трудностей с речью устной, с ним занимался мастер Ильви, к которому, надо сказать, в итоге, Тима проникся глубоким уважением и перестал называть того разными обидными словами, то с речью письменной, ему приходилось разбираться уже самостоятельно.

В комнату зашла молоденькая рабыня и направилась в его сторону. Тима, как и любой адекватный человек, совершенно не понимал и не принимал рабства, как такового. Однако, узнав о том, что рабство в этом мире, вещь повсеместная, решил пока не изображать из себя Спартака и не пытаться проповедовать чуждые этому миру идеи. Пока, по крайней мере.

К несчастью, его намерение не вмешиваться, несколько раз подвергалась жесточайшему испытанию. Чаще всего тогда, когда он случайно становился свидетелем наказания рабов или рабынь, на которые, кстати, сбегалась посмотреть вся местная челядь. Наказания были разными, и зависели от степени вины провинившегося. Объединяли их только две вещи — нагота наказываемого и отсутствие жалости со стороны наказующего. Коим, зачастую, выступал кто — то из подручных Юлиуса.

Вообще, у местных рабов, прав, как таковых, не было вообще. Они были сродни имуществу, пусть иногда любимому, как это было с Руфи и Далофом, но все же имуществу. Любой из свободных людей мог сделать с рабом практически что угодно, если это не возбранялось хозяином раба. А если и возбранялось — всегда можно уплатить откупные.

Тима не раз наблюдал, как солдаты Юлиуса, хватали проходящих мимо рабынь, если те

не спешили по каким — нибудь, очень важным, поручениям, задирали тем подол их коротеньких форменных платьев и беззастенчиво имели, совершенно не стесняясь никого, кроме, пожалуй своей хозяйки. Пока солдат делал свое дело, рабыня, обычно, покорно стояла и ждала пока тот закончит, после чего, как ни в чем не бывало, шла дальше по своим делам. Солдаты, как правило, не желая пачкать свою одежду и, уж тем более — хозяйское добро, заканчивали свое дело прямо в рабынь — так было проще и чище. А те, трусов, естественно, не носили. Поэтому, картина, когда молоденькие, красивые девчонки, сновали по поместью с ногами, украшенными потеками белесой жидкости, вызывала у Тимы жесткий разрыв шаблона. Лишь единицы из них, после полового акта, приводили себя в порядок, избавляясь от «следов любви». Большинству же было совершенно все равно. Они и мылись то, наверное, только потому, что этого требовала сама хозяйка, ненавидевшая запах невымытых тел.

Когда же Тима поделился своими наблюдениями с Мистресс Лилианой, та, сначала не поняла что же именно его волнует, затем извинилась, что не догадалась сразу и предложила прислать к нему вечером парочку рабынь, дабы те согрели ему постель. На возмущенный отказ попаданца, она с таким же недоумением и, как показалось Тиме — легким разочарованием, невозмутимо предложила прислать уже рабов. Естественно он и тут отказался. Причем, в этот раз, возмущения не было — попаданец просто впал в ступор от того, что его гостеприимная хозяйка ТАКОГО о нем мнения. Лишь спустя некоторое время он смог выдать из себя отказ.

Именно тот разговор, собственно, и погасил в нем желание нести свой устав в чужой монастырь. Рабов, судя по всему, все более — менее устраивало. Свободных людей — тем более. И, хотя даже его, выходца из далеко не пуританского мира, коробило местное отношение к людям, к сексу и к тому с кем и кто им занимается, Тима решил, что больше не будет вмешиваться в местные порядки.

И долгое время у него это даже получалось. Не смог пройти мимо он лишь однажды. Он, в очередной раз, направлялся в библиотеку, когда проходя мимо одной из комнат, услышал чье — то пыхтение и сдавленные рыдания. Поняв, что происходит, он уже хотел, было, пройти мимо, но решил все же заглянуть. Не забавы ради, нет, а так — кольнуло его что-то. А заглянув, пришел в неопишемую ярость.

В комнате находились двое. Мужик, судя по надетой на нем форме — был одним из солдат Юлиуса и девушка, даже, скорее, девочка, если судить по едва наметившимся бугоркам груди, прекрасно видных сквозь полустянутое платье. Она лежала раскинув ноги и тихо — тихо подвывала в такт движениям распаленного и ничего не замечающего мужика.

— Ах ты, сука, — зашипел Тима, стремительно входя в комнату и хватая со стола какую — то металлическую статуэтку и изо — всех сил нанося удар по затылку насильника. И еще раз. И еще. Когда тот свалился на пол, Тима продолжил его избивать уже ногами. На шум драки и визг, поднятый так и лежащей с раздвинутыми ногами девчонкой, сбегались люди. Кто — то пытался оттащить попаданца от лежащего в луже крови солдата, но ярость еще не отпустила того и он все рвался к насильнику.

— ТИХО! — Раздался чей — то громовой голос и Тиму внезапно отпустило. И, надсказать вовремя — еще чуть-чуть и у него случился бы очередной срыв. Что было бы тогда с этой уютной комнатой — даже страшно было представить.

Тима оглянулся назад и увидел что комната битком набита народом, а прямо перед ним стоит Мистресс Лилиана и смотрит ему прямо в глаза, — мастер Тималь, объяснитесь

будьте добры, — при этом, голос ее был столь спокоен и будничен, будто они сидели на чашке чая.

— Этот урод, — ткнул Тима пальцем в сторону пришедшего в себя и тихо постанывающего насильника, — насильничал вот ее, — он кивнул в сторону все так же лежащей девчонки, которая, видимо от страха, совершенно затихла.

— Но ведь это рабыня, — недоумение все же смогло пробиться сквозь ее спокойствие, — мужчинам надо периодически выпускать пар, да и не только мужчинам, — добавила она, немного подумав, — я, конечно понимаю, что вы из тех, мест, где рабства нет, но тут то оно есть. Я не могу запретить кому бы то ни было из свободных людей утолять свою похоть. Это будет неразумно и неуместно.

— Ну не с девчонкой же! — в сердцах воскликнул Тима, — Лили, — обратился он к ней так, как они общались, будучи наедине, посмотри на нее, она же совсем ребенок. У нее не то, что груди, у нее даже волос нет там, где они должны быть у женщин, — ткнул он пальцем в окровавленный пах рабыни.

— И правда, — задумчиво проговорила Мистресс Лилиана, тоже внимательно рассматривая вышеуказанное место. — Эй ты, как там тебя, — обратилась она к рабыне, — у тебя уже была первая кровь?

— Нет, госпожа, — тихим голосом ответила девочка.

— У тебя до этого были мужчины?

— Нет, госпожа, это мой первый раз.

— Поня — я—ятно, — зловеще протянула Лилиана, — эй, ты, — обратилась она к одному из солдат, продолжающих держать Тиму, — сбегай за Митри, целительницей, передай ей, что она срочно нужна тут. А ты, — обратилась она к рабыне, до которой, похоже наконец-то дошло, что она лежит на столе с раздвинутыми ногами, а вокруг нее собралась толпа народа, которая беззастенчиво ее рассматривает, и она попыталась прикрыться, — не дергайся, лежи как лежала.

— Вы звали, госпожа? — в дверь вбежала запыхавшаяся целительница.

— Да, Митри. Посмотри, будь добра, вот эту, — кивнула хозяйка дома в сторону рабыни, — расскажи мне, правда ли она была девочкой и как скоро у нее должна быть первая менструация.

— Слушаюсь, госпожа, — ответила целительница и начала внимательно осматривать и что — то ощупывать в паху у рабыни. — Судя по остаткам плевы и обилию крови, — совершенно не стесняясь, просунула она палец во влагалище к дернувшейся от этого, девчонке, — она действительно была девочкой. Что же касается первой менструации — тут вопрос сложнее, но я уверена, что ее у нее, — кивок в сторону рабыни, — не было.

— Понятно, — протянула Мистресс Лилиана, — благодарю тебя, Митри, ты свободна. — Целительница поклонилась и вышла. — Юлиус, — обратилась она к начальнику своей охраны, который, естественно, не мог пропустить подобного собрания, — этого, — она кивнула в сторону вновь отрубившегося солдата, — на кол, сегодня же. Только сделай так, чтобы он был в сознании во время казни.

— Да, госпожа, — хмуро кивнул тот и начал отдавать приказы своим бойцам, что тут же подхватили своего бывшего товарища и куда — то поволокли.

— Далоф, — обратилась хозяйка дома, теперь уже, к своему дворецкому, — этой, — кивок в сторону молоденькой рабыни, — неделю отдыхать и не наказывать. Если не совершит чего-то серьезного, конечно. Проследи за тем, чтобы ей предоставили должный

уход. Подлечили как-то.

— Слушаюсь, госпожа, — поклонился дворецкий.

— Эй, ты, — обратилась Лилиана к все так же лежавшей на столе с раздвинутыми ногами девушке, — одевайся и отправляйся к себе в кровать. Или где ты там спишь. И еще, — она сняла с пояса кошель, достала из него золотую монету и протянула рабыне, — возьми. — И не слушая благодарностей ошалевшей от такой щедрости девчонки, вышла в коридор.

— Мистресс Лилиана, — позвал Тима, выйдя вслед за ней.

— Да, мастер Тималь? — повернулась она к нему.

— Спасибо, Лили, — тихо проговорил он, подходя к ней поближе, почти вплотную.

— Меня не за что благодарить, — слегка улыбнулась она, — наказание для насильников детей, что в синархии, что в протекторате одно — кол. Так что я всего лишь выполнила свои обязанности лендлорда. Но, на будущее, у меня будет одна просьба к тебе.

— Слушаю, — улыбнулся Тима, любуясь ею.

— Я понимаю, что там, в твоём странном и страшном мире, все иначе. Но не нужно нести вашу мораль сюда. От этого никому не будет легче. Ни людям, ни рабам.

— Я понимаю, — проговорил он с грустной улыбкой, мимоходом подмечая, что она не считает рабов людьми, — и стараюсь этого не делать. Но сильнее насильников я ненавижу только насильников — педофилов.

— Кого — кого? — не поняла она.

— Тех, кто любит заниматься сексом с детьми, — пояснил он незнакомое слово, — извини, что не сдержался, однако, по другому, я не мог.

— Тогда давай договоримся так, — она вновь улыбнулась, — в следующий раз, когда тебе покажется, что кто — то кого — то насилует — не нападай и не избивай его, пожалуйста, моими семейными реликвиями.

— Хорошо, — с серьезным видом, однако еле сдерживая смех, пообещал попаданец.

После этого они разошлись в разные стороны, а вечером, впервые за долгое время, Тима не стал избегать казни и долго, с не меньшим воодушевлением, чем челядь, наблюдал за тем, как насильник подышал на колу.

— Господин, — вырвало его из раздумий одновременное обращение со стороны Гадаара и молоденькой девушки — рабыни.

— Есть что — то важное? — поинтересовался он вслух у Гадаара, при этом, краем глаза заметив как округлились глаза у рабыни, когда он заговорил с пустым местом на незнакомом ей языке.

— Нет, господин, — отрицательно покачал головой дух — раб, — по крайней мере, насколько я понял, — немного помолчав, добавил он. — Какие — то земельные дела. Склады. Амбары. Все в таком духе.

— Понятно, — протянул Тима, до которого только сейчас дошло, что посылать неандертальца подслушивать разговор двух цивилизованных, причем — сверх всякой меры, людей, было немного самонадеянно. Однако, других вариантов у попаданца все равно не было. — Ладно, лезь в кинжал пока, позже расскажешь в подробностях. — После небольших раздумий сказал он Гадаару, а затем повернулся к рабыне, — ты что — то хочешь милая?

— Мистресс Лилиана приглашает вас присоединиться к ней за обедом, — пролепетала она, почему — то покраснев, — разрешите, я вас проведу?

— Веди, — согласился он, легко поднимаясь на ноги.

Впрочем, особой необходимости в проводнике, пусть и столь приятном глазу, Тима не испытывал. За время своего невольного заточения в поместье, он излазил то вдоль и поперек. Запретными для него оставались всего несколько помещений — личные покои и кабинет хозяйки. А так же кухня, на которой, сейчас, полноценно властвовала любимая рабыня Лилианы и знатная мастерица по части приготовления чая — Руфи. Не то чтобы, ему было запрещено появляться на кухне, просто пожилая рабыня крайне ревностно относилась к любым посторонним на своей вотчине, а Тима слишком хорошо относился к Лилиане, чтобы лишний раз расстраивать ее рабыню.

Кстати, о Лилиане. Их взаимоотношения были крайне запутанными. Его безумно тянуло к ней, и она, явно, была к нему не равнодушна, Тима это четко видел. И еще — эта странная связь между ними, когда они долго смотрели в глаза друг другу. Ведь попаданец именно таким способом рассказал тогда ей все о себе. Причем, действительно все.

Они тогда несколько часов просидели просто смотря друг другу в глаза, совершенно забыв о чае, принесенном Руфи. И Тима рассказывал. Рассказывал о своем мире, о том как он рос, как учился, как попал, как скитался по джунглям, как тонул на корабле, в общем — выложил практически все. И, что удивительно — ничуть не жалел об этом.

Он был уверен, что эта, по сути, совершенно чужая, совершенно непохожая на него девушка, никогда не предаст его. Глупость? Еще какая! И он сам прекрасно понимал это. Но, при всем при этом, был уверен в Лилиане.

— Мистресс Лилиана, Мейстер Монора, — улыбнувшись, поздоровался Тима, входя в столовую, — просить прощения за опоздание.

— О, мастер Тималь, не беспокойтесь, — улыбнулась хозяйка дома, сидевшая во главе длинного прямоугольного стола, сервированного на три персоны. По левую руку от нее, спиной к большому, витражному окну, сидел вышеупомянутый Мейстер. — Прошу, присаживайтесь, — Лилиана указала на стул, стоящий по правую руку от нее.

Как только Тима уселся, хозяйка дома подала знак и вокруг стола забегали, засуетились, рабыни, выставляя блюда и наполняя бокалы. Тима, никогда особо не бывший фанатом алкоголя, от вина отказался и пил, по большей части, сок. Мейстер Монора, в отличие от него, с алкоголем совершенно не стеснялся и, спустя некоторое время, стал красен лицом и громогласен.

Он, то и дело, склонялся к уху Лилианы и что — то туда нашептывал. Та, лишь вежливо улыбалась, иногда односложно отвечала, иногда пытаясь втянуть в бессмысленную болтовню Тиму. Однако, тот не видел в этом особого смысла и отделялся общими, ничего не значащими, фразами, предпочитая сохранить свое красноречие для того момента, когда пойдет серьезный разговор. А то, что он будет, Тима не сомневался совершенно — он не забыл слова Лилианы там, на подъездной аллее.

Это случилось тогда, когда Мейстер Монора, в очередной раз, наклонился к уху Лилианы, собираясь сказать какую — то, очередную, глупость. Но, внезапно, раздался звон разбитого стекла, Тима, успел заметить, краем глаза, как брызнули осколки в витражном окне, прямо за спиной толстого мага. А потом тупо смотрел как тот медленно сползает на пол.

Сейчас Тима мог в очередной раз убедиться, что свое звание Лилиана получила отнюдь не за красивые глазки. Пока он все еще сидел за столом и тупо пялился на лежащего на полу Мейстера, окна зала уже были закрыты силовым полем, видимым даже ему, а сама хозяйка дома, вскочившая на ноги, отдавала какие — то распоряжения своей охране.

— Не, спи, Тима, — наконец обратилась она к нему, — вызывай своих рабов, пусть они разведдают обстановку, а сам, держись у меня за спиной.

— И то верно, — согласился с ней попаданец, прекрасно осознававший, что некоторого количества занятий, что он успел провести с Юлиусом и его парнями, явно было недостаточно для хоть какого — то организованного сопротивления даже совсем неопытному противнику. А следовательно — единственный способ не быть обузой — это позвать парней и приказать им прочесать окрестности. — Лон, Гадаар, покажитесь, — позвал он.

— Да, хозяин?

— Чего надо?

— Так, ты, — он указал на лысого боцмана, — идешь в сад и смотришь что и как, подмечаешь всех тех, кто не похож на них, — он указал на охрану Лилианы, и них, — тычок в сторону рабов, — потом возвращаешься ко мне и докладываешь. Вопросы?

— Только один. А где тут, собственно, сад?

— Он там, сразу за окнами, — кивнул Тима в сторону затянутых силовым полем оконных проемов, — все понял? Выполняй.

— Лилиана, — обратился он к хозяйке дома, — расскажи мне, пож... — однако ему не дали договорить — со стороны окна послышался треск, похожий на электрический и сдавленные маты Лона. Тима обернулся и увидел, что его дух — раб валяется на полу и смачно так матерится. — Лон! Ты что, поперся прямо сквозь окно? — не смог сдержать смеха попаданец, уж слишком потешным было лицо лежащего на земле призрака, — так там же силовое поле.

— А мне то откуда знать что это такое? — хмуро поинтересовался бывший боцман, воспаряя обратно, в вертикальное положение.

— И правда, неоткуда, — согласился с ним Тима, — ты как, в порядке?

— Вроде бы, — неуверенно ответил тот.

— Тогда давай, шуруй куда я тебя послал. Только на этот раз, воспользуйся стеной, будь добр.

Проводив взглядом продолжающего материться себе под нос, духа, попаданец вновь обернулся к хозяйке дома, намереваясь все же задать ей свой вопрос, но стал свидетелем разгорающейся ссоры между нею и начальником ее охраны.

— Нет, госпожа, вы не пойдете со мной. Здесь самое безопасное место, а значит, именно тут вы и должны находиться.

— Об этом и речи не может идти! Я Мистресс, Юлиус, ты не забыл? Я сильнее всех твоих бойцов, вместе взятых. Глупо отказываться от такой помощи.

— В первую очередь — вы моя госпожа, и именно на мне лежит обязанность вас защищать.

— И именно поэтому ты решил меня бросить тут одну?

— Не одну, а под охраной моих ребят. Мне же, в любом случае, нужно быть там.

— Я приказываю тебе!

— Согласно моему договору с вашей семьей — в любом из случаев, подпадающих под мою юрисдикцию, я вправе лично оценивать степень уместности того или иного приказа в каждом конкретном случае... — нудным, бюрократическим, голосом начал гнусавить начальник охраны.

— Ой, перестань! — не выдержала хозяйка дома.

— Лили, — Тима, наконец решил, что ему пора вмешаться, — он правильно все говорит, а ты его задерживаешь. Остайся тут, пожалуйста.

— С чего это вдруг? — вскинулась Лилиана.

— Ну а кто будет меня защищать? — он обезоруживающе улыбнулся ей, — тем более, у меня есть компромиссное предложение.

— Это какое? — уточнила хозяйка дома, которая явно не ожидала такого подлого предательства со стороны попаданца.

— С Юлиусом пойдет Гадаар. Он будет двигаться перед его отрядом и докладывать насчет разных неожиданностей. А я останусь тут, с тобой и мы вместе дождемся доклада Лона.

— Идет, — тут же согласился Юлиус, — госпожа, это действительно отличный вариант, — повернулся он к Лилиане.

— Ну, ладно, — немного подумав, с явной неохотой, согласилась она, — действуй.

— Благодарю, — Юлиус поклонился и повернулся к своим парням, коих в зал набилась целая толпа, — Кай, Малос, вы и ваши пятерки остаетесь тут, охраняете госпожу. Остальные — за мной.

— Гадаар, — обратился Тима к своему духу — рабу, ты все слышал?

— Да, хозяин, — своим любимым, безэмоциональным голосом, отозвался тот.

— Добро, тогда — вперед.

— Слушаюсь, — кивнул он и двинулся за начальником охраны Мистресс, который, в компании своих бойцов, двинулся к выходу из зала.

— Ну, — повернулся Тима, к Лилиане, — что будем делать?

— Ждать, — пожала та плечами и села на свое место, совершенно не обращая внимания на труп Мейстера Монора, так и оставшийся лежать на полу в луже собственной крови.

И только тут до Тимы дошло, что никто даже не подумал проверить жив ли, вообще, тот. Как — то все засуетились, начали наводить шорох, а на толстяка, по сути, спасшего Лилиане жизнь, всем было наплевать.

— А ведь, они целились в тебя, — задумчиво проговорил он, смотря на девушку, что сейчас, казалось, как ни в чем не бывало, попивала вино из своего бокала.

— Что? А, да, думаю, что все так и было.

— И тебя это совсем не беспокоит?

— С чего ты взял? — удивленно подняла она на него взгляд.

— Ну, ты такой... — он немного помолчал, подбирая слова, — такая спокойная.

— А какой смысл переживать? — вопросом на вопрос ответила она. — Или ты мне предлагаешь бегать кругами по залу, заламывать руки и причитать, как это делают простолюдинки?

— Нет, что ты, — слегка смутился Тима, — просто все это как — то... странно.

— А в чем странность?

— Ну — у—у, — протянул попаданец, — покушение это, нападение, смерть ни в чем не повинного человека, в конце концов.

— Ни в чем не повинного человека? — внезапно рассмеялась Лилиана, — это ты вот про этого сладострастного борова? — кивнула она в сторону покойника. — Кто бы не отправил его к Мировой Душе, он сделал остальному миру великое одолжение. Большой скотины, чем Мейстер Монора, еще нужно поискать.

— Но... — попаданец был совершенно сбит с толку, — я думал, ты хочешь обсудить с ним какие то свои, то есть наши, деловые вопросы.

— Ох, Тима, какой же ты, все — таки, наивный, — с ласковой улыбкой, проговорила Лилиана. Деловые вопросы на то и деловые, что не личные. В них, зачастую, не столь важно насколько твой партнер сволочь. Хотя, — она немного помолчала, — иногда все же важно насколько.

— Я это понимаю, — хмуро ответил он, — но, все же, жалко. Человек, все — таки.

— А, не бери в голову, — махнула рукой Лилиана, вновь пригубив немного вина, — умер и умер, найдем нового. Тем более, что, судя по всему, скоро нужно будет возвращаться в столицу. О! — вдруг воскликнула она, — вот и первый из твоих духов вернулся.

— Рассказывай, — коротко бросил попаданец Лону, вернувшемуся из разведки.

— Да нечего, собственно, рассказывать, парень, — хмуро ответил он, — нет там никого.

— Как так? — удивился Тима.

— Да вот так, — развел тот руками, — я там полазил немного, ну, куда смог дотянуться, но ничего и никого не нашел. Вообще ничего. Думал, может травка где примятая, или еще что. Но нет.

— Понял тебя, ладно, иди пока за дверью постой, покарауль, — Тима указал на единственный вход в зал.

— Ну что? — поинтересовалась Лилиана, едва только лысый коротышка направился в сторону двери.

— Ничего и никого, — подражая говору своего духа — раба, ответил ей попаданец.

— Вот оно что, — задумчиво проговорила девушка, — значит и Юлиус никого не найдет.

— Думаешь, нападающие просто так взяли и ушли?

— Уверена в этом, — согласно кивнула Лилиана.

— Но, почему?

— Скорее всего, — она вновь пригубила немного вина из своего бокала, — они просто сделали что хотели.

— Думаешь, их целью был этот, — Тима кивнул в сторону лежащего на полу тела.

— Сомневаюсь, — отрицательно покачала она головой. — Понимаешь, — она немного помолчала, собираясь с мыслями, — высший свет Орслина, хотя чего греха таить — всего объединения Дастнары и Имокии, является, по своей сути, огромным клубком змей, готовых сожрать друг друга при любом удобном случае.

— И сейчас один из таких случаев? — догадался Тима.

— Именно, — согласно кивнула головой девушка. — Убийство вот этого вот слизняка, — она кивнула в сторону мертвого Мейстера Монора, — могло преследовать сразу несколько разнообразных целей.

— Каких, например? — попаданцу и правда было интересно. Не то чтобы он любил или умел разбираться в разного рода интригах, но делать было нечего, а понять общество в

котором он оказался, было бы не лишним.

— Ну, если тебе и правда интересно, то давай начну с самого простого. Думаю, что те, кто это устроил, хотели напугать меня. Уверена, что по их замыслу, я должна думать, что целью была я.

— А ты так не думаешь?

— Нет, конечно, — улыбнулась Лилиана, — человек, который смог пробраться в мой сад незамеченным, а затем, незамеченным же и уйти, просто не мог сделать такую глупую ошибку. Он ведь прекрасно знал, что у него всего одна попытка. Ну и, естественно, тот кто наблюдал за нашим обедом, не мог не замечать того, что этот, — она кивнула в сторону трупа, — постоянно наклонялся ко мне, дабы сказать очередную чушь. Если бы меня хотели убить, то стреляли бы сразу после того как он отодвинется.

— Допустим, — вынужден был согласиться Тима, — но почему ты уверена в том, что целью была не ты?

— Погоди — погоди, — подняла руки Лилиана, — я такого не говорила.

— Ты же только что сказала, что стреляли не по тебе.

— Ну, так все верно, — согласно кивнула она, — стреляли не по мне, но целью все — равно была я.

— Видимо я все еще слаб в вашем языке, — покачал головой Тима, — ты хочешь сказать, что Мейстера Монора убили, чтобы как — то навредить тебе и он лишь жертва?

— Скорее всего, так и есть. Хотя, не стоит думать о покойном слишком хорошо. Уверена, что то, что именно он был убит, а не кто-то другой — не случайность.

— Понял. Одним выстрелом убили двух зайцев. И чем же это тебе грозит?

— Двух зайцев? — непонимающе посмотрела она на него, — а, поняла. Хорошее выражение. Но «зайцев», в этом случае гораздо больше, чем два. А чем грозит? — она задумалась, — ну, для начала, ссорой с семьей Монора.

— Так ты же ни в чем не виновата, — удивился попаданец.

— О, мой дорогой, мастер Тималь, — немного грустно улыбнулась она, — по — нашему вы говорите уже очень неплохо, но совершенно не понимаете местные нравы. В том то и дело, что виновата. Убийство произошло в моем доме, а значит — я слишком слаба, чтобы гарантировать своим гостям безопасность. Это, кстати, тоже могло быть одной из целей убийцы — показать мою слабость, как представителя палаты магов.

Тима уже знал из уроков мастера Ильви о том, что местное правительство состояло из, своего рода, парламента, состоящего из трех палат. В палату лордов, или в «пэриат» входила вся местная аристократия, выжившая после переворота, устроенного ими же самими, чуть больше двадцати лет назад. В палату духа, называемую также: «клирикат», входили клирики — меригцы. Их главными догматами была вера в «Душу Мира», с которой, после смерти, объединялись праведники и познавали вечное блаженство, а так же вечные муки и неприкаянность душ для грешников. «Конклав» же, или палата магов, как можно догадаться, включал в себя магов. Правда, когда мастер Ильви рассказывал Тиме о конклаве, он почему — то называл магов, входящих в него, «цеховыми». Что это значит и чем «цеховые» маги отличаются от «не — цеховых» попаданец так и не узнал. Перебивать своего вздорного учителя он не решался, а после уточнить запоматовал. Но, как бы там ни было, существовали и те, кто стоял над всеми этими палатами — Триумвират. Именно он правил всей страной, именно у него была сосредоточена вся высшая власть в государстве. В Триумвират входили по одному представителю от каждой из палат. Выбирались они внутренним закрытым

голосованием внутри самих фракций, сроком на десять лет. Тима, когда первый раз услышал о подобном проявлении демократии, очень удивился. Однако позже, когда самостоятельно пытался разобраться в вопросе, понял, что не все так радужно, как кажется со стороны. И, что никакой демократией тут и не пахнет. По сути, в Объединении синархии Даствара и протектората Имокия (а именно таким было полное название государства, в которое занесло попаданца), власть была узурпирована все теми же олигархами, элитами и прочей подобной шушерой и ситуация мало чем отличалась от ситуации у него на родине.

— Я не знал что тыходишь в конклав, — задумчиво проговорил он.

— Все «цеховики» входят в него, — пожав плечами ответила Лилиана. А я, к тому же, еще и наследница одного из древних магических родов. Для меня, в принципе, никогда не стоял вопрос, быть или не быть в конклаве.

— Кстати, а кто такие эти самые «цеховики»? — поинтересовался Тима, услышав знакомое слово и решивший, пока есть возможность — заполнить пробелы в знаниях.

— Цеховики? — задумчиво проговорила она, — ну, если кратко, то это те маги, что получили соответствующее образование или те, кто имеет то или иное отношение к магическим родам.

— Получается, что не все представители магических родов получают образование?

— Да. Бывает так, что некоторые семьи выкупают сервов или рабов с магическими способностями и те становятся частью их рода или семьи.

— Погоди, — задумчиво проговорил Тима, удивленный столь добрым отношением к рабам, — и что, их просто так вот берут в семью?

— Нет, конечно, — рассмеялась Лилиана, — хотя, некоторых, конечно берут, особенно молодых, смазливых сервов, их частенько назначают в жены третьим — четвертым сыновьям. Тем, кому не грозит стать наследниками. А сильная магическая кровь, пусть и от сервки — это все же сильная магическая кровь.

— Что — то я запутался, — признался попаданец, — ты говоришь их берут в род, а потом говоришь, что не берут.

— Ты, видимо, просто меня не совсем правильно понимаешь, — с улыбкой проговорила девушка, — у нас традиционно различают род и семью. Семья — это ближайше родственники. Род — это скорее, — она задумалась, — клан. В роду может быть несколько семей, могут быть люди, не входящие ни в одну из них, могут быть верные слуги и даже рабы.

— Как Далоф и Руфи? — догадался Тима.

— Именно, — согласно кивнула Лилиана.

— Хорошо, это я понял. А что там с магами? Если они входят в чьей — то род, то они получается становятся свободными?

— Не совсем так. Да, они перестают быть рабами и сервами, да, у них появляется больше прав, однако полностью свободными они быть не могут. В нашей стране, да и в большинстве других, свободных людей не существует в принципе. Каждого человека что — то сдерживает. Будь он хоть последним сервом, хоть одним из членов Триумvirата.

— Я понял что ты имеешь ввиду, — согласно наклонил голову Тима, — с цеховиками вроде бы все ясно. А как вы называете тех магов, что не входят в конклав?

— Да никак не называем, — рассмеялась Лилиана, — зачем их как — то называть? Маги они и есть маги. Даже понятие «цеховики» не официальное. Так нас прозвали представители двух других палат.

— Понял, — кивнул попаданец, — тогда еще вопрос. Вот ты говоришь, что мол выкупают рабов или сервов с магическими способностями. Но ведь не всех выкупают?

— Естественно, что не всех. Только самых сильных или полезных. Но к чему ты ведешь? — Лилиану явно удивил его вопрос.

— Так, если не всех, то что, остальные так и остаются сервами и рабами?

— Конечно. А кем они должны еще быть? Лордами?

— И что, они не пытаются сбежать или устроить бунт?

— Некоторые, естественно, пытаются, причем — не всегда маги. И, у кого — то, даже получается. Но всех их, рано или поздно, ждет одно — виселица или кол.

— То есть они просто терпят? — несказанно удивился Тима.

— Такова их судьба, — пожала плечами Лилиана.

Попаданец понял, что нет смысла рассуждать сейчас о местных нравах. Тем более, ему ли лезть со своим уставом в чужой монастырь? Ведь и в его мире, люди в некоторых странах, только тем и занимались, что терпели своих взбалмошных правителей и вводимые ими глупые, античеловеческие законы. Да и не время сейчас было — в зал как раз вплыл Гадаар.

Вслед за духом — рабом, в столовой появился и Юлиус, в окружении своих бойцов. Он подошел к Лилиане, поклонился и начал доклад. Впрочем, Тима его не слушал, так как еще по отрицательному покачиванию головы Гадаара все понял. Они ничего и никого не нашли.

Тима жестом дал понять своему духу — рабу, чтобы тот полезал в его кинжал. И, дождавшись, когда тот выполнит приказ, повернулся к хозяйке дома и ее собеседникам.

— Я поняла тебя, Юлиус, — задумчиво проговорила Мистресс Лилиана. — Значит вы проверили весь особняк и никого не нашли.

— Да, я лично проверил особняк, а территорию поместья проверяют оставшиеся команды. Но, не думаю, что они что — то найдут.

— Я тоже так не думаю, — согласилась с ним Лилиана, — хорошо, — после некоторой паузы проговорила она, — тогда пока возвращайся к своим бойцам, — услышав приказ, начальник службы безопасности Лилианы, поклонился и махнув своим бойцам, отправился его выполнять. — Далоф, — обратилась Лилиана к своему дворецкому, когда Юлиус покинул зал, — отправь кого —нибудь в столицу, дабы уведомить жандармерию и семью покойного, а после — начинай сборы. Нам пора возвращаться в столицу.

— Да, госпожа. Слушаюсь, госпожа, — поклонился Далоф и удалился.

— Ну что же, — с какой — то печальной улыбкой проговорила Лилиана, обращаясь к Тиме, — судя по всему, нас ждет крайне утомительная ночь. Вы бы сходили, отдохнули, мастер Тималь. Вам совершенно нет никакого смысла утомлять себя всей этой будущей суетой.

— С вашего позволения, Мистресс Лилиана, — точно таким же официальным тоном, как и она, проговорил попаданец, — я бы, лучше остался. — А затем, он улыбнувшись и подмигнув ей, добавил: — Не могу же я тебя сейчас бросить, Лили. Да и, если честно, я крайне интересно. Я всегда любил детективы.

— Детективы? Что это такое? — заинтересовалась Лилиана.

— Это такой жанр в литературе, — начал объяснять Тима, — там рассказывается о том, как великие, и не очень, сыщики, расследуют разнообразные, зачастую, очень хитроумные преступления.

— Сыщики?

— Ну, — Тима замялся, не зная как правильно описать такую простую, по своей сути,

профессию, — это такие люди, которые раскрывают преступления, — наконец выдал он гениальное и, по своей сути, максимально точное описание.

— Как жандармы? — уточнила Лилиана.

— Не знаю как работают ваши жандармы, но подозреваю, что так же как и наши, поэтому — и да и нет. Сыщики, — он вновь задумался, — это скорее частные жандармы.

— Частные жандармы? — задумчиво проговорила Мистресс. А что? Это отличная идея Титус! — внезапно позвала она, ты здесь?

— Да, госпожа. Конечно, госпожа, — подбежал к ней невысокий мужичок с длинными, аккуратно уложенными, волосами, цвета свежего меда, носом — картошкой и водянисто — голубыми глазками. Мужичок был одет со вкусом, можно даже сказать — щегольски.

— Запиши и обдумай целесообразность идеи о частной жандармерии.

— Частной жандармерии, госпожа? Понял, госпожа. Будет исполнено, госпожа. — Зачастил он. — Еще что — нибудь?

— Да, передай, будь добр, Руфи, чтобы она заварила нам с мастером Тималем чаю. Думаю, что мне он сейчас не повредит. Вы как, мой друг, — улыбнулась она Тиме, — составите мне компанию?

— Конечно, госпожа, — сделал вид, что кланяется, попаданец, — только...

— Да — да, я помню, — недовольно проговорила она, — вы пьете чай с сахаром. Варварство какое — то. Все понял? — обратилась она к Титусу и, дождавшись от него согласного лепета, жестом руки отправила того восвояси. — Так что там с этими де — тек — тивами? — по слогам произнесла она, обращаясь уже к Тиме.

— А что с ними? — удивился тот, — просто популярный жанр. Даже я ими, в свое время, зачитывался.

— О! — обрадовалась Лилиана, — расскажи мне одну из прочитанных тобою историй.

— А разве это уместно?

— А почему нет? — вопросом на вопрос ответила она, — не волнуйся, у нас еще много времени. Пока посыльный доберется до столицы, пока жандармы соберутся, пока доедут.

— Ну, как знаешь, — пожал плечами попаданец и начал свой вольный пересказ книги Агаты Кристи про десять негрятят. Многое, естественно, он уже не помнил, что — то пришлось адаптировать, что — то сочинить. Однако, судя по интересу, явно читающемуся в глазах не только у самой Мистресс Лилианы, но и у окружающей ее челяди и бойцов охраны, публика ему попалась благодарная.

На словах: «После шторма на остров приплывут жандармы, но единственное что они здесь найдут — десять трупов и неразрешенную загадку» распахнулись двери и в зал вошел Юлиус, к слову, так и не вернувшийся в зал, после того, как его отослала Лилиана, в компании пятерки своих воинов. Они сопровождали трех человек, главным из которых, судя по всему, был щеголеватый мужчина лет тридцати отроду. Его отличительной особенностью были густые, пшеничного цвета усы, которые он, явно ценил и за которыми старательно ухаживал.

— Мистресс Ирри, — поклонился он, подойдя ближе к Лилиане, — позвольте представиться, меня зовут Кальри Вайло, я — лейтенант жандармерии славного города Орслин.

— Вайло? — задумчиво переспросила, поднимаясь на ноги Лилиана, — вы случаем не...

— Племянник, — ослепительно улыбнулся этот самый Кальри, а Тима тут же его

невзлюбил.

— Хорошо, — холодно улыбнулась хозяйка дома, сделав вид, что не заметила очевидной дерзости со стороны этого лейтенанта, — занимайтесь своей работой, — она кивнула в сторону уже остывшего трупа Мейстера Монора.

Тима, если честно, ожидал от жандармов чего — то другого. Не только их внешний вид смущал его — от бойцов той же Лилианы, они отличались только шевронами, а в остальном — выглядели как обычные вояки, — но и то, как вызывающе, хоть и оставаясь в рамках приличий, они себя вели.

— Это вообще нормально? — тихо поинтересовался он у Лилианы, пересевшей на его сторону стола, дабы не мешать «следственным мероприятиям» и сейчас, безучастно наблюдающей за тем, как жандармы, довольно грубо, надо сказать, допрашивают слуг и рабов.

— Что именно? — не поняла она.

— Их поведение, — кивнул Тима в сторону молоденького жандарма, что только что отвесил довольно сильную оплеуху молоденькой рабыне.

— Нет, конечно, — грустно улыбнулась Лилиана, — я, естественно, могу на них накричать и выгнать вшаей, но что это даст? Придется ждать других жандармов, а после еще будут разборки с пэриатом: как это я не доверяю профессионализму их дознавателей. А мне еще предстоит непростой разговор с семьей Монора. Так что пусть делают свою работу. А слуги... слуги потерпят. Им не впервой.

— Да уж... — протянул Тима, которого, прямо — таки коробило подобное отношение живым людям, — а что, он действительно представитель пэриата? — кивнул он в сторону лейтенанта. Вопрос этот был задан лишь с целью сказать хоть что — то не — матерное и по, своей сути, был бессмыслен, но Лилиана все же решила ответить:

— Да. Он племянник барона Ольта Вайло.

— Понятно, — со вздохом ответил Тима, хотя ему совершенно было непонятно.

И на этом разговор заглох окончательно. Они так и просидели молча, все то время, что шло «дознание».

Жандармы ушли на рассвете, даже не потрудившись забрать окоченевшее тело Мейстера Монора. Впрочем, и тот не остался без внимания. За ним, вскоре после отъезда жандармов, явились слуги семьи. Они споро погрузили его на телегу, запряженную двумя чахлыми кобылами и были таковы.

— Ну что ж, вот эта безумная ночь и закончилась, — задумчиво проговорила Мистресс Лилиана, стоя на пороге своего загородного имения и разглядывая окрасившийся розовым небосвод, — ты бы сходил, поспал немного. У тебя еще есть несколько часов перед отъездом.

— Отъездом? — переспросил, стоящий тут же Тима, у которого совершенно вылетело из головы, что он уже слышал подобный приказ от Лилианы, — ты куда — то собираешься?

— Мы собираемся. Ты тоже со мной поедешь.

— Вот оно что. Я с тобой поеду, — повторил он ее слова. Лили, послушай...

— Ты опять за свое? — не дала она ему договорить. — Я же уже не раз тебе говорила, чтобы ты не забивал голову подобной чепухой. Ты мой гость и этим все сказано.

— Но я не хочу... не могу быть нахлебником.

— Не волнуйся, — она улыбнулась, коснувшись кончиками пальцев его руки, — не будешь. В Орслине все будет иначе и мы, наконец, сможем нормально и предметно обсудить твои идеи. Ты не думай — я своего точно не упусти и тебе знатно придется поработать. Поэтому можешь со спокойной душой идти отдыхать.

— Нет, пожалуй, я не буду ложиться, — отказался Тима и видя, что Лилиана хочет что-то сказать ему, поспешно добавил: — для меня лучше не спать всю ночь, чем спать несколько часов. Поверь.

— Ну, хорошо. Дело твое. Выезжаем часа через четыре, будь готов к этому времени.

— Буду, — улыбнулся он Лилиане, и, сделав нарочито чопорный поклон, направился к своей любимой лавочке.

Этот разговор, произошедший между ними был не случаен. Тиму действительно тяготило его положение нахлебника. Первый раз, когда он подошел к Лилиане с предложением как — то отработать свой постой, та лишь рассмеялась и сказала, что он еще слишком слаб. В другой раз она сказала, чтобы он не забивал себе голову разными глупостями и что для работы есть рабы и слуги, а он ее гость. И лишь на третий раз, под напором сбивчивых Тиминых аргументов, она согласилась обсудить сложившуюся ситуацию. Тогда они проговорили довольно долго и, в конце концов, сошлись на том, что знания попаданца о достижениях его родного мира и ее финансы, вместо могут стать началом долгого и взаимовыгодного сотрудничества. Которое и будет платой Тимы за ее помощь и гостеприимство.

И вот сейчас, после несостоявшегося разговора с Мейстером Монора, семью которого, Лилиана каким — то образом хотела задействовать в их общих делах, Тиму грыз червячок сомнения. Могло ли быть так, что именно он, а точнее — его нытье о том, что он не хочет быть нахлебником, навлекли беду на гостеприимную хозяйку? Зачем, вообще, было его везти сюда? Не проще ли встретиться на нейтральной территории или в доме семьи Монора? В этом стоило разобраться, причем, как можно скорее.

Лилиану он нашел в одном из залов. Она отчитывала в чем — то провинившуюся

рабыню. Дождавшись, пока заплаканная девчонка убежит докладывать домоправительнице о наложенном на нее наказании, Тима обратился к Лилиане:

— Лили, можно тебя на минутку?

— Да, конечно, — улыбнулась она так, будто и не приказала только что выпороть молодую девушку за какую — то мелкую провинность.

Тима осуждающе покачал головой, но ничего не сказал.

— Что? Не одобряешь? — тем не менее, заметила, а самое главное — правильно интерпретировала этот жест Лилиана.

— Не понимаю, — честно ответил он, — что такого она сделала, что понадобилось столь суровое наказание?

— Разбила вазу.

— Из — за несчастной вазы ты приказала ее высечь розгами?

— Несчастной? Да эта ваза стоила как сотня таких как она! — от возмущения Лилиана едва не задохнулась. — Знаешь, что полагается за подобный ущерб, по закону?

— И что же? — все же поинтересовался Тима, хоть и подозревал, что ответ ему не понравится.

— Повешение. — коротко, но емко ответила она.

— За несчастную вазу, — Тима лишь покачал головой. — Что ж, должен признать, что был не прав. Твое наказание действительно не наказание в данном случае. Извини, — после некоторой паузы добавил он.

— Извиняю, — улыбнулась Лилиана, — так зачем ты меня искал. Не из — за этой бестолковой девки, же?

— Нет, не из — за нее, — подтвердил попаданец, — я искал тебя с целью задать несколько вопросов, если ты не против, конечно. И первый из них — как давно ты решила задействовать семью Монора в наших делах?

Казалось, Лилиана удивлена его вопросом, но, немного подумав, она все же ответила:

— Дня три назад. Мы с Титусом обсуждали некоторые из твоих идей. Возник вопрос с помещением и он предложил связаться с Монора. Они владеют несколькими складскими помещениями в речном и морском портах. Их вполне можно было переоборудовать под производственные нужды.

— Три дня, — задумчиво проговорил Тима, — а почему ты решила привезти Мейстера к себе в загородный особняк? Почему вы не обсудили все в столице?

— Я хотела, чтобы ты тоже присутствовал при нашем разговоре.

— А разве не проще было меня свозить в столицу, чем тащить этого толстяка сюда?

— Нет, конечно. Я решила, что ты еще не отошел от своих травм. Да и Юлиус сказал, что тут будет безопаснее.

— Юлиус сказал... — задумчиво проговорил Тима, — слушай, а его случаем не было, когда вы с Титусом обсуждали вопрос с помещениями?

— Нет. Постой, — она вскинула голову, — ты что, подозреваешь в чем — то Юлиуса?

— Нет — нет, — поспешно поднял руки Тима, — мы хоть с ним и не особо дружим, но пока ничего плохого о нем сказать не могу. Кстати, — после недолгой паузы, поинтересовался он, — а ты сама ему доверяешь?

— Конечно, — тут же ответила она, — он служит нашей семье уже больше десяти лет. И ни разу не давал ни единого повода усомниться в себе, своем профессионализме или своей верности.

— А кто он вообще такой? Откуда? — не отставал Тима, — он же вроде боец, но при этом владеет магией и не состоит в конклаве? Как так получилось?

— Честно говоря, я не знаю, — задумчиво ответила Лилиана, — как — то не интересовалась его происхождением. Помню, лишь, что отец упоминал как — то, что он был офицером у одного из имокийских пэров. А у кого конкретно — не помню. Но, если нужно, могу узнать.

— Не нужно. Я просто так поинтересовался. А что насчет магии? Где он обучался и как так вышло, что он не в конклаве?

— Обучался, судя по тому, что он пользуется только алгоритмами, у кого — то из классических магов. Возможно из диких. А в конклав не входит потому, что его никто не принимал в род. Да и он, все же, больше боец, чем маг.

— Понял тебя, — ответил Тима, осмысливая полученную информацию.

— Еще есть какие — нибудь вопросы? — тоном, явно намекающим на то, что если они и есть, то их стоит отложить на более позднее время, поинтересовалась Лилиана.

— Нет, пока нет.

— Хорошо. Тогда иди, собирайся, скоро уже будем выезжать.

Сборы закончились где-то около одиннадцати часов утра и кавалькада, состоящая из трех карет и десятка телег двинулась по дороге к Орслину. Тиме выпала честь сидеть в одном экипаже с Мистресс Лилианой. Компанию им составил ее управляющий — Титус. А вот ни Далофу, ни Руфи, ни тем более Митри, из — за их статуса, места в карете хозяйки не нашлось.

Для Тимы все было в диковинку, поэтому он оккупировал сидение рядом с одним из окон. Правда, быстро поменял его на противоположное, согнав с него Лилиану, так как любоваться на спину Юлиуса, ехавшего рядом с хозяйской каретой, у Тимы никакого желания не было. Лилиана отнеслась с пониманием к желанию попаданца, за что он ей был несказанно благодарен, ведь посмотреть действительно было на что.

И, если проселочная дорога, идущая, вдоль одного из притоков Гильмы, не вызывала особого восторга, а скорее наоборот — угнетала, ведь ни о каких рессорах в карете и речи не шло. То когда они выехали на тракт — Тима был действительно впечатлен. Естественно, что до автобанов из его мира, этой междугородней средневековой трассе было далеко, но все же это была настоящая дорога. Причем — лучше многих в его родной стране.

Тракт, тянущийся вдоль основного русла Гильмы был широк и ухожен. Построенный из огромных, очень хорошо подогнанных друг к другу плит. Он даже имел, специально огороженные невысоким бортиком, зоны для пешеходов, по обоим своим сторонам.

— Как давно построили этот тракт? — поинтересовался Тима у Лилианы, подспудно ожидая, что, согласно канонам, он окажется какой — нибудь древней дорогой, секрет строительства которой был давно утерян.

— Лет сорок назад? — вопросительно посмотрела девушка на Титуса.

— Тридцать пять, — поправил тот ее, — этот тракт был построен по приказу батюшки бывшего короля.

— Но как? — искренне удивился Тима, прекрасно уже знавший, что технологии в этом мире находились где — то на уровне века XVI–XVII его мира.

— Магия, — коротко улыбнувшись, пояснила Лилиана.

— И инженерия, — добавил Титус.

— Неужели ваши маги настолько сильны? Я думал, что никаких особых чудес вы не

можете делать, — он вопросительно посмотрел на Лилиану.

— А никаких чудес тут и нет, — вновь улыбнулась она, — всего лишь долгие, кропотливые расчеты и много работы. Вообще, если хочешь, я могу тебя сводить в Орслине в архитектурную гильдию. Это, — она кивнула в сторону тракта, — их работа. Поинтересуешься у них что да как, а то я, должна признаться, не особо сильно разбираюсь в магическом строительстве.

— Буду очень признателен, — улыбнулся он в ответ, — если будет возможность и время. Я, если честно, больше любопытства ради интересоваться. Сам-то я тоже далек от всех этих технологических штучек.

На этом разговор как — то сам собой сошел на нет и Тима продолжил наблюдать в окно за проплывающими за ним пейзажами. Из — за того, что их кортеж, если можно так выразиться, состоял по большей части из тихходных телег, то и общая его скорость была крайне далекой от спринтерской. Что, впрочем, позволяло Тиме все отлично рассмотреть.

Природные пейзажи не выделялись ничем особым. Все те же багряные краски еще не опавших листьев. Все то же хмурое, низкое небо, затянутое свинцово — стальными облаками. Все та же свежесть увядания. Красота, одним словом. Да, Тима был из тех людей, кто любит осень. Она его всегда вдохновляла, делала живым. И сейчас, видя привычные, любимые, картины осеннего великолепия, душа его пела.

Впрочем, его радостное настроение продержалось лишь до первой деревеньки на их пути. Если бы его попросили описать ее одним словосочетанием, он был сказал нечто вроде: «нищая нищета».

Старые, потемневшие от времени и непогоды домики за покосившимися, давно не латанными заборами. Грязные, одетые в какое — то рванье люди и толпа серолицых, похожих на скелеты, детей, гурьбой бегущих за их каретами и повозками, тянущих к ним руки. Все это дико контрастировало со всем тем, что видел Тима ранее: с великолепием поместья Лилианы, с качеством и добротностью тракта, с красотой природы, в конце концов.

— Что это есть? — попаданец был настолько ошеломлен, что у него вновь прорезался его жуткий акцент.

— Что именно? — как ни в чем не бывало, поинтересовалась Лилиана.

— Этот, — Тима сделал широкий, насколько это было возможно в тесноте кареты, жест рукой, подразумевая все вокруг.

— Ах, вот ты о чем. Это деревня сервов. Кому они принадлежат я, если честно не знаю.

— Графу Имашу, — тихо подсказал управляющий.

— Благодарю, Титус.

— А почему они... — Тима помолчал, не зная как выразить свою мысль, — такие, — наконец нашел он подходящее слово.

— Какие? — все же не поняла его Лилана.

— Нищие, оборванные, грязные... Неприкаянные, наконец.

— Сервы как сервы, — пожалала она плечами, — большинство сервов так живут. Кто — то чуть лучше, кто — то чуть хуже. Но, в целом, все примерно одинаково.

— И что, они все это так и терпят? Неужели не бывает восстаний? Или еще чего — то?

— Бывают, конечно, — ответила Лилиана, — но редко. А после воцарения Триумvirата, так их вообще не случалось.

— Расскажешь? — поинтересовался Тима.

— Разрешите я, — несмело поинтересовался Титус, а попаданец краем сознания подметил, что управляющий, стал намного смелее и разговорчивее, чем на том злосчастном ужине.

— Как тебе будет угодно, — махнула рукой Лилиана, — все равно, ты лучше разбираешься в этом вопросе, — она как-то странно улыбнулась.

— Все дело в новых законах, появившихся после воцарения Триумvirата. Согласно им, любой бунтовщик, схваченный и уличенный в бунтарской деятельности сразу же, без суда и следствия, попадал в пожизненное рабство вместе со всей своей семьей.

— И почему это сработало? — не понял Тима.

— Потому, что раньше, бунтовщику грозила лишь смерть. Да, пусть ужасная, но все же смерть, а на его семью наказание не распространялось. К тому же, многие из тех, кто участвовал в бунтах, выживали и, даже, возвращались обратно домой. Кто — то даже с прибылью.

— Кажется я начинаю понимать, — до попаданца, и правда, начало доходить, — люди, в большинстве своем, были готовы потерять свою жизнь, но не свободу. И уж тем более, они не хотели, чтобы подобное случилось и с их семьями.

— Вот именно, — с каким — то странным азартом в голосе, проговорил Титус, — получается, что рабы, которым совершенно нечего терять, разобщены и не могут породить в себе достойного лидера. Сервы, которые, по своей сути, мало чем отличаются от рабов, но все же рабами не являются, более того — презирают последних. Им и так есть что терять, а теперь, появился еще и шанс опуститься в самый низ иерархии, к тем, кого ты даже за людей не считал. И есть свободные люди, которым нет совершенно никакого резона бороться за тех, кто ниже них.

— Разделяй и властвуй, — задумчиво проговорил Тима.

— Что вы сказали? — не понял его Титус.

— Да так, — отмахнулся попаданец, — есть такое выражение в моем м... — он запнулся, вспомнив, что о том, что он иномирец, знает всего несколько человек, — у меня на родине, — быстро поправился он.

— Интересное выражение, — заметила Лилиана, внимательно слушавшая их разговор, — а еще очень интересно, что ты, Титус, так много думал о рабстве, рабах и бунтах.

— Я...это... вы не подумайте, — забормотал, вмиг побледневший управитель, ставший теперь таким, каким его и увидел первый раз Тима.

— Да ты не волнуйся, Титус, — отмахнулась Лилиана, будь ты хоть самый главный мятежник, мне на это наплевать до тех пор, пока твои делишки не коснутся меня и тех, кто мне дорог.

На этом моменте, собственно, разговор сам собой и завершился. Лилиана, сделавшая вид, что ничего особенного не произошло, вернулась к созерцанию пейзажей за окном. Титус — сидел весь красный, как рак, судя по всему, очень жалея, что распустил свой язык. Тиме же не оставалось ничего иного, кроме как последовать примеру девушки и тоже уткнуться носом в окно.

Однако, пейзажи его больше не интересовали. Попаданец сосредоточил все свое внимание на том как жили простые люди в этой стране. И, нужно сказать, он был сильно впечатлен. И впечатление было резко отрицательным. Первая деревня, сквозь которую они

проехали оказалась не самым плохим местом для жизни. Там у людей, хотя бы, были дома и какая — никакая, но одежда.

За те несколько часов, что они добирались до столицы Тима умудрился повидать достаточно. Простые люди в этой стране, казалось, не жили, а выживали. Многие не имели нормальных домов и им приходилось ютиться в каких — то примитивных землянках. Причем, деревень, состоящих из подобного рода строений, было гораздо больше тех, где люди жили в том, что, хоть как — то, но напоминало нормальные дома. Как правило те, кто жил в подобных подземных, деревянных и выглядели соответственно — грязные, одетые в нечто, напоминающее просто мешок с дырками для рук и ног. Если Тиме раньше было жаль рабынь Лилианы, с которыми, как ему казалось, обращались бесчеловечно, то теперь он понимал, что по сравнению со многими сервами, они жили просто в королевских условиях. Впрочем, не только с сервами, — по дороге попалась им и пара деревень свободных людей. Конечно, условия жизни там были намного лучше, чем в деревнях сервов, но даже они не дотягивали до уровня быта невольников Лилианы.

Тима был достаточно сильно угнетен открывшимся ему зрелищем. Ему хотелось что — то сделать для этих несчастных, истощенных и униженных людей, чья жизнь — это, по сути, просто растянутое на годы умирание. Но он не мог, будучи сам зависим от доброты и гостеприимства Лилианы.

«Пора становиться на ноги и брать все в свои руки. Хватит болтаться как то самое в проруби», — принял он решение, задумчиво разглядывая Титуса, к которому, после его страстной речи, теперь испытывал небольшую симпатию. Видно было, что управляющему не плевать на проблемы простых людей. И Тима решил, что как — нибудь попозже, обязательно поговорит тет — а — тет с ним на эту тему.

Первым, что увидел Тима, когда они подъезжали к городу, были высоченные, никак не меньше пятнадцати метров высотой, каменные стены. Именно их он и заметил, когда дорога, следуя изгибу реки, сделала плавный поворот. Правда, в тот момент они, хоть и были уже различимы, но не выглядели столь впечатляюще, как с близкого расстояния. В чем попаданец смог убедиться лично, когда тракт все же разошелся с Гильмой и шел, теперь, вдоль одной из городских стен. И впечатлили они Тиму, далеко не своей высотой, ему ли, человеку из мира, где здания полукилометровой высоты, это обыденная реальность, восторгаться жалкими пятнадцатиметровыми постройками? Нет, его впечатлило именно мастерство, с которым была сложена стена. Камни были настолько хорошо подогнаны друг к другу, что казалось, перед ним простирается не рукотворная преграда, а созданный природой скальный массив. Нет, естественно тут были и трещины и выбоины и в некоторые щели можно было засунуть не только лезвие ножа, но и палец впридачу, однако все это ничуть не портило ощущение той самой «монолитности».

На въезде в Орслин, прикрытом высоченной башней и надежно защищенном пятиметровыми, окованными широкими металлическими полосами, воротами, их встретила целая делегация стражников. Одеты они были сродни тем жандармам, что приезжали в гости к Лилиане этой ночью, зато вооружены были древковым оружием, являющим собой некий гибрид алебарды и молота. Тима знал, что у этого оружия есть свое название, но оно совершенно вылетело у него из головы. Впрочем, мечи у стражи тоже имелись. Правда, были они чуть короче тех, которыми были вооружены бойцы охраны Лилианы.

Никаких заминок на въезде не случилось. Начальник караула о чем — то переговорил с,

заблаговременно выехавшим вперед Юлиусом и путь их кортежу в Орлин был открыт.

Первым впечатлением Тимы, когда они миновали длиннющий воротный проезд, скрытый в недрах надвратной башни, было, пожалуй, недоумение. Он совершенно не понимал как в государстве, умеющем строить такие хорошие дороги и такие...интересные (наверное подобное слово будет самым уместным в данном случае) города, могут существовать поселения, состоящие из одних землянок. Причем, эти деревушки находились, всего в каких-то десятках километров от столицы.

Знакомство с городом у попаданца началось со средних размеров, полукруглой площади, выложенной все тем же серым камнем. Площадь располагалась непосредственно перед выездом из башни. Примечательна она была тем, что сейчас на ней столпилась целая куча разнообразного люда. Впрочем, места для проезда их кортежа тоже хватало, а если кому из посторонних и случалось оказаться у них на пути, то солдаты Юлиуса, не особо церемонясь, хлыстами, освобождали дорогу.

Тима все никак не мог понять почему тут собралось так много народа и уже собирался поинтересоваться у Лилианы, которую, судя по всему, подобное зрелище совершенно не удивляло, но все разъяснилось само собой. Плотная толпа перед его окном немного разошлась и он сумел увидеть сложенные прямо на землю мешки с какой — то местной репой. Площадь оказалась рыночной. Что, впрочем, было довольно логично, если учитывать что именно на нее выводил тракт, идущий сквозь несколько деревень.

— И часто тут такое? — все же решил он утолить свое любопытство.

— Каждый шестой день недели в столице торговый, — ответила ему Лилиана.

— А что, в другие дни ничего купить нельзя что ли?

— Нет, конечно, — удивленная его вопросом, она даже повернула к нему голову. Их глаза встретились, как это бывало тогда, когда они оба забывали о самоконтроле и о том, что смотреть друг другу в глаза — значит, потенциально, наделать глупостей. Тима почувствовал, что тонет в ее карих, таких невероятно красивых... Он невероятным усилием воли все же заставил себя отвернуться, разрывая возникшую между ними связь.

— Извини, — немного хриплым голосом, попросил он.

— Ничего страшного, я сама виновата, — тяжело дыша ответила Лилиана. Ее зацепило явно не меньше.

Что с ними происходит не знал ни сам попаданец, ни его гостеприимная хозяйка. Они знали лишь то, что скольнибудь продолжительный зрительный контакт между ними, напрочь сносил им обоим голову. Тогда, когда Тима рассказывал Лилиане свою историю, удержаться от того, чтобы превратить ту их встречу в марафон разврата, им помогло только то, что попаданец буквально лежал пластом и ни на что серьезное был совершенно не способен. Именно после того случая они старались не встречаться лишней раз взглядами. А если таковое случалось — старались оборвать контакт как можно скорее. Причем, что удивительно — сила этого «контакта» каждый раз была разной. Иногда Тима готов был повалить девушку на пол после лишь мимолетного взгляда, а иногда — просто испытывал сильнейшую симпатию. Но ясно было одно — чем дольше они смотрят друг-другу глаза в глаза, тем сильнее шанс сорваться.

Позиция Тимы по этому поводу была простой — он не любил пользоваться женщинами и был искренне благодарен Лилиане за ее участие и помощь. Он проникся к этой, хоть и

молодой, но очень сильной и умной женщине, настоящим уважением и не хотел опошлять развивающиеся между ними отношения банальными потрахушками. Хотя хотелось. Очень.

Чем руководствовалась сама Лилиана, Тима не знал. Может дело было в местной морали. (Да — да, несмотря на тот, казалось бы разврат, царящий в местном обществе, оно, тем не менее, напоказ, было достаточно пуританским. В умах местных жителей совершенно спокойно уживалось то, что сейчас молодая хозяйка стонет и извивается под молодым рабом, совершенно не стесняясь находящихся в соседней комнате мужа и детей, а спустя каких — то полчаса, показательно краснеет от какой — нибудь мелочи, показавшейся ей не благодетельной.) А может еще в чем — то, ином. Однако, попаданец видел, что и ее цепляет не меньше, чем его самого. Вследствие своей странной реакции друг на друга, между ними возникла негласная договоренность — как можно меньше смотреть друг другу в глаза. Которая, только что, была нарушена Лилианой.

Некоторое время они ехали молча и Тима вернулся к созерцанию проплывающих мимо улочек и улиц Орслина. К его немалому удивлению, они совершенно не вписывались в «канон» типичного средневекового города, в который обычно попадают разного рода спецназовцы и прочие программисты.

Улицы были достаточно широки, настолько, что тут могли совершенно спокойно разъехаться две повозки, едущие друг другу навстречу и еще место для пешеходов останется. Дома были, в основном, двухэтажными, построенными все из того же серого камня. Крыши их покрывала черепица разнообразных цветов — от серого, до кроваво — красного. Окна на первых этажах отсутствовали полностью, из — за чего Тиме, на миг показалось, что они снова едут вдоль крепостной стены. Зато наверху их было с избытком. В большинстве своем, по случаю холодной погоды, они все были прикрыты ставнями, однако были и те, кому, видимо, холод был не страшен. Благодаря этим людям, попаданец и заметил, что то, что вставлено в проемы, если и похоже на стекло, то лишь отдаленно. А стекло тут умели делать, причем достойного качества, Тима знал это по загородному поместью Лилианы.

Дорога от предвратной площади, до следующих, на этот раз — внутренних, ворот заняла у них никак не меньше получаса, что косвенно свидетельствовало о достаточно крупных размерах Орслина.

Площадь перед внутренней стеной была совершенно пустынна, если не считать караула все тех же бойцов, охраняющих ворота. Едва увидев приближающуюся к ним процессию, стражники вытянулись по стойке смирно, задрали головы чуть вперед и влево и положили левую руку себе на солнечное сплетение. Правая же была вытянута вдоль тела и сжата в кулак.

— Что это они делают? — заинтересовался Тима, впрочем, догадываясь, что это нечто сродни воинскому приветствию.

— Приветствуют меня, — не замедлила с ответом Лилиана, не поворачивая, впрочем, головы в сторону попаданца.

— А как они... Ах да, — сам себя перебил Тима, — герб на карете.

— Именно, — подтвердила девушка.

— А почему не приветствовали те, что на въезде в город?

— Потому, что то были люди из клириката, а это, — кивнула она в сторону шеренги бойцов, — это представители одной из семей, входящих в конклав.

— Понятно, — протянул Тима, — и что, каждая семья отвечает за что — то свое в городе?

— Поясни, — попросила Лилиана.

— Ну, смотри, утром тебя навестил жандарм из пэриата, на въезде в город стоит стража клириката, а во внутренний город — конклава.

— Ах, вот ты о чем, — наконец поняла она, — нет, что ты. Никто бы в здравом уме не отдал всю власть над чем бы то ни было в руки кого — то одного. И в страже и в жандармерии и в войсках есть представители каждого из этих трех лагерей. Да и обычных людей тоже хватает.

— В смысле? — не понял попаданец.

— Что тебе не понятно?

— Поясни про обычных людей, — уточнил свой вопрос попаданец.

— А что тут непонятного? — удивилась девушка, — ты же ведь не думал, что все жители нашей страны принадлежат к этим трем фракциям?

— Честно говоря, именно так я и думал, — хмуро ответил Тима, уже понимая, что сморозил глупость и что в реальной жизни не может быть столь четкого разделения общества.

— Глупость какая, — засмеялась Лилиана, все же повернувшись к нему. — Как ты вообще себе это представляешь? Кто — то ведь должен выращивать пищу, заниматься производством, прислуживать, в конце концов.

— И правда, глупость, — тоже улыбнулся попаданец, признавая правоту девушки.

— Есть гильдии, цеха, артели, в которые входит простой мастеровой люд, — продолжила объяснять она, — конечно, большинство из них находятся под патронатом той или иной семьи или рода, но есть и те, кому удастся остаться независимыми.

Лилиана еще рассуждала на тему взаимоотношений разных слоев населения в государстве, но Тима ее уже не слушал, все его внимание было сосредоточено на проплывающих за окном пейзажах.

Внутренний город разительно отличался от внешнего. Улицы стали шире, ухоженнее. Дома подросли на один — два этажа, обзавелись настоящими окнами и на первых этажах. Появились магазины с броскими и вычурными вывесками. Приятным дополнением было большое количество деревьев, коих, во внешнем городе не наблюдалось совершенно. Тиме, на долю мгновения показалось, что он вернулся домой, в свой мир — уж очень сильно, внутренний Орслин напоминал современные земные города.

— Ну, как тебе? — донесся до него голос Лилианы, внимательно наблюдающей за его реакцией.

— Замечательно, — повернулся он к ней и не скрывая своей улыбки, — очень сильно похоже на мой родной город. Только без рекламы и машин.

— Без чего? А, хотя неважно. Неужели ваши города похожи на Орслин?

— Ну... — задумчиво протянул Тима, раздумывая над тем как бы правильно выразить свои мысли, — внешне — совсем не похож. У нас так давно не строят. Но вот ощущение, размер улиц, деревья эти, — он кивнул в сторону проплывающего за окном пейзажа, — все это очень похоже. Я не знаю как иначе объяснить.

— Не трудись, — улыбнулась девушка, — я поняла что ты имеешь ввиду. Раньше внутренний город практически ничем не отличался от внешнего, но дед бывшего короля приказал перестроить центр своей столицы.

— Отец, госпожа, — поправил ее Титус, к которому, похоже, уже вернулось самообладание.

— Что? — явно не поняла Лилиана.

— Я говорю, — пояснил управляющий, — что не дед государя, а его отец. Это было первым его указом при восхождении на трон. Страшное дело было. Тогда чернь, при поддержке аристократов, чьи имения в столице пошли под снос, начала восстание. Которое было жестоко подавлено. Это, кстати, и послужило основой для последующего переворота и изменения нашего государственного строя.

— Титус, — устало проговорила Лилиана, — ты мне иногда напоминаешь господина Имата. Это мой преподаватель по истории, праву и этикету, — пояснила она специально для Тимы, — так что, будь добр, оставь свои лекции по истории. Они сейчас совершенно не уместны.

— Да, госпожа. Конечно, госпожа. — Не вставая, изобразил поклон управляющий.

— В общем, — девушка задумалась, — ты все слышал. Дальше будет еще красивее, — немного невпопад закончила она.

— Слышал, — согласно кивнул Тима, которого сейчас совершенно не интересовали экскурсы в местную историю, — а что будет дальше? Еще одна стена?

— Нет, больше стен не будет. Хотя, — она поправилась, — если не считать дворцовой, но мы до нее в любом случае не доберемся. А я имела ввиду аристократический район города. Тебе должно понравиться.

— Аристократический? — удивился попаданец, — а я думал, что весь внутренний город — это аристократический район.

— Так было раньше, до перестройки. Потом, по ее завершении, тогдашний король разрешил тут селиться всем желающим. У кого имелись деньги, естественно.

— Погоди, — не понял Тима, — то есть он продавал землю внутреннего города под строительство?

— Да.

— А что насчет предыдущих владельцев? Он, что, просто отнял у них землю?

— Именно так, — согласно наклонила голову Лилиана, — это было их наказанием за мятеж. Хотя, я думаю, что он изначально подумывал повернуть нечто эдакое. Ведь, как ни крути, но постройка целого района — дело не из дешевых. А внутренний город сам по себе не маленький.

— Какой же идиот, — протянул Тима, для которого все встало на свои места. — Теперь понятно почему нет больше королевской власти в вашей стране. Подобную пощечину аристократы не могли стерпеть. А что с поместьями тех, кто не поддержал мятеж? Неужели таких не было?

— Ну почему же? — вопросом на вопрос ответила девушка, — были. Собственно, мы туда и направляемся. В часть внутреннего города, отданную тем аристократическим родам, что поддержали тогда короля.

— Постой, так твой род...

— Именно, — улыбнулась Лилиана, — род Ирри всегда поддерживал правящую семью. А мой отец был ближайшим другом бывшего короля.

— Но как же вам удалось уцелеть и сохранить свое богатство во время переворота? Не верю, что новая власть не устроила охоту за сторонниками правителя.

— Ну... — слегка замявшись начала девушка, — скажем так — мой отец вовремя сделал правильный выбор.

— Понимаю, — протянул Тима, действительно понявший недосказанность.

— Осуждаешь? — с некоторым, даже, вызовом поинтересовалась Лилиана.

— Лили, — улыбнулся он, — ну как я могу осуждать что — то или кого — то, не зная всей подоплеки ситуации? Может твой отец и король совсем не дружили. Может король вообще сволочью был. Да и неважно, все это, по своей сути. Я лично не имею к тем событиям никакого отношения, ты, насколько я понимаю — тоже. Ведь переворот произошел еще до твоего рождения? — вопросительно посмотрел он на нее.

— Да, за три месяца, — согласно кивнула девушка.

— Ну так тем более. Винить детей за грехи отцов, тем более, не зная о том как все было на самом деле — глупость несусветная.

— Спасибо.

— Да не за что, — улыбнулся Тима, а затем, посерьезнев, поинтересовался: — как я понимаю — не все думают так как я?

Лилиана в ответ лишь кивнула.

— Понятно, — протянул Тима, — знаешь, что я тебе скажу? Шли всех недовольных в задницу!

— Мастер Тималь, — аж подскочил на сиденье Титус, — как вы сме...

— Помолчи, Титус, — отмахнулась от него Лилиана, — продолжай, Тима.

— Да нечего тут продолжать, — немного стушевался попаданец, вспомнив, наконец, что находится не в мире Земли и разговаривает не со своей подружкой одноклассницей, — я говорю — не обращай внимания на тех, кто говорит гадости в твою сторону или делает. Ты замечательный и добрый человек. И я — тому подтверждение.

— Ой да брось, — отмахнулась Лилиана, — я сделала то что должно было.

— Нет не брошу. Я тебя, конечно, благодарил уже, но хочу сделать это еще раз. И, знай, что я все для тебя готов сделать, — проговаривая эти слова Тима был совершенно искренен и, видимо, девушка это почувствовала, поэтому, ответила совершенно серьезно:

— Я знаю, Тима и я тебе благодарна за это, — затем серьезное выражение слетело с ее лица и она, улыбнувшись проговорила: — и первым делом, как мы отдохнем и разберемся с текущими делами, ты мне составишь компанию в прогулке по моим любимым местам в городе?

— Ты приглашаешь меня на свидание? — поразился Тима, которому еще не доводилось быть в роли приглашаемого.

— Свидание?

— Так на моей родине называется встреча двух людей, которые небезынтересны друг другу... Ну ты понимаешь... — немного покраснел он.

— Хм, — задумалась девушка, — а как это происходит?

— Ну... Обычно молодой человек приглашает девушку. Они встречаются где —нибудь в интересном месте. Гуляют вместе, держась за руки. Потом идут в... — слова «кафе» в местном языке, что естественно, не существовало, поэтому Тима запнулся на миг, подбирая альтернативу, — в небольшой ресторан, где вместе обедают, выпивают легкий алкоголь, после чего расходятся по домам. Ну или не расходятся, — тут все зависит от многих вещей.

— Интересно. Ну что ж, пусть будет свидание, — она задорно улыбнулась попаданцу, — думаю это будет интересно. Кстати, — она внезапно сменила тему, — посмотри в окно, правда здесь красиво?

— Правда, — не мог не согласиться с ней Тима.

Причем, он совершенно не покривил душой. «Аристократический» район Внутреннего

города был действительно красив. Но красота эта была не архитектурной, а природной.

Дорога, по которой они двигались, больше всего напоминала парковую аллею. От тротуаров ее отделяла, явно специально высаженная, полоска кустов, отдаленно похожих на лавровые. Периодически в этой полосе появлялись прорехи, в которые ныряли отростки основного пути. Они упирались в высокие, как правило, металлические ворота. А вот что скрывалось за ними — Тима не знал, так как высоченная живая изгородь надежно хранила секреты своих хозяев.

И, если дорога, подъездные дорожки и внешняя стена были одинаковы у всех, то вот на воротах хозяева расположенных здесь поместий, явно решили оторваться. Как только они не изгалялись, как только не пытались перещегоолять друг друга. Встречались даже барельефы вместо ворот.

— Дай угадаю, — повернулся Тима к Лилиане, — ворота...

— О, да, — перебила его девушка на полуслове, — я так и знала, что ты заметишь. Воротами в нашем районе принято гордиться.

— Я уже заметил, — улыбнулся попаданец, ничуть не обидевшийся на то, что ему не дали закончить свою фразу, — дай угадаю — указ короля?

— Он самый. Ходят слухи, что район проектировали таким из — за того, что матушка того короля очень любила лесные прогулки, однако, из — за возраста уже не могла их себе позволить. Вот ее сынок и сделал ей приятное — превратил район, предназначенный для оставшейся ему верной знати в парк. Запретив, при этом, отдельным указом, что — то тут менять.

— А ворота?

— А что ворота? Ворота не подпадали под указ, а дворяне люди такие...

— Понимаю, — улыбнулся Тима. И он действительно понимал. Понты, они ведь дороже денег. Что здесь, что на земле, люди большую часть времени занимались только тем, что пускали друг другу пыль в глаза. Все эти фейсбуки, инстаграммы, ютубы, все это, созданное с благой целью, в итоге превращалось в инструмент для очковтирательства. Все эти радостные «сториз» о том, как ты хорошо живешь, какая у тебя интересная жизнь, чтобы, не дай бог, твои «друзья» не подумали, что ты не такой как все. Хотя, тем, по большей части, совершенно наплевать на кого-то, кроме себя. И, даже, если ты пропадешь из всех этих социальных сетей, они вряд — ли заметят это, занятые ежедневным раскидыванием лайков постам, которые даже не читают.

— Вот мы и приехали, — вырвал попаданца из внезапного приступа философствования, голос Лилианы.

Тима встрепенулся и посмотрел в окно. Они как раз въезжали в одни из тех самых ворот, о которых, совсем недавно, шла речь. Надо сказать, что вкус у предков Лилианы явно имелся — никакой вычурности, только небольшой узор на растительную тематику.

Внутри же, их встретила длиннючая подъездная аллея, украшенная по бокам невысокими, аккуратно постриженными кустиками и небольшими, изящными статуями, сделанными из чего-то вроде мрамора. Картину дополняли несколько деревьев, сейчас одетых в рыжее.

Сама же столичная резиденция семьи Ирри была немногим меньше загородной и представляла собой двухэтажный особняк с несколькими треугольными башенками. Построен он был, судя по всему из такого же камня, что и статуи. Крыша была темно — серой, и по своему краю была украшена невысокой балюстрадой, чей стиль, отдаленно

напоминал греческий. Окна у здания были очень узкими, гораздо уже тех, что были в загородном доме Лилианы и издали создавали впечатление бойниц. Однако, подъехав ближе, Тима понял, что оными они не являются и это, лишь, полет фантазии архитектора, построившего этот дом.

— Ну, как тебе? — поинтересовалась Лилиана, внимательно наблюдая за его реакцией.

— Очень необычно, — честно ответил Тима, — нет, красиво, — поспешно добавил он, дабы не обижать хозяйку, — не подумай ничего такого. Просто стиль какой — то... необычный. У нас так никто не строил.

— Подобный стиль был популярен в нашей стране примерно три — четыре сотни лет назад. Все здания тех лет, выглядят подобным образом. Впрочем, сам увидишь, во время нашего сви — да — ни — я, — по слогам произнесла она и задорно улыбнулась.

— Погоди, — не дал сбить себя с толку Тима, — так ты же говорила, что этот район перестраивался относительно недавно. Или это, — он кивнул в сторону поместья, — просто имитация?

— Нет, что ты. Дом строили в то время, когда подобный стиль был в ходу. Не все здания снесли во время перестройки. Часть осталась на своих местах. Этот особняк как раз из таких.

— Вот оно что, — задумчиво протянул Тима.

Он был впечатлен. Для дома, которому больше трехсот лет, тот был в отличнейшем состоянии.

Тем временем карета остановилась и дверь, со стороны Лилианы распахнулась.

— Добро пожаловать домой, госпожа, — поприветствовал свою хозяйку Далоф, выглядящий так, будто он не тащился все это время в телеге с прочими слугами, — обед будет через час. Руфи уже готовит для вас чай. Ваша корреспонденция находится, как всегда, на столе в вашем кабинете.

— Спасибо, Далоф, — поблагодарила дворецкого Лилиана, выбираясь из кареты, — прикажи кому — нибудь из слуг, показать мастеру Тималю его комнаты.

— Тима, — повернулась она к все еще сидящему внутри кареты попаданцу, — обустройся, чувствуй себя как дома, а через час я жду тебя в столовой.

— Принял, — улыбнулся он Лилиане, наблюдая за тем, как Титус, кряхтя, выбирается из транспорта.

Эпилог

Тима чувствовал себя неприкаянным. Эта неделя, проведенная в доме Лилианы выдалась для него откровенно скучной. Да, тут было на что посмотреть, однако, весь дом он обследовал за первые двое суток своего пребывания в нем. А затем, тихой сапой, к нему подкралась скука. Внезапно оказалось, что ему просто нечем заняться. В город одного его Лилиана отказывалась отпускать, а сама была настолько занята свалившимися на нее неприятностями из — за смерти Мейстера Монора, что и дома — то только ночевала. Тима все прекрасно понимал, поэтому лишний раз старался не отвлекать ее и не напоминал о данном ею обещании.

Пытаясь бороться со скукой — он решил, было, подкатить к Юлиусу с тем, чтобы вновь поприсутствовать на тренировках его бойцов. Тима давно заметил, что отношение начальника охраны Лилианы к нему стало хуже, однако не понимал чем это вызвано и надеялся, что нелюбовь Юлиуса к нему не даст тому лишиться попаданца одного из развлечений. Зря надеялся. Отповедь старшего над воинами Лилианы, была довольнс

жесткой и сводилась к тому, что Тиме не стоит отвлекать взрослых дяденек от их прямых обязанностей и стоит пойти поиграть в другом месте. Естественно, сказано это было более обтекаемо и вежливо, но, суть попаданец уловил правильно — Юлиус его не любит и не хочет лишний раз видеть.

Впрочем, отнесся он у этому факту довольно философски — в конце-то концов, он же не китайская ваза, чтобы всем нравиться. А вот отсутствие тренировок немного напрягло. Тима, долгое время живший активной жизнью, сейчас буквально чувствовал как начинает обрастать жирком. Чувствовал, что засиделся. И, если бы не его благодарность Лилиане, да и не те теплые чувства, что он к ней испытывал, что уж греха таить, то Тима, скорее всего просто бы сбежал. Отправился куда глаза глядят. Но было нельзя. А следовательно — нужно было придумать себе занятие.

И он его себе придумал. Внезапно вспомнив, что у него есть аж целых два бездельничающих духа — раба, он тут же припахал их к полезной деятельности. С утра до обеда — он учился у Гадаара. С обеда до вечера — у Лона, которому припомнил его обещание подучить попаданца обращению с оружием. Это позволило на некоторое время занять себя.

— Занимаешься? — отвлек Тиму от отработки очередного удара голос Лилианы.

Он обернулся и увидел, что девушка уютно устроилась на одной из лавочек, находящихся в дальнем конце парка, где попаданец, вдали от посторонних глаз и тренировался в последнее время. Судя по небольшому чайному столику и парящему чайнику на нем, Лилиана тут находилась довольно давно.

«Мог бы и предупредить», — с укоризной подумал Тима, обращаясь к Лону. Тот ничего не ответил, лишь поклонился Лилиане. Та же, в свою очередь, отсалютовала духу бывшего боцмана чашкой чая и подмигнула. Увидев последний жест девушки, Тима слегка опешил. «В кинжал, быстро», — все так же мысленно приказал он своему духу рабу и когда тот исчез, направился к той же скамейке.

— Спелись, как я посмотрю, — хмуро поинтересовался Тима, присаживаясь рядом с Лилианой.

— Не понимаю о чем ты, — хитро улыбнулась та, — чай будешь?

От ее улыбки, как в той песне, на душе у Тимы стало светлее и легкая обида на девушку, из — за того, что та так легко манипулирует его слугами, мигом улетучилась.

— Конечно, — улыбнулся он в ответ.

Некоторое время они молча наслаждались чудесным напитком.

— Если хочешь, я переговорю с Юлиусом, — наконец предложила она.

— Не стоит, — отказался попаданец, — в конце концов, он в чем — то даже прав. Негоже, что посторонние лезут не в свое дело.

— Ты не посторонний.

— Да ладно, — отмахнулся Тима, — ты лучше расскажи как у тебя дела, а то в последнее время мы даже поговорить нормально не можем, — он вновь слегка улыбнулся, чтобы девушка не подумала, что это упрек.

— Так себе дела, если честно, — с некоторой печалью в голосе ответила она.

— Я могу чем — то помочь?

— Не думаю.

— Тогда рассказывай, в чем дело.

— Да все в том же. Монора подали на меня жалобу. Якобы я специально заманила

представителя их семьи к себе в дом, где и подставила под удар. Мол, у них есть доказательства того, что я знала о нападении заранее.

— Чушь какая — то, — покачал головой попаданец.

— То — то и оно, что чушь, но мне все равно придется присутствовать на суде.

— Даже так? И когда же состоится суд?

— Завтра.

— Так быстро? — искренне удивился Тима, — а как же расследования и прочее?

— Так суд и есть часть расследования. Монора выдвинут свои официальные претензии, я — официальное опровержение. А после начнется долгая, пустая болтовня. Я буду рассказывать как все было. Мои свидетели будут рассказывать как все было. Жандармы будут рассказывать как все было и так далее. А потом суд примет решение по делу, — пояснила девушка.

— Хм, — задумчиво проговорил попаданец, — интересная система. И расследование и суд в одном флаконе.

— А у вас, что, все как — то иначе происходит? — заинтересовалась Лилиана.

— Да. У нас суд принимает конечное решение. Правда, потом его можно оспорить в другом, более высоком по статусу, суде. Бывает что из-за постоянных переносов заседаний люди ждут решения годами.

Они еще некоторое время помолчали, каждый думая о своем.

— Ты меня извини, — снова первой нарушила молчание девушка.

— Это за что? — искренне удивился Тима.

— Ну, я же обещала тебе это, как его там, — она замолчала, явно вспоминая что — то.

— Свидание? — подсказал ей попаданец.

— Да, именно его, — благодарно улыбнулась девушка.

— Глупость какая, — отмахнулся Тима, — я же все понимаю. Не беспокойся, я готов ждать сколько угодно. Тем более, — он кивнул в сторону того угла парка, в котором в последнее время занимался, — мне теперь есть чем заняться. Лон оказался, на удивление, неплохим учителем.

— Мы обязательно сходим на прогулку по городу. Я уже даже маршрут наметила. Как раз суд закончится и на следующий же день отправимся.

— Я знаю, Лили, не переживай, — попытался успокоить девушку Тима.

Они просидели еще около часа, болтая о всем подряд, наслаждаясь обществом друг друга. Разрушил их интим непосредственный Юлиус, пришедший уведомить свою госпожу о каком — то важном, госте, ожидающем ее в кабинете.

— Кто именно пришел? — поинтересовалась Лилиана, поднимаясь на ноги, — и почему именно ты докладываешь?

— Так получилось, — пожал тот плечами, — меня Далоф попросил предупредить вас, а сам он вроде бы отправился выполнять какое — то ваше поручение. Кто именно решил вас посетить, я, увы, не знаю.

— Дожили, — всплеснула Лилиана руками, — глава моей охраны работает посыльным. Уж я поговорю с Титусом и Далофом. Как будто у нас слуг нет. Ладно, пойдем. Тима, извини, — повернулась она к попаданцу, — но, дела зовут. Спасибо тебе большое, я чудесно провела время, — она улыбнулась и слегка коснулась плеча попаданца.

— Погоди прощаться, — поднялся тот на ноги, — я провожу тебя. Все равно я как раз собирался заглянуть в библиотеку.

— Как знаешь, — ответила девушка, — пойдём, Юлиус, — повернулась она к начальнику своей охраны.

Они вернулись в дом и направились в сторону кабинета Лилианы, который находился неподалеку от библиотеки. Девушка с воином шли рядом, чуть впереди, попаданец же, решивший не мешать им лишний раз, чуть поотстал.

Какое — то неясное беспокойство маячило на грани его сознания. И он не мог понять что именно его смущает. Примерно на полпути к кабинету до него наконец дошло в чем была проблема. В самом Юлиусе. Тот был очень напряжен. Такого за ним Тима раньше не замечал. Тот, прежний, начальник охраны всегда был собран, уверен в себе, даже в самые напряженные моменты боя в нем не было той скованности, что присутствовала сейчас. А еще были слуги, их по пути встретилось предостаточно, как рабов, так и свободных. Тима насчитал не менее десятка. Неужели дворецкий никого не нашел, чтобы оповестить хозяйку? Да и с каких пор раб командуется свободным? А как же те парни, что стоят на воротах? Ведь обычно именно они приносят подобные вести.

— Лилиана, — тихо позвал девушку Тима.

Та остановилась и повернулась к нему, собираясь что — то сказать, но начальник охраны ее опередил:

— Госпожа, гость ждет.

— Погоди, Юлиус, — отмахнулась она от него, — что ты хотел, Тима?

— Мне кое — что нужно тебе сказать. Наедине. Это не займет много времени.

— А это не может подождать? — с сомнением посмотрела она на попаданца.

— Нет. — Коротко ответил он.

— Юлиус, будь добр, оставь нас на минутку, — повернулась она к начальнику своей стражи.

— Но, госпожа, — попытался тот образумить ее, — гость.

— Юлиус! — слегка повысила она голос, после чего повернувшись к тому спиной, сделала шаг в направлении Тимы.

— Лилиана! — попытался предупредить ее попаданец, но было поздно. Юлиус выхватил откуда — то из — за спины средних размеров кинжал с прямым, обоюдоострым лезвием и коротко, без замаха, несколько раз ударил девушку куда — то в район печени. Она как — то странно всхлипнула и начала заваливаться вперед лицом на пол. Тима на некоторое время замер, смотря на невозможную, нереальную картину. Лилиана, его Лилиана. Ее убил какой — то ублюдок. Человек, который должен был ее защищать.

Именно последняя мысль и вывела из оцепенения. В нем начал разгораться жуткий, первобытный огонь невозможной, непостижимой ярости. Тима поднял взгляд с лежащей на полу девушки, под которой начало расплзаться кровавое пятно и посмотрел прямо в какие — то пустые, лишенные всех эмоций глаза Юлиуса.

— С — с — с — сука, — прошипел попаданец, — ты у меня вечность страдать будешь!

— Я не понимаю твой варварский язык, червь, — усмехнувшись, бросил предатель в ответ, — хочешь моей крови? Пойди и возьми.

Тима, не говоря больше не слова, балансируя на самой грани безумия, ломанулся на Юлиуса с голыми руками. Он забыл про все. Видел перед собой только это ненавистное, усмехающееся лицо.

Если бы он был в нормальном состоянии, то естественно, подобной глупости не совершил. Однако у него на глазах только что убили его любимую. Да, пожалуй

действительно любимую. Теперь, потеряв ее, Тима осознавал это полностью.

«Убить, убить, убить, убить!», — стучало у него в голове, пока он с голыми руками несся на предателя. И каждое это «убить» было как ведром бензина для костра, разжигало его ярость, увеличивало его ненависть, его желание сделать ублюдку как можно больнее. Чтобы он хоть чуть — чуть смог ощутить ту боль, что чувствовал сейчас молодой человек.

Но чуда, естественно, не случилось. Опытный боец легко уклонился от неумелой атаки попаданца. После чего, одним мощным ударом в голову. Отправил того в нокаут.

Впрочем, в отключке, судя по всему, Тима провалялся совсем недолго, так как, придя в себя, увидел, что по прежнему находится в том же коридоре, где Юлиус убил Лилиану. Едва эта мысль сформировалась в голове попаданца, как на него будто ушат холодной воды вылили. Он вскочил на ноги, осматриваясь. Но никого, кроме лежащей на полу, в луже собственной крови, девушки, он не увидел. Ни слуг, ни рабов, ни убийцы.

Ему как — то вдруг стало все равно. Вместо злости, было вспыхнувшей в нем, на него накатила апатия и он, упав на колени рядом с телом Лилианы, зарыдал. Открыто, никого не стесняясь. Он плакал и просил у нее прощения, говорил какие — то глупости и снова плакал.

— Не плачь, не нужно, мой милый, — пробился к нему сквозь стену горя голос девушки.

— Лили, — прошептал он, смотря в ее глаза, — ты жива. Погоди, я позову лекаря. Ты главное держись.

— Не... нужно... — еле слышно ответила она, — мне уже не помочь. Я это точно знаю, — она попыталась улыбнуться, однако гримаса боли исказила ее прекрасное лицо. — Просто... Просто побудь со мной...

— Хорошо, родная, хорошо, — вновь не смог сдержать слез попаданец. — Я обязательно отомщу за тебя, слышишь?

— Да... ты сможешь, — голос ее с каждым словом все сильнее слабел, — я знаю.

Так он и сидел некоторое время, рядом с умирающей девушкой. Гладил ее по голове. Шептал всякие ободряющие глупости. Давал обещания, которые не сможет выполнить. И корил себя за то, что ничем не может помочь своей любимой. Будь он магом — смог бы что-то сделать, а шаманизм — очень сильная, но очень ритуалозависимая вещь. Единственное что он мог сейчас — это призвать своих духов — рабов, однако, те вряд ли были в состоянии спасти ее.

Внезапно у него появилась идея. Граничащая с безумием, но все же идея. Он все же мог кое — что сделать для Лилианы. Время. Вот чего сейчас не хватало. А он, он знал способ, как можно выиграть его достаточно для того, чтобы что-нибудь придумать.

— Лили, — лихорадочно зашептал он, обращаясь к умирающей девушке, — ты мне доверяешь?

— Что... за... глупости... — еле слышно прошелестело в ответ, — конечно я тебе доверяю.

— Тогда ничего не бойся. Я все исправлю. Клянусь своей душой.

Он поцеловал ее в, некогда алые, а сейчас — совершенно бледные, губы. За его спиной раздались какие — то крики, топот ног. Однако, он совершенно не обращая на них внимания, достал у себя из — за пояса свой кристальный серп и без размаха всадил его прямо в сердце своей любимой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net